

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

2° 2022

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2022. Том 14. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2022. Volume 14. No. 2

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2022. Том 14. № 2

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	А. Д. Говорова
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2022
© Interaction. Interview. Interpretation, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марксовна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии	8
<i>Тамара Щеглова</i> Чувство безопасности в городе: в поисках социологического определения	8
Полевые исследования	24
<i>Дарья Лебедева</i> «Вот такую цену ты платишь»: представления москвичей об экологических рисках здоровью (в контексте онкологической угрозы).....	24
<i>Елена Рассолова, Константин Галкин</i> «Больше творческой энергии»: смыслы и функции креативного пространства в моногороде (кейс Набережных Челнов).....	55
<i>Олег Янишевский</i> Реформа маршрутной сети как катализатор социальных процессов.....	66
Исследовательская рефлексия	80
<i>Миляуша Гибадуллина</i> Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан	80
<i>Элла Жесько</i> Навигация по городской еде: о вкусах, местах и профессиях.....	93

Contents

Editor's Letter	7
Theoretical Discourses and Debates	8
<i>Tamara Shcheglova</i> Feeling Safe in the City: In Search of a Sociological Conceptualization.....	8
Field Work Research	24
<i>Daria Lebedeva</i> "That's the Price You Pay": Muscovites' Understandings of Ecological Health Risks (in the Context of the Oncological Threat).....	24
<i>Elena Rassolova, Konstantin Galkin</i> "More Creative Energy": Senses and Functions of Creative Space in the Industrial Town (the Case of Naberezhnye Chelny).....	55
<i>Oleg Ianishevskii</i> Reform of the Route Network as a Catalyst for Social Processes.....	66
Research reflection	80
<i>Milyausha Gibadullina</i> Experience in the Study of the Religious Field: Reflection on the Example of Republic of Tatarstan	80
<i>Ella Zhesko</i> City Food Navigation: About Tastes, Places and Professions	93

Письмо редактора

Фотография фрагмента интерактивного макета из музея «Гранд Макет Россия» (<https://grandmaket.ru>), размещенная на обложке номера, иллюстрирует многофокусность, динамику и мозаичность городской жизни. Мозаика сюжетов городской повседневности стала основой текущего номера журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация». Авторы номера приглашают к дискуссии о навигации по городской гастрономии, о транспортных привычках, о городской безопасности, о формировании креативных кластеров, о городской экологической повестке.

Открывает дискуссию теоретический обзор Тамары Щегловой, которая концептуализирует понятие чувства безопасности как социально-эмоциональной характеристики городского пространства, фокусируясь на различиях между понятиями городской безопасности и ощущением безопасности в городе. Далее в рамках полевых исследований обсуждаются экологические риски городской жизни (Дарья Лебедева), возможности перепрофилирования бывших промышленных территорий в городские креативные кластеры (Елена Рассолова и Константин Галкин). В обеих статьях делается попытка выявить разные стратегии горожан, отражающие гетерогенность мнений и стилей жизни, присущих городу.

Транспортная система является неотъемлемой частью городской жизни. Олег Янишевский исследует недавний кейс с изменением привычных маршрутов и переименованием номеров общественного транспорта в Москве. Анализ комментариев в районных онлайн-группах показывает не только критический настрой горожан по поводу данной ситуации, но вскрывает и более тонкие элементы механики городской жизни.

В рубрике «Исследовательская рефлексия» предлагаются два текста. Элла Жесько анализирует интервью с гастрожурналистом о вкусах, местах и профессионализме и делает выводы о том, от чего зависят гастрономические практики горожан. Также автор показывает, как отдельный кейс может послужить основой для выстраивания исследовательской концептуализации. Вторая статья рубрики описывает рефлексию автора (Миляуши Гибадуллиной) об амбивалентности позиции исследователя и о специфике полевой работы при выборе «сложного» объекта — религиозности учащихся и преподавателей мусульманских учебных заведений Татарстана.

Редактор номера
А. В. Стрельникова

Теоретические дискурсы и дискуссии

Чувство безопасности в городе: в поисках социологического определения¹

DOI: [10.19181/inter.2022.14.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.1)

Ссылка для цитирования:

Щеглова Т.Е. Чувство безопасности в городе: в поисках социологического определения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.1>

For citation:

Shcheglova T.E. (2022) Feeling Safe in the City: In Search of a Sociological Conceptualization. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.1>

Щеглова Тамара Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: tshcheglova@hse.ru

В статье проблематизируется существование разрыва между понятиями городской безопасности и ощущением безопасности в городе. Под городской безопасностью, как правило, понимают низкий уровень преступности и защиту от других внешних угроз. При этом чувство безопасности связано с индивидуальными переживаниями, социальной идентичностью и другими социальными и психологическими факторами. Отсутствие социологического понимания чувства безопасности является проблемой для дальнейшего изучения феномена. Цель данной статьи — продвинуться в разрешении этой проблемы. Вначале приводится обзор наработок к исследованию безопасности в социологической теории, которые связывают понятие безопасности с понятиями риска и доверия. Далее безопасность рассматривается с учетом ее социально-эмоциональных характеристик. Описывается роль пространства в эмоциональных переживаниях индивидов. В результате предлагается определение городской безопасности как чувства, основанного на спектре

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Выражаю огромную благодарность своему научному руководителю Анне Владимировне Стрельниковой и коллегам из Международной лаборатории прикладного сетевого анализа за ценные советы и рекомендации, которые они давали мне для работы над этой статьей.

социальных эмоций и находящего выражение через специфический дискурс и социальные действия.

Ключевые слова: чувство безопасности; субъективная безопасность; восприятие безопасности; городская безопасность; социология эмоций; городская социология

Город привлекателен для потенциальных жителей открывающимися возможностями получения статуса горожанина, доступа к различным благам (здравоохранение, образование), высокооплачиваемой работы и более многообразным формам времяпрепровождения. Вместе с этим городская среда связана с рядом негативных последствий. С ростом городов увеличиваются физические и социальные риски, которые негативно сказываются на жизни человека [Кружкова, 2014].

Согласно широко известной теории мотиваций Маслоу [Maslow, 1943], потребность в безопасности — ключевая базовая потребность. Поэтому при разработке государственной политики, связанной с благополучием горожан, часто приходится учитывать вопросы, касающиеся восприятия (не)безопасности в общественном пространстве [Sjöberg, Nygren, 2021]. Места тесно связаны с эмоциями и могут считаться безопасными или небезопасными, приятными или безобразными, любимыми или скучными и т.п. Субъективное восприятие города может быть ценным источником информации для градостроителей и местной администрации [Pánek, Pászto, Marek, 2017].

Проблема городской безопасности в течение многих лет привлекает внимание социальных ученых, поскольку влияет на психологическое и психосоциальное состояние индивидов и общества [Gabriel, Greve, 2003; Amerio, Roccato, 2005]. В мировой практике городская безопасность измеряется преимущественно через оценку объективных факторов. В первую очередь безопасность в городе ассоциируется с низким уровнем преступности и защитой от других внутренних и внешних угроз [Miceli, Roccato, Rosato, 2004]. Ежегодно предпринимаются попытки измерить безопасность стран или отдельных городов с помощью различных индексов. Глобальный индекс миролюбия измеряет уровень безопасности проживания в странах и регионах¹. Индекс безопасных городов оценивает качество здравоохранения, инфраструктуры безопасности, цифровой и личной безопасности². Глобальный индекс организованной преступности измеряет уровень организованной преступности и оценивает устойчивость к организованной преступной деятельности³. Однако ощущение безопасности — субъективное и индивидуальное, оно зависит от многих социально-экономических и социально-психологических параметров.

¹ Global Peace Index 2021: Measuring Peace in a Complex World. Sydney, June 2021. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 07.05.2022).

² Safe Cities Index 2021 // The Economist Intelligence Unit. 2021. URL: <https://safecities.economist.com/safe-cities-2021-whitepaper/> (дата обращения: 07.05.2022).

³ Global Organized Crime Index 2021. URL: <https://ocindex.net> (дата обращения: 07.05.2022).

Более поздние исследования показывают, что восприятие незащищенности в общественном пространстве в меньшей степени связано с состоянием окружающей среды, а в большей — с пространственным представлением, удовлетворенностью местом жительства, городской идентичностью, социальной поддержкой и личными компетенциями. В частности, восприятие безопасности тесно связано с процессами социального взаимодействия и с социальным конструированием незащищенности [Carro, Valera, Vidal, 2010]. Даже одна социальная группа людей в рамках одного и того же городского пространства может по-разному ощущать его безопасность — в силу различий в эмоциональном восприятии, а также под воздействием различных информационных полей, в которых находятся индивиды. Более того, появляются доказательства того, что уровень преступности района перестает ассоциироваться с восприятием его безопасности, а иногда возникают противоречивые ситуации: когда район с низким уровнем преступности воспринимается как небезопасный, и наоборот [Zhang et al., 2021].

Существующие подходы к измерению восприятия безопасности касаются в первую очередь эксплицитных устойчивых представлений об условиях безопасности, включают только когнитивный компонент и не затрагивают эмоциональный и поведенческий [Синельникова, 2009; Кикоть, 2013; Лызь, Куповых, 2015].

Чтобы иметь возможность сравнивать и соотносить индивидуальные аспекты восприятия городской безопасности с представлениями, существующими в науке и социальной практике, необходим инструментарий, позволяющий учитывать социальный и эмоциональный аспекты восприятия городской безопасности. Однако перед тем как приступить к измерениям, следует дать определение понятию «чувство безопасности в городе» через связанные понятия из социологической теории. Понимание, что представляет собой «чувство безопасности в городе» и как оно соотносится с другими социологическими концептами, обеспечит теоретическую целостность феномена и позволит операционализировать понятие для его дальнейшего эмпирического изучения. Фокусирование на чувственной природе безопасности позволит составить более целостное представление о восприятии индивидами городского пространства.

В данной статье предлагается обзор представлений о субъективном восприятии городской безопасности для дальнейшей концептуализации понятия «чувство безопасности в городе».

Взаимосвязь безопасности с понятиями риска и доверия

Определенные наработки к исследованию безопасности в современном обществе заложены в трудах Э. Гидденса, У. Бека, Н. Лумана, П. Штомпки.

В своей теории структуры Э. Гидденс представил концепт онтологической безопасности, говоря о конфиденциальности и доверии, в которых сочетаются природный и социальные миры, включая базовые экзистенциальные

параметры самости и социальной идентичности [Гидденс, 2005: 499]. Опираясь на работу психиатра Р. Д. Лэйнга, Гидденс [Giddens, 1991] утверждает, что «считающиеся само собой разумеющимися» социальные взаимодействия способствуют онтологической безопасности, а рутинные и коммуникативные нормы «защищают» человека от хаоса непредсказуемости. Основанная на развитии доверия, которое «выносит за скобки» тревогу и отчаяние, онтологическая безопасность работает, чтобы ответить на экзистенциальные вопросы онтологии, человечества, самости и других, позволяя индивидууму функционировать в обществе, удовлетворяясь тем, что его социальный и материальный миры сохраняют стабильность [Giddens, 1991: 38–55]. Таким образом, онтологическая безопасность реализуется в основном через эмоции, рутину и самоидентификацию [Banham, 2020]. По логике Гидденса, доверием могут облекаться либо люди, либо абстрактные системы. Доверие к последним выполняет одну из наиболее важных функций в современном обществе, обеспечивая ощущение относительной безопасности повседневных отношений. В ситуации утраты доверия чувство онтологической безопасности с присущей ему рутинизацией существенно трансформируется. Под абстрактными системами понимаются символические знаковые системы (средства политической легитимации, деньги, удостоверения, дипломы) и экспертные системы. Недоверие абстрактным системам предполагает пересмотр индивидом знаний о мире и оценку будущего с позиций риска и выгоды [Гидденс, 2011: 140–141].

Согласно теории «общества риска» У. Бека, в современном социуме производство рисков превалирует над производством богатства, характерного для индустриального общества. Рискогенная среда умножается с ростом знаний, технико-технологическими и институциональными сдвигами. Доверие становится необходимым условием минимизации опасностей до так называемого допустимого, или «приемлемого», риска. Рациональное понимание рисков, характерное для дисциплин естествознания, техники, психологии, экономики, медицины, все чаще оспаривается. В результате нормативным и движущим принципом в обществе риска становится безопасность, в противовес принципу равенства, характерного для нормативного идеала прошлой эпохи [Бек, 2000].

В соответствии с системной теорией риска Н. Лумана, общество совершило переход от социально стратифицированного к функционально стратифицированному, что породило принципиально новые факторы производства неопределенностей и рисков. Согласно Луману, любые решения, которые принимаются в современном мире, влекут за собой риск — не существует поведения, свободного от риска. А значит, не существует абсолютной безопасности [Луман, 2004].

П. Штомпка отмечает, что культура доверия/недоверия и стремления к безопасности зачастую имеет групповой, общественный характер и формирует в обществе некую господствующую «атмосферу», или «климат». Культура доверия «способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, активности, свободы общества, стимулирует интенсивность взаимодействий, усиливает социальные связи, приводит к формированию шкалы общностей и тем самым к развитию потенциала

самореформирующегося общества, его субъективности» [Штомпка, 2008: 334]. Штомпка обратил внимание на то, что в период радикальной реорганизации политических и социальных институтов климат доверия и экзистенциальная безопасность в обществе нарушаются [Штомпка, 2001].

Безопасность находится на периферии общетеоретических представлений о личности, социуме и общественной жизни и на данный момент социологическое знание о безопасности в современных западных теориях не сложилось в отдельное научное направление [Елфимова, 2012]. При этом существующие теоретические подходы обладают рядом общих положений. Категория безопасности тесно связана с понятиями риска, доверия и социальными отношениями. Индивиды стремятся создать вокруг себя стабильную среду с присущими ей рутинными процессами. Поскольку абсолютной безопасности достичь невозможно, так как любое поведение сопряжено с риском, люди, опираясь на доверие, устанавливают нормы и границы допустимой небезопасности. И делают это коллективно.

Социально-эмоциональная природа безопасности

Э. Гидденс неслучайно характеризует онтологическую безопасность через «особые чувства и состояние доверия в постоянстве природного и социального мира, с которым люди себя идентифицируют» [Гидденс, 2003: 49]. Воспринимаемая безопасность тесно связана с ощущениями и эмоциональными переживаниями индивидов.

Эмоции могут быть охарактеризованы как результат какого-либо социального процесса. Как социальный продукт эмоции предполагают социологическое изучение и объяснение [Barbalet, 2001].

Американский социолог Н. Дензин определяет эмоцию как «прожитое, уверенное, ситуативное, ограниченное по времени переживание, которое излучается через поток сознания человека, ощущается в его теле и проходит через него, в процессе бытия, пережитое, погружает человека и его окружение в совершенно новую и преображенную реальность — реальность мира, конституируемого эмоциональным переживанием» [Denzin, 2009: 66]. Т. Кемпер придерживается определения первичной эмоции, данного Сеймуром Эпштейном: «сложная, организованная предрасположенность к определенным классам биологически адаптивного поведения... характеризующаяся отчетливым состоянием физиологического возбуждения, отчетливым чувством или аффективным состоянием, характерным состоянием восприимчивости и характерным паттерном экспрессивных реакций» [Kemper, 1987: 267]. Э. Лоулер определяет эмоции как относительно краткие положительные или отрицательные оценочные состояния, которые имеют физиологические, неврологические и когнитивные элементы [Lawler, Thye, 1999: 219]. Л. Броди рассматривает эмоции как мотивационные системы с физиологическими, поведенческими, эмпирическими и когнитивными компонентами, имеющие положительную или отрицательную валентность (они заставляют человека

чувствовать себя хорошо или плохо) различающиеся по интенсивности и, как правило, индуцирующиеся межличностными ситуациями или событиями, которые влияют на наше благополучие [Brody, 1999: 15]. В то же время К. Шерер определяет эмоцию как эпизод изменения организма «в ответ на оценку внешнего или внутреннего стимулирующего события как относящегося к основным проблемам организма» [Scherer, 2005: 697].

Можно сказать, что эмоции являются телесным проявлением значимости события в природном или социальном мире для субъекта. Эмоция есть телесное сознание, которое сигнализирует и указывает на эту важность, регулируя таким образом взаимоотношения конкретного субъекта с миром. В своем самом простом выражении эмоции состоят из трех элементов (оценка, события и актор): это оценки некоего события, сделанные физическим лицом [Bericat, 2016].

В мире эмоций принципиально различаются внутреннее эмоциональное переживание (субъективные чувства) и эмоциональное выражение (внешнее проявление эмоций). То, что мы чувствуем, может быть выражено словами, мимикой, интонацией, физиологическими проявлениями и действиями. Эмоциональные выражения играют ключевую роль в социальных взаимодействиях [von Scheve, 2012]. Однако существующая связь между внутренним опытом и внешним выражением неоднозначна. Во-первых, эмоциональное выражение не может быть сведено к простому и чистому проявлению внутреннего состояния, а во-вторых, оно не всегда сопровождается внешними проявлениями [Brody, 1999].

Любое описание, объяснение или социологическое понимание социального феномена неполно, если оно не включает чувствующего субъекта в свое изучение структур и социальных процессов [Bericat, 2016]. Следовательно, изучение феномена безопасности невозможно без рассмотрения его чувственной природы.

«Безопасность» — социально обусловленная и дискурсивно определяемая практика [Vubandt, 2005]. В общем смысле Уиллс определяет чувство безопасности как состояние свободы от угроз и опасностей, которое вызывает эмоциональную реакцию; это чувство защищенности от внешних угроз, риска или опасностей. Восприятие незащищенности проявляется для человека как страх потери контроля над своей жизнью, потери имущества, потери социальных отношений или даже потери жизни. Также оно влияет на субъективное благополучие, потому что неуверенность подразумевает отсутствие контроля или автономии человека в отношении управления своим окружением [Wills, 2014].

Для выявления условий, в которых люди чувствуют себя безопасно или небезопасно, необходимо знать, что на самом деле им угрожает — следует понимать самые фундаментальные человеческие потребности и то, как люди реагируют на удовлетворение или лишение этих потребностей. В широком смысле восприятие безопасности — это состояние, в котором удовлетворяются важнейшие потребности человека и предполагается, что это состояние будет оставаться стабильным. Эллер и Фрей делают особый акцент на важности

удовлетворения потребности в социальных связях и считают, что содействие индивидам в налаживании социальных отношений и создании ощущения социальной принадлежности и причастности положительно влияет на восприятие безопасности. Среди других важных потребностей, которые необходимо учитывать, — потребность в автономии, компетентности, удовольствии, контроле, справедливости и осмысленности [Eller, Frey, 2019].

Если придерживаться классификации эмоций Кемпера [Kemper, 1978], который разделял психологические (первичные, универсальны и являются результатом процесса эволюции человека) и социальные (вторичные, приобретаются в процессе социализации) эмоции, чувство безопасности выражается преимущественно через последние.

Роль городского пространства в эмоциональном восприятии индивидов

Городскую среду невозможно рассматривать в отрыве от социальных и глобальных процессов развития: это динамичная система, связанная с процессами трансформации общества [Wessel, 2009]. Город как социокультурное пространство связан с различными смыслами, которые в него вкладывают его жители. Особенности восприятия города зависят от социально-демографических характеристик индивидов, их продолжительности проживания в городах и многих других факторов.

Ученые из областей психологии окружающей среды и социальной географии на протяжении десятилетий изучают взаимосвязь между местами в пространстве и человеческими эмоциями.

Изучение восприятия городских пространств зачастую связывают с понятием «чувство места» (sense of place), которое определяется через ощущения и интерпретации пребывания в конкретном пространстве, смыслы, которыми индивиды наделяют пространства, и восприятие их комфортности [Hashemnezhad, Heidari, Hoseini, 2013]. Джирин считает, что использование картографических элементов и обращение к социологии, «чувствительной к месту», обогащает социологические исследования и позволяет интерпретировать результаты более глубоко [Gieryn, 2000].

Места возникают по мере того, как люди приписывают качества материальным и социальным вещам, расположенным там: «свое» или «чужое»; безопасный или опасный; публичный или частный; незнакомый или известный; богатый или бедный; красивый или некрасивый; новый или старый; доступный или нет [Gieryn, 2000: 472].

Индивиды и места взаимодействуют между собой в трех измерениях: на когнитивном, поведенческом и эмоциональном уровне. Когнитивные аспекты взаимодействия обеспечивают пространственное восприятие, при котором человек идентифицирует элементы окружающей среды и использует их для навигации. Поведенческие аспекты взаимодействия затрагивают активности и функциональные отношения между индивидами и окружающей средой.

Эмоциональное взаимодействие с местом влияет на степень удовлетворенности и привязанности к нему [Altman, Low, 1992].

Отношение человека к месту лежит в основе феноменологии пространства. Главная задача феноменологии заключается в раскрытии смысла предмета, затемненного противоречивыми мнениями, словами и оценками через опыт, который проживает индивид [Гуссерль, 1999].

Феноменологически место может быть определено как любой экологический локус, в котором и через который индивидуальные или групповые действия, переживания, намерения и значения объединяются в пространстве. Феноменологически место — это не физическая среда, отдельная от связанных с ней людей, а, скорее, неделимый, обычно незаметный феномен человека или людей, испытывающих те или иные переживания в данном пространстве. Это явление, как правило, сложно и динамично. Оно включает в себя генеративные процессы, посредством которых место и его смыслы, в том числе привязанность к месту, изменяются или остаются более или менее неизменными [Gieryn, 2000].

Концептуализация понятия чувства безопасности в городе

Социолог В. Боттеро, специализирующаяся на феномене неравенства, отмечает необходимость и важность изучать «локальное», личное, местное неравенство, «носителем» которого является сам индивид [Bottero, 2019]. Аналогичную перспективу следует применять и к изучению городской безопасности, описывать восприятие индивидами города через их чувственный опыт.

Безопасность и чувство безопасности — связанные, но по своей сущности различные концепты. Если обратиться к феноменологической перспективе, чувство безопасности следует воспринимать так, как оно непосредственно переживается индивидом, а не как оно выводится из выражения лица, физиологии, поведения или любого другого метода измерения с помощью третьих лиц. Непосредственные переживания — это «внутренний опыт» — все, что непосредственно, феноменально присутствует в какой-то момент. Внутренний опыт включает внутренние явления, такие как внутренние видения, внутренние разговоры, физиологические ощущения и т.п. Однако внутреннее переживание включает и внешние явления, создаваемые индивидом, такие как видимый закат, слышимый автомобильный гудок, ощущаемый прохладный ветер и пр. [Gieryn, 2000]. При этом внешние явления — часть внутренних переживаний.

С одной стороны, феноменологический подход концентрируется преимущественно на описании субъективных переживаний индивидов, в их отрыве от объективной реальности, мнений и оценок других, а значит, не привязан к пространству. С другой стороны, внутренние переживания включают в себя элементы внешней среды, которые находятся в поле зрения индивида и влияют на его чувственный опыт. Это означает, что чувства можно феноменологически рассматривать и описывать с учетом их связи с пространством.

Наиболее близким понятием к понятию городской (не)безопасности является страх. Страх — собирательный термин для описания чувств разной интенсивности, которые вызываются ожиданием угроз независимо от их удаленности во времени и пространстве [Barbalet, 2001; Tudor, 2003; Kemper, 2006]. Во время перемещения по городу люди могут испытывать страх по-разному: от тревожности до ужаса; при этом большую часть времени горожане находятся в состоянии «начеку» — в состоянии беспокойства о возможном столкновении с угрозой безопасности, в то время как безопасности ничего не угрожает. Это своего рода эмоциональный ответ на нахождение в условиях высокой неопределенности, которые присуще городской среде. Страхи социально продуцируются через средства массовой информации, личные контакты, а также саму городскую среду (голосовые объявления, плакаты и т. д.). Таким образом, состояние «начеку» как социальная норма постоянно поддерживается социальной средой, в которой мы живем [Bagina, 2020]. Однако в сравнении со страхом термин «безопасность» более многогранен и расплывчат в том, что он в себя включает. Безопасность часто противопоставляется страху (преступности), тем самым исключаются многие потенциальные источники небезопасности, выходящие за рамки нормативного государственного понимания безопасности как порядка и отсутствия преступности [Hutta, 2009].

Авторское видение концептуализации понятия «чувство безопасности в городе» можно представить следующим образом (Рис. 1). Существуют рациональные и эмоциональные (субъективный опыт) факторы, влияющие на ощущение безопасности индивидами в конкретном пространстве в городе. Предполагается, что рациональные факторы все же играют не последнюю роль в восприятии городской безопасности: опираясь на прошлый опыт и общепринятые нормы, люди устанавливают границы доверия и уровень допустимого риска. При нахождении в конкретном месте в городе индивиды оценивают его на предмет наличия объективных угроз. Помимо объективной оценки пространства, происходит оценка субъективная: индивиды наделяют место смыслами, создают некий «психологический портрет места»; на данном этапе может возникнуть привязанность к месту. На этот процесс могут оказывать влияние психологические (первичные) эмоции, вызванные внешней, не зависящей от места, ситуацией — индивиды могут испытывать любовь, удивление, страх, печаль, отвращение, гнев и пр. Ощущения и восприятия, которые в результате формируются у индивидов, оказывают влияние на их самоопределение, социальные взаимоотношения и проявляются через социальные (вторичные) эмоции, обусловленные социальными взаимодействиями. Чувство безопасности в городе находит выражение через специфический дискурс и другие внешние проявления — физиологию и действия индивидов. Все это откладывается в субъективный опыт индивидов и в будущем вновь оказывает влияние на формирование границ допустимой объективной небезопасности и того самого ощущения безопасности в городе.

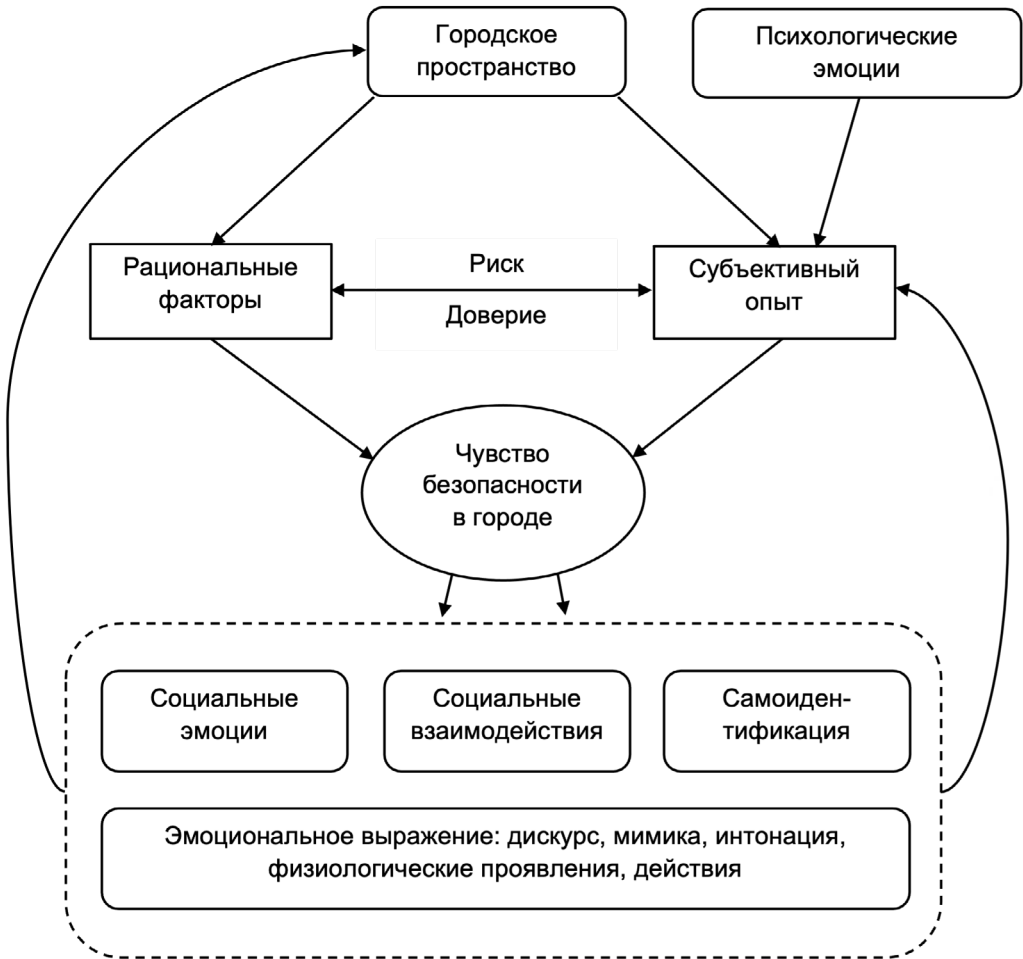

Рисунок 1. Концептуальная схема понятия «чувство безопасности в городе».

Заключение

Настоящая статья является попыткой концептуализации понятия «чувство безопасности в городе» для его последующей операционализации и эмпирического изучения. Чувство безопасности в городе представляется социально обусловленным восприятием индивидами городского пространства, возникающим посредством оценки окружающей среды на основе их субъективного опыта. Ощущение безопасности в городе основано на допустимом для индивидов уровне риска и выражается через спектр социальных эмоций и специфический дискурс.

Разграничение понятий «безопасность» и «чувство безопасности», а также включение в рассмотрение пространственной перспективы открывают более широкие возможности для социологического исследования города

и интерпретации поведения индивидов. При этом исследователям-социологам необходимо быть осторожными с теоретическим осмыслением концепта, поскольку многие его элементы имеют пересечение с психологической и урбанистической перспективой, делая концепт трансдисциплинарным.

Исследование чувственной природы безопасности открывает также и ряд методологических трудностей. Ограничением для эмпирического изучения чувства безопасности в городе является то, что эмоциональное выражение (внешнее проявление эмоций), как правило, неоднозначно и не всегда соответствует переживаемому опыту, поэтому у исследователей нет четкого понимания, как объективно измерить силу чувств, которые испытывает индивид.

В качестве продолжения исследования предполагается проведение глубинных интервью с жителями города, с тем чтобы дополнить и уточнить предложенную концептуальную схему; и последующего анализа дискурса, через который индивиды выражают свои чувства по отношению к конкретному городскому пространству (в том числе с использованием данных социальных медиа).

Литература

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Гидденс Э. Последствия модерна / Пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.
- Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2003.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Т. 1. М.: ДИК, 1999.
- Елфимова О. С. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 3(27). С. 35–41.
- Кикоть В.Я. Представления о безопасности городских и сельских школьников как показатель развития правового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 191–196.
- Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v7i34.632>
- Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004.
- Лызь Н.А., Куповых Ж.Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 8. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (дата обращения: 03.05.2022).
- Синельникова О.П. Эмпирическое изучение представлений старших школьников о безопасности жизнедеятельности // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 122–125.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008.
- Altman I., Low S. Place Attachment. Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research. New York: Springer, 1992. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4>

Amerio P., Roccato M. A Predictive Model for Psychological Reactions to Crime in Italy: An Analysis of Fear of Crime and Concern about Crime as a Social Problem // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2005. Vol. 15. № 1. P. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.1002/casp.806>

Bagina Y. Being on the Alert: How People Experience Everyday Fear in the City // *Explorations in Space and Society*. 2020. Vol. 57. P. 7–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.3>

Banham R. Emotion, Vulnerability, Ontology: Operationalising 'Ontological Security' for Qualitative Environmental Sociology // *Environmental Sociology*. 2020. Vol. 6. № 2. P. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1080/23251042.2020.1717098>

Barbalet J.M. *Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511488740>

Bericat E. The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress // *Current Sociology*. 2016. Vol. 64. № 3. P. 491–513. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392115588355>

Bottero W. *A Sense of Inequality*. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2019.

Brody L. *Gender, Emotion, and the Family*. Cambridge: Harvard University Press, 1999. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028821>

Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // *Security Dialogue*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 275–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010605057015>

Carro D., Valera S., Vidal T. Perceived Insecurity in the Public Space: Personal, Social and Environmental Variables // *Quality & Quantity*. 2010. Vol. 44. № 2. P. 303–314. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-008-9200-0>

Denzin N.K. *On Understanding Emotion*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009.

Eller E., Frey D. Psychological Perspectives on Perceived Safety: Social Factors of Feeling Safe // *Perceived Safety. Risk Engineering* / Ed. by M. Raue, B. Streicher, E. Lermer. Cham: Springer, 2019. P. 43–60. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11456-5_4

Gabriel U., Greve W. The Psychology of Fear of Crime. Conceptual and Methodological Perspectives // *British Journal of Criminology*. 2003. Vol. 43. № 3. P. 600–614. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/43.3.600>

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Gieryn T.F. A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. № 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>

Hashemnezhad H., Heidari A.A., Mohammad Hoseini P. "Sense of Place" and "Place Attachment" // *International Journal of Architecture and Urban Development*. 2013. Vol. 3. № 1. P. 5–12.

Hutta J.S. Geographies of Geborgenheit: Beyond Feelings of Safety and the Fear of Crime // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2009. Vol. 27. № 2. P. 251–273. DOI: <https://doi.org/10.1068/d3308>

Kemper T.D. How Many Emotions Are There? Wedding the Social and Autonomic Components // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 93. № 2. P. 263–289. DOI: <https://doi.org/10.1086/228745>

Kemper T.D. Power and Status and the Power-Status Theory of Emotions // *Handbook of the Sociology of Emotions* / Ed. by J.E. Stets, J.H. Turner. New York: Springer, 2006. P. 84–113. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_5

Kemper T.D. Towards a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions // *The American Sociologist*. 1978. Vol. 13. P. 30–41.

Lawler E.J., Thye Sh.R. Bringing Emotions into Social Exchange Theory // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25. P. 217–244. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.217>

Maslow A.H. A Theory of Human Motivation // *Psychological Review*. 1943. Vol. 50. № 4. P. 370–396. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054346>

Miceli R., Roccato M., Rosato R. Fear of Crime in Italy: Spread and Determinants // *Environment and Behavior*. 2004. Vol. 36. № 6. P. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916503261931>

Pánek J., Pászto V., Marek L. Mapping Emotions: Spatial Distribution of Safety Perception in the City of Olomouc // *The Rise of Big Spatial Data*. Cham: Springer, 2017. P. 211–224. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-45123-7_16

Scherer K. R. What Are Emotions? And How Can They Be Measured? // *Social Science Information*. 2005. Vol. 44. № 4. P. 695–729. DOI: <https://doi.org/10.1177/0539018405058216>

Sjöberg I., Nygren K. G. Contesting City Safety — Exploring (Un)Safety and Objects of Risk from Multiple Viewpoints // *Journal of Risk Research*. 2021. Vol. 24. № 10. P. 1251–1265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1819391>

Tudor A. A (Macro) Sociology of Fear? // *Sociological Review*. 2003. Vol. 51. № 2. P. 238–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954x.00417>

von Scheve C. The Social Calibration of Emotion Expression: An Affective Basis of Micro-Social Order // *Sociological Theory*. 2012. Vol. 30. № 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275112437163>

Wessel T. Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? // *Geografiska Annaler: Series B. Human Geography*. 2009. Vol. 91. № 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2009.00303.x>

Wills E. Feeling Safe and Subjective Well-Being // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* / Ed. by A. C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014. P. 2233–2235. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1027

Zhang F. et al. “Perception Bias”: Deciphering a Mismatch between Urban Crime and Perception of Safety // *Landscape and Urban Planning*. 2021. Vol. 207. Art. 104003. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.104003>

Сведения об авторе:

Щеглова Тамара Евгеньевна — аспирантка, стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** tshcheglova@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 999740; **ORCID ID:** 0000-0001-6930-2013; **ResearcherID:** AAQ-7216-2020.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022

Принята к публикации: 01.06.2022

.....
Feeling Safe in the City: In Search of a Sociological Conceptualization¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.1

Tamara E. Shcheglova HSE University, Moscow, Russia
 E-mail: tshcheglova@hse.ru

The article problematizes the existence of a gap between the concepts of urban safety and the feeling of safety in the city. Urban safety is usually understood as a low crime rate and protection from other external threats. At the same time, the feeling of safety is associated with individual

¹ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. I express my deep gratitude to my scientific supervisor Anna Strelnikova and to my colleagues from the International Laboratory for Applied Network Research for the valuable advice and recommendations.

experiences, social identity and other social and psychological factors. The lack of a sociological understanding of the feeling of safety is a problem for further study of the phenomenon. The purpose of this article is to solve this problem. At the beginning, an overview of the developments in the study of safety in sociological theory is given, which connects the concept of safety with the concepts of risk and trust. Further, safety is considered taking into account its socio-emotional characteristics. The role of space in the emotional experiences of individuals is described. As a result, a definition of urban safety is proposed as a feeling based on the spectrum of social emotions and expressed through specific discourse and social actions.

Keywords: feeling safe; feeling of safety; subjective safety; perception of safety; urban safety; sociology of emotions; urban sociology

References

- Altman I., Low S. (1992) *Place Attachment. Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research*. New York: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4>
- Amerio P., Roccato M. (2005) A Predictive Model for Psychological Reactions to Crime in Italy: An Analysis of Fear of Crime and Concern about Crime as a Social Problem. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Vol. 15. No. 1. P. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.1002/casp.806>
- Bagina Y. (2020) Being on the Alert: How People Experience Everyday Fear in the City. *Explorations in Space and Society*. Vol. 57. P. 7–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.3>
- Banham R. (2020) Emotion, Vulnerability, Ontology: Operationalising ‘Ontological Security’ for Qualitative Environmental Sociology. *Environmental Sociology*. Vol. 6. No. 2. P. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1080/23251042.2020.1717098>
- Barbalet J.M. (2001) *Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511488740>
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Bericat E. (2016) The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 3. P. 491–513. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392115588355>
- Bottero W. (2019) *A Sense of Inequality*. London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Brody L. (1999) *Gender, Emotion, and the Family*. Cambridge: Harvard University Press. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028821>
- Bubandt N. (2005) Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds. *Security Dialogue*. Vol. 36. No. 3. P. 275–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010605057015>
- Carro D., Valera S., Vidal T. (2010) Perceived Insecurity in the Public Space: Personal, Social and Environmental Variables. *Quality & Quantity*. Vol. 44. No. 2. P. 303–314. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-008-9200-0>
- Denzin N.K. (2009) *On Understanding Emotion*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Elfimova O.S. (2012) Kontsept bezopasnosti v sovremennyh zapadnyh sociologicheskikh teoriyah [The Concept of Security in Modern Western Sociological Theories]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences]. No. 3(27). P. 35–41. (In Russ.)
- Eller E., Frey D. (2019) Psychological Perspectives on Perceived Safety: Social Factors of Feeling Safe. In: Raue M., Streicher B., Lerner E. (eds.) *Perceived Safety. Risk Engineering*. Cham: Springer. P. 43–60. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11456-5_4
- Gabriel U., Greve W. (2003) The Psychology of Fear of Crime. Conceptual and Methodological Perspectives. *British Journal of Criminology*. Vol. 43. No. 3. P. 600–614. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/43.3.600>
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.

- Giddens E. (2003) *Ustroenie obshchestva* [The Constitution of Society]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Giddens E. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturasii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Giddens E. (2011) *Posledstviya moderna* [The Consequences of Modernity] / Transl. from Eng. by G. K. Ol'khovnikov, D. A. Kibal'chich. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Gieryn T.F. (2000) A Space for Place in Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 463–496. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.463>
- Hashemnezhad H., Heidari A.A., Mohammad Hoseini P. (2013) "Sense of Place" and "Place Attachment". *International Journal of Architecture and Urban Development*. Vol. 3. No. 1. P. 5–12.
- Husserl E. (1999) *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy] / Transl. from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: DIK. (In Russ.)
- Hutta J.S. (2009) Geographies of Geborgenheit: Beyond Feelings of Safety and the Fear of Crime. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 27. No. 2. P. 251–273. DOI: <https://doi.org/10.1068/d3308>
- Kemper T.D. (1978) Towards a Sociology of Emotions: Some Problems and Some Solutions. *The American Sociologist*. Vol. 13. P. 30–41.
- Kemper T.D. (1987) How Many Emotions Are There? Wedding the Social and Autonomic Components. *American Journal of Sociology*. Vol. 93. No. 2. P. 263–289. DOI: <https://doi.org/10.1086/228745>
- Kemper T.D. (2006) Power and Status and the Power-Status Theory of Emotions. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York: Springer. P. 84–113. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_5
- Kikot'V. Ya. (2013) Predstavleniya o bezopasnosti gorodskih i sel'skih shkol'nikov kak pokazatel' razvitiya pravovogo soznaniya [Perceptions of the Safety of Urban and Rural Schoolchildren as an Indicator of the Development of Legal Consciousness]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University]. No. 161. P. 191–196. (In Russ.)
- Kruzhkova O.V. (2014) Individual'naya determinatsiya sub'ektivnoj znachimosti stress-faktorov gorodskoj sredy v period yunosti [Individual Determination of Subjective Importance of Urban Environment Stress Factors in the Period of Youth]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 7. No. 34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v7i34.632>
- Lawler E.J., Thye Sh.R. (1999) Bringing Emotions into Social Exchange Theory. *Annual Review of Sociology*. Vol. 25. P. 217–244. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.217>
- Luman N. (2004) Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a Social System] / Transl. from German by A. Antonovsky. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Lyz' N.A., Kupovyh Zh.G. (2015) Predstavleniya o bezopasnosti kak predmet empiricheskikh issledovanij [Ideas about Safety as a Subject of Empirical Studies]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovation]. Vol. 8. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (accessed 3 May 2022). (In Russ.)
- Maslow A.H. (1943) A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*. Vol. 50. No. 4. P. 370–396. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054346>
- Miceli R., Roccato M., Rosato R. (2004) Fear of Crime in Italy: Spread and Determinants. *Environment and Behavior*. Vol. 36. No. 6. P. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916503261931>
- Pánek J., Pászto V., Marek L. (2017) Mapping Emotions: Spatial Distribution of Safety Perception in the City of Olomouc. *The Rise of Big Spatial Data*. Cham: Springer. P. 211–224. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-45123-7_16
- Scherer K.R. (2005) What Are Emotions? And How Can They Be Measured? *Social Science Information*. Vol. 44. No. 4. P. 695–729. DOI: <https://doi.org/10.1177/0539018405058216>

Sinel'nikova O.P. (2009) Empiricheskoe izuchenie predstavlenij starshih shkol'nikov o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti [Empirical Study of Senior Schoolchildren's Ideas about Life Safety]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], Vol. 6. No. 1. P. 122–125. (In Russ.)

Sjöberg I., Nygren K. G. (2021) Contesting City Safety — Exploring (Un)Safety and Objects of Risk from Multiple Viewpoints. *Journal of Risk Research*. Vol. 24. No. 10. P. 1251–1265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1819391>

Sztompka P. (2001) Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ya vtoraya) [Cultural Trauma in Post-Communist Society (Second Article)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 3–12. (In Russ.)

Sztompka P. (2008) *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Modern Society] / Transl. from Polish by S.M. Chervonnaya Moscow: Logos. (In Russ.)

Tudor A. (2003) A (Macro) Sociology of Fear? *Sociological Review*. Vol. 51. No. 2. P. 238–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954x.00417>

von Scheve C. (2012) The Social Calibration of Emotion Expression: An Affective Basis of Micro-Social Order. *Sociological Theory*. Vol. 30. No. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275112437163>

Wessel T. (2009) Does Diversity in Urban Space Enhance Intergroup Contact and Tolerance? *Geografiska Annaler: Series B. Human Geography*. Vol. 91. No. 1. P. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2009.00303.x>

Wills E. (2014) Feeling Safe and Subjective Well-Being. In: Michalos A.C. (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer. P. 2233–2235. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1027

Zhang F. et al. (2021) "Perception Bias": Deciphering a Mismatch between Urban Crime and Perception of Safety. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 207. Art. 104003. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.104003>

Author bio:

Tamara E. Shcheglova — Graduate Student, Research Assistant, International laboratory for Applied Network Research, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: tshcheglova@hse.ru. **RSCI Author ID:** 999740; **ORCID ID:** 0000-0001-6930-2013; **ResearcherID:** AAQ-7216-2020.

Received: 05.05.2022

Accepted: 01.06.2022

Полевые исследования

«Вот такую цену ты платишь»: представления москвичей об экологических рисках здоровью (в контексте онкологической угрозы)¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.2

Ссылка для цитирования:

Лебедева Д. Р. «Вот такую цену ты платишь»: представления москвичей об экологических рисках здоровью (в контексте онкологической угрозы) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 24–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.2>

For citation:

Lebedeva D. R. (2022) "That's the Price You Pay": Muscovites' Understandings of Ecological Health Risks (in the Context of the Oncological Threat). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 24–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.2>

Лебедева Дарья Руслановна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: dlebedeva@hse.ru

Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения, около четверти заболеваний в мире обусловлены условиями окружающей среды. На пятом месте среди болезней, провоцируемых условиями окружающей среды — онкологические заболевания, находящиеся в частном фокусе социальной политики. Их особенность состоит в том, что это болезни постиндустриальных обществ, в которых граждане доживают до рака, преодолевших другие группы заболеваний. При этом в российской системе здравоохранения предпринимаются попытки выстраивать модель индивидуальной рациональной ответственности индивидов за себя и за свое здоровье, хотя для того не предоставляются достаточные институциональные условия в виде открытых и функциональных социальных институтов. На примере онкологических заболеваний и их связи с условиями окружающей среды представляется возможным выявить установки индивидов

¹ Статья основана на результатах работы проектной группы «Онкология и дефициты агентности: автономные практики заботы россиян о себе в условиях кризиса биомедицины» при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ (2020–2022 гг.). Работа над статьей велась в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ «Проблема выбора на современных потребительских рынках» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2022 г.).

на здоровье и агентность в самозаботе. В данной работе ставится вопрос о том, каковы представления индивидов о возможностях и личной агентности в отношении рисков здоровью и онкологических заболеваний в связи с качеством окружающей среды, каковы обоснования самосохранительных практик и отказа от таковых в ответ на экологические риски. Исследуется пример москвичей как жителей крупного города, которые, с одной стороны, предрасположены к большим экологическим рискам здоровью, а с другой стороны, имеют расширенный доступ к развивающимся институтам здравоохранения.

На материалах 39 глубинных интервью делается вывод, что условия окружающей среды осмысляются москвичами как значимый фактор здоровья, однако экологические риски ограниченно воспринимаются как индивидуальная ответственность и стимул личной активности. Мы предполагаем, что отказ от действия для минимизации рисков развития онкологических заболеваний в связи с факторами окружающей среды локально рационален и отвечает индустриальному типу самозаботы москвичей. Здоровье имеет утилитарную ценность и выступает «платой» за преимущества городского стиля жизни, за удобства, перспективы благосостояния и самореализацию. Вместе с тем москвичи, на наш взгляд, готовы откликнуться на экологические институциональные изменения.

Ключевые слова: экологические риски; самосохранительные практики; политики здоровья; самозабота; локальная рациональность; агентность; проактивность

Условия окружающей среды и климата — причина четверти всех смертей в мире [Romanello et al., 2021]¹. Качество окружающей среды является системным фактором здоровья наряду с наличием инклюзивных социальных институтов, открытостью и функциональностью инфраструктуры и социально-политических отношений². Изменение индивидуальных установок и практик в отношении экологических рисков здоровью, стимулирование личной ответственности (в том числе в самозаботе) возможны при стабильной поддержке социальной системы [Ziguras, 2004]. Именно при наличии подспорья в виде прочной системы институтов и социальных связей убеждения индивидов о факторах здоровья и возможностях самосохранительного поведения конвертируются в практики.

¹ Prüss-Üstün A. et al. Preventing Disease through Healthy Environments: A Global Assessment of the Burden of Disease from Environmental Risks // World Health Organization. 2016. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565196> (дата обращения: 15.03.2022); Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска // Всемирная организация здравоохранения. 2015. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/44203/9789244563878_rus.pdf;jsessionid=198AE297852B72448E4EDF9CD3D675F9?sequence=8 (дата обращения: 15.03.2022).

² The Sustainable Development Agenda // United Nations. 2022. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/> (дата обращения: 15.03.2022).

Онкологические заболевания находятся в фокусе пристального внимания публичной политики, поскольку наносят серьезный ущерб социально-экономическому развитию общества¹. Они занимают пятое место среди болезней, связанных с условиями окружающей среды². Статистика онкологических заболеваний дифференцирована в зависимости от демографических показателей индивидов и видов рака [Состояние онкологической помощи..., 2021] и потому представляется продуктивным примером контекста, в котором можно проблематизировать связь заболеваемости и факторов окружающей среды.

В мегаполисах ситуация с онкологическими заболеваниями складывается особым образом. С точки зрения индустриальных рисков крупные центры безопаснее индустриальных городов, в которых экономика сфокусирована на производстве, но в мегаполисах все же выше риски, вызванные качеством воздуха, воды, радиацией, и эти факторы окружающей среды усугубляют индивидуальные факторы онкологии (такие как генетика и образ жизни) [Marolla, 2016; Henshall et al., 2019]. Темп и стиль жизни жителей столицы (стрессы, нарушение режима дня, светового режима, световое и шумовое загрязнение) является дополнительным рискогенным фактором. Более того, рак принято называть «заболеванием прогрессивного общества», граждане которого «доживают» до него, пережив другие причины смерти (сердечно-сосудистые заболевания и заболевания органов дыхания). Таким образом, если в настоящем горожане при прочих равных менее предрасположены к онкологическим заболеваниям и обладают широкими возможностями для ранней диагностики и успешного лечения, в долгосрочной перспективе они более вероятно столкнутся с этим недугом. Это ставит вопрос о необходимости поиска способов не только системного, но и индивидуального управления экологическими рисками. Выяснению того, как на индивидуальном уровне осмысляется связь здоровья и минимизации экологических рисков, и посвящена данная работа.

В России связь здоровья и качества окружающей среды зазвучала в публичном и политическом дискурсе лишь в последние несколько лет [Поворот к природе..., 2021; Доклад о человеческом развитии..., 2017]. В рамках модернизации российского здравоохранения активно транслируется идея о личной ответственности индивидов за себя и за свое здоровье. Гражданам вменяется проактивная, рефлексивная и самостоятельная позиция в его сохранении [Шилова, 2012; Савельева, 2013; Суворова, Розмаинский, 2019]. И в случае онкологических заболеваний подчеркивается, что ряд онкогенных рисков, в том числе связанных с факторами окружающей среды, можно предотвратить

¹ Злокачественные новообразования в регионах России, 2019. М.: Нужна помощь, 2020. URL: <https://static.tochno.st/files/analytical/25acf5bde8d7274335e2c2969fea85cd.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

² Cancer and the Environment. U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Cancer Institute, National Institute of Environmental Health Sciences, 2003. URL: https://www.niehs.nih.gov/health/materials/cancer_and_the_environment_508.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

на индивидуальном и системном уровне¹. В то же время создание системных инфраструктурных, экономических, политических предпосылок для актуализации проактивного субъекта, склонного уделять внимание минимизации рисков для здоровья, запаздывает. Таким образом, в публичном дискурсе и официальной риторике отстаиваются институциональные и ценностные образцы самосохранительного поведения, не отвечающие реальным социокультурным контекстам и институциональным возможностям заботы о здоровье.

В российском контексте Москва является не только примером крупного города, но и особой площадкой для тестирования институциональных реформ и инициатив, которые в дальнейшем распространяются в регионах [Зубаревич, 2019]. И хотя Москва по количеству и качеству услуг здравоохранения превосходит другие регионы [Kharkova, Kvasha, Revich, 2018], длительное проживание в ней дает индивидам дополнительные риски для здоровья. В данном исследовании мы обращаемся к кейсу москвичей, которые имеют благодаря институциональным условиям пространство для выбора личных стратегий самозаботы. Каковы представления москвичей об онкологических рисках в связи с качеством окружающей среды и о возможностях личной проактивности в отношении рисков здоровью? Какие обоснования здоровья и самозаботы выражают индивиды и как они обосновывают вовлеченность в самосохранительные практики и отказ от проактивной минимизации рисков?

В рамках статьи на примере экологических рисков здоровью и развития онкологических заболеваний мы ставим цель реконструировать представления индивидов о возможностях и пределах проактивности в самозаботе, отказываясь от нормативного ярлыка дефицита агентности и ответственности россиян и не фокусируясь на реальном самосохранительном поведении индивидов. Впрочем, в условиях неопределённости акторы действуют исходя из социально разделяемых представлений о будущем, своими практиками структурируя и предопределяя социальный порядок [Beckert, Suckert, 2020; Beckert, Bronk, 2019].

Социальные предпосылки представлений о самозаботе и рисках для здоровья

В основе социальных исследований самосохранительного поведения индивидов лежит предпосылка о том, что сам концепт здоровья и болезни социально конструируется и отражает социальные структуры [Williams, 2003; Conrad, Barker, 2010; Abel, Frohlich, 2012; Бердышева, Белявский, 2021]. Понятие здоровья определяется социальными факторами жизни человека: внешние условия, доступ к медицинским услугам, образ жизни, самосохранительные установки и практики оказываются частью габитуса [Ковалева, 2008; Schulz, Northridge, 2004]. Поэтому для поддержания онтологической безопасности

¹ Preventing Cancer // World Health Organization. 2021. URL: <https://www.who.int/activities/preventing-cancer> (дата обращения: 15.03.2022).

индивиды вынуждены «отфильтровывать» риски, которым готовы уделять внимание и на которые готовы направлять свои действия [Giddens, 1991], в том числе в самозаботе [Steingraber, 2005; Carter, Hooker, Davey, 2009; Schwan, 2021]. Риски, таким образом, также социально конструируются и выборочно осмысляются.

Говоря об обществе риска в современности, Гидденс подчеркивает, что экологические риски являются атрибутом поздней современности, поскольку они не только социально сконструированы, но и буквально произведены (manufactured) человеком. Они имеют комплексную природу, и их регулирование зачастую заходит в тупик из-за «распределенной безответственности» ('organised irresponsibility') социальных институтов [Giddens, 1999].

Условия окружающей среды — один из факторов здоровья индивидов и сообществ, а также их возможностей самосохранительного поведения. Окружающая среда в широком смысле включает физические, химические, биологические, равно как и социальные, культурные, экономические условия. Угрозы для здоровья со стороны окружающей среды принято разделять на традиционные и современные: первые связаны с недостаточным развитием сообществ и институтов (например, санитарные условия), в то время как вторые вызваны экономическим ростом, неустойчивым развитием и разрушением окружающей среды [Corvalán, Kjellström, Smith, 1999]. Угрозы именно второго типа, свойственные эпохе позднего модерна, называют экологическими рисками [Beck, 1992; Beck, Giddens, Lash, 1994; Frohlich, Abel, 2014].

Экологические риски, таким образом, вызваны разрушением окружающей среды и выходом экологических систем и их взаимосвязей из своего баланса [Romanello et al., 2021; Frohlich, Abel, 2014; York, Rosa, Dietz, 2003]. Они имеют системный характер и на микроуровне проявляются в различных сферах жизни как констелляция условий окружающей среды и индивидуальных параметров здоровья. Например, во влиянии климатических изменений на человека факторами выступает место проживания, благосостояние, наличие доступа к качественному жилью, образ жизни (например, встроены ли в него ежедневные пробежки) [Romanello et al., 2021]. Такой же системностью и нелинейностью связи с факторами характеризуются онкологические заболевания. Причем сочетания индивидуальных и системных факторов могут как усиливать, так и нейтрализовать друг друга [Rushton, 2003; Kerr et al., 2018].

В связи с этим для анализа поведения индивидов в отношении рисков современности и возможностей проактивности кажется продуктивной концептуализация риска как решения, а не угрозы или вины [Гаврилов, 2017; Zinn, 2016]. Агентность как атрибут личной ответственности в реакции на риск понимается здесь более широко: не только как возможность и способность распознать угрозы и управлять ими через практическое действие, но и как обоснованный отказ от действия [Emanuel et al., 2015; Bell, Hetterly, 2014]. Эта концептуализация, на наш взгляд, особенно релевантна для сферы экологических рисков, опосредованно и комплексно влияющих на здоровье индивидов [York, Rosa, Dietz, 2003; Rushton, 2003].

В своей повседневности индивиды структурируют установки и практики, поддерживая онтологическую безопасность на основе не только доминирующего в современном обществе формально-рационального научного знания, но и обыденных теорий [Berman, Wandersman, 1990; Hughner, Kleine, 2008; Lawton, 2003]. Они формируются структурной позицией и габитусом, социальным опытом индивидов. Болезни, в том числе онкологические, осмысляются индивидами с позиции здравого смысла и общего народного знания [Clarke, Everest, 2006; Macdonald, Watt, Macleod, 2013]. Будучи альтернативой экспертному медицинскому знанию, обыденные теории не менее важны для формирования установок и практик индивидов в самосохранительном поведении. В частности, обращаясь к метафорам о болезнях, Вейсс [Weiss, 1997] показывает отношение к трем наиболее значимым «пандемическим» заболеваниям XX века: ВИЧ, раку и сердечно-сосудистым заболеваниям. Онкологические заболевания, по его мнению, воспринимаются индивидами как внешний по отношению к телу недуг, нарушающий культурно принятые представления о причинах заболеваний. Рак сопровождается опасениями, коннотациями аморфного и неизвестного феномена, непредсказуемого наказания человека или расплаты за небезопасное поведение субъекта в обществе постмодерна.

В поздней современности в дискурсе об онкологических заболеваниях стала доминировать модель личной ответственности индивидов за управление рисками здоровью [Kerr et al., 2018]. В предупреждении заболеваний и стимулировании агентности фокус сместился на образ жизни каждого человека и профилактические посещения врача, а при обнаружении заболевания пациент стал восприниматься как активный участник управления заболеваниями. Впрочем, гипериндивидуализация ответственности за онкологические риски и пренебрежение ролью макроструктур также были критически отрефлексированы исследователями [Kerr et al., 2018; Steingraber, 2005].

Проблематика здоровья вплетена в вопросы социального неравенства в приобретении, профилактике и лечении заболеваний: *«Рак может быть лотереей, но у каждого из нас нет равных шансов на “выигрыш”»* [Steingraber, 2005: 297]. Этапы восприятия здоровья и самозаботы индивидами важно рассматривать в контексте реализуемой социальной политики в сфере здравоохранения и ценности человеческой жизни. В западных неолиберальных обществах, как показывает Зигурас [Ziguras, 2004], социализация здоровья — интеграция установок на самозаботу — проходила в несколько стадий. По мере детрадиционализации медицины и расширения индивидуальных свобод вкупе со снижением прямого вмешательства государства осуществлялись широкие программы стимулирования самосохранительного поведения как атрибута индивидуализированного, ответственного субъекта постмодерна. При этом респонсибилизация индивида в заботе о себе опиралась на структурные, созданные в течение предыдущих этапов становления сферы самозаботы [Crawshaw, 2012]. По мере размывания четких границ субъекта и телесности человека в представления о здоровье человека встраиваются факторы окружающей среды (в широком смысле — природной, антропогенной,

социальной) и начинают преобладать экологические интерпретации самозаботы. При этом внимание к экологическим факторам здоровья в эпоху модерна объясняется не только развитием медицины и научно-техническим прогрессом, но и стремлением индивидов через проблематизацию природных детерминант здоровья противостоять технологизации во всех сферах жизни, сконструировать близость с природой и зависимость от нее [Ziguras, 2004]. Неравное распределение экологических рисков (environmental inequality) гомологично неравенству в рисках для здоровья, нарастающему по мере усугубления проблем окружающей среды [York, Rosa, Dietz, 2003; Pellow, 2000; Brulle, Pellow, 2006].

В России, как отмечают исследователи, попытка модернизации системы здравоохранения была поставлена под вопрос из-за устаревших институтов и патерналистских установок населения [Шилова, 2012; Савельева, 2013], что стало препятствием между реальной политикой и ее легитимацией [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019; Козырева, Смирнов, 2020]. Социальная сфера в петрогосударстве оказывается подчинена экономическим задачам и зависит от благосклонности политических элит [Cultural Forms..., 2018; Kharkova, Kvasha, Revich, 2018]. Здоровье и доступ к здравоохранению — одно из проявлений социального неравенства [Heuns, 2005]. Экологическая повестка продолжает индустриальный вектор развития и противопоставляет экономический рост и экологическую модернизацию [Кудинова, 2015; Яницкий, 2011], противоречивым и ограниченным представляется общественно-политический дискурс на тему охраны окружающей среды [Тулаева, Тысячнюк, Хенри, 2017; Tynkkynen, 2014; Newell, Henry, 2017; Tokunaga, 2010]. Лишь постепенно происходит сдвиг к парадигме устойчивого развития. Повышение качества жизни путем улучшения экологических условий и социальной ориентированности пространств формирует образ современных городов как авангарда просоциальной повестки [Angelo, Wachsmuth, 2020].

Данные и методы

Исследование выполнено в качественной парадигме, поскольку в фокусе работы находятся глубинные осмысления индивидами своей повседневности и их представления о социальной реальности. При этом выводимые из данных закономерности соотносятся с существующими эмпирическими и теоретическими объяснениями. Абдуктивная логика анализа позволяет, с одной стороны, соотносить получаемые на данных результаты с существующими знаниями о феномене, а с другой — уточнять теоретические концепты на эмпирике, последовательно развивая таким образом исследовательский вопрос [Swedberg, 2012; Strauss, 2010]. Эмпирической основой исследования стали материалы 39 глубинных интервью, собранных в декабре — июне 2021 г.

Основные блоки гайда были посвящены следующим темам: забота о себе и своем здоровье; семейная история столкновения с онкологическими заболеваниями и эффекты этого опыта на личное отношение к болезни;

канцерофобия и отдельные аспекты «страха рака»; управление личными онкологическими рисками, установки и практики в отношении различных факторов развития онкологических заболеваний; стратегии профилактики рака, (не)доступность и сознательный отказ от доступных практик. Таким образом, ключевым контекстом интервью стали онкологические заболевания: именно на раке были сфокусированы обсуждения самозаботы, самосохранительных установок и практик, повестки охраны окружающей среды и экологических рисков.

Ядром беседы стало обсуждение установок и практик индивидов в отношении онкологических рисков с особым фокусом на факторы окружающей среды. Для этого на этапе разработки методологии был сформирован широкий перечень экологических рисков здоровью: угрозы в качестве воды, воздуха, питания, использовании бытовой химии, наличии и концентрации промышленных загрязнений, качестве условий труда, наличии радиации. Непосредственно в обсуждении экологических рисков мы просили индивидов поделиться их тревогами и переживаниями об угрозах здоровью сперва в целом и затем конкретно со стороны окружающей среды, чтобы таким образом выяснить, что они сами считают экологическими рисками и насколько эта проблема встроена в повседневное мышление. Затем мы обращались к разработанному при анализе концептуальной рамки перечню и уточняли восприятие индивидами конкретных рисков, маркируемых как значимые в других исследованиях в российском и международном контексте. Также для повышения рефлексивности интервью в ходе беседы использовались проективные вопросы (например, просьбы описать человека, который более склонен заботиться о себе) и обсуждения известных кейсов персоналий и коммерческих компаний, позволившие снизить сензитивность. Таким образом, в интервью обсуждались факторы как индивидуального риска и управления им (например, мобильный телефон в кармане или тщательность проверки продуктов питания на наличие химикатов и канцерогенов), так и системные (к примеру, качество воздуха в районе проживания, наличие промышленных выбросов). Однако важно, что в беседе о реальных практиках обсуждались те риски, которые проявляются на индивидуальном уровне и доступны индивидам на уровне повседневного знания, а также подконтрольны им в масштабах обыденных практик (например, качество воздуха и радиация — гораздо менее гибкие сферы управления онко-рисками по сравнению с образом жизни и питанием).

Выборка была сконструирована по типу максимальных вариаций, чтобы учесть дифференциацию установок и практик самозаботы в зависимости от ряда структурных характеристик. На входе в поле ключевыми критериями для отбора были гендер, семейное положение, степень вовлеченности в самосохранительные практики и виды этих практик, отношение к самозаботе, условия окружающей среды в районе проживания, опыт онкологических заболеваний у значимых других. Итоговая выборка гетерогенна по этим параметрам, поскольку они оказались важными для дифференциации установок и практик в моделях самосохранительного поведения. По мере сбора данных

и появления возможностей для обобщения, критерии поиска информантов уточнялись, конкретизировались каналы рекрутинга для поиска представителей более узких социальных групп и носителей специфических установок.

Также для контрастирования кейсов и обогащения выводов в выборку были включены эксперты в сфере здравоохранения (менеджеры, врачи, государственные управленцы) и безопасности населения; эксперты в области экологии и природопользования. В выборке присутствуют индивиды, ранее проживавшие или живущие до сих пор в регионах, которые в последние годы имеют максимальные показатели выявления и верификации онкологических заболеваний [Состояние онкологической помощи..., 2021] и негативную экологическую ситуацию: Свердловская, Архангельская и Оренбургская области, Республика Мордовия, Алтайский и Хабаровский край; в Москве представлены районы с неблагоприятной экологической обстановкой (Капотня, Царицыно, Нагатинно-Садовники, Жулебино). Из 39 собранных интервью 30 было проведено с москвичами и 9 с жителями других городов. У некоторых информантов есть опыт переезда из родных малых и крупных городов в Москву, и их биографический нарратив обогатили сценарии формирования и реализации стратегий самосохранительного поведения в мегаполисе.

Результаты исследования: ограниченная самозабота как локально рациональная стратегия

Как показывает эмпирический материал, условия окружающей среды являются для москвичей значимым фактором здоровья, в определении уровня здоровья и онкологических заболеваний экологические факторы осмысляются как рядоположенные с индивидуальными. Однако рак даже при осознании вероятности его наступления в связи с качеством окружающей среды ассоциируется преимущественно с системными рисками. В связи с этим на данный момент управление онкологическими рисками не воспринимается как индивидуальная ответственность и стимул для личной активности в охране окружающей среды.

Соотношение онкологических рисков и качества окружающей среды в восприятии москвичей. В обыденном восприятии москвичей проблема самосохранительного поведения видится как комплексное сочетание факторов. В рассуждениях о здоровье и болезни они оперируют обыденными представлениями, охватывающими как индивидуальные, так и системные причины болезни: образ жизни, генетика, доступ к здравоохранению, состояние окружающей среды в целом и в районе проживания. В формировании восприятия целого ряда болезней, но преимущественно онкологических заболеваний, преобладают системные риски.

«Вот просыпается обычный москвич с утра — ему что, есть дело до того, каким воздухом он дышит? Вот среднестатистический человек. Он просыпается и он рад, что он в Москве, а не в каком-то

Кемерово. Он ничего не читал, со статистикой не знаком, он просто рад, что его окружает цивилизация и большой город. Ему пофиг, пока ему не диагностируют рак легких. И вот тогда он задумается, мол, а откуда этот рак, если я не курю» (Жен., 23 года, Москва, имеет опыт рака у близких родных, нет онко-настороженности, минимум практик самозаботы, далека от ЗОЖ).

На это же указывают и эксперты-медики:

«Я вижу большое количество нового прикрепленного [к поликлиникам] населения с онкологией и вне связи с аэропортами, какими-то там свалками и т.д. Это [онкологические заболевания], видимо, болезнь городов. Болезнь нашего образа жизни» (Жен., 30 лет, Москва, сотрудница Департамента здравоохранения Москвы, медицинское образование).

Москвичи не являются рациональными субъектами, мыслящими категориями экономической рациональности и максимизации полезности homo oeconomicus, в строгом смысле рассчитывающими риски здоровью, издержки и выгоды самосохранительных практик. Однако они обладают обыденными представлениями о влиянии окружающей среды на условия жизни: они говорят о роли качества воды, воздуха и продуктов, зеленых насаждений, шумового и светового загрязнения.

«Точно [более предрасположенные к онкологическим заболеваниям] это люди, которые живут в больших городах, в городах, где есть заводы. Конечно, экология, воздух, мы этим дышим, у нас кровь насыщается кислородом, это основа нашей жизни. Мы каждый день поглощаем там микропластик, который с водой, все заводы все спускают, сливают в воду все подряд, потом мы это пьем. ... Мне кажется, большое значение еще имеет, в чем ты готовишь еду» (Жен., 26 лет, Москва, активная забота о себе).

Соответственно, на основе знаний, полученных из личного опыта или историй значимых других, в собственном самосохранительном поведении индивиды склонны к конвенциональным и преимущественно индивидуализированным практикам здорового образа жизни. Это питание, занятия спортом, здоровый сон, посещение врачей, позитивный настрой.

Вектор заботы о себе выбирается на основе того, что индивиды могут непосредственно *ощутить на своем физическом состоянии* и что могут лично контролировать. Практики самосохранительного поведения через внимание к окружающей среде (например, использование бытовой техники для очистки воды и воздуха, отдельный сбор бытовых отходов, использование экологичной кухонной утвари и косметики), напротив, требуют существенной реорганизации повседневных рутин. Вместе с тем потенциальные выгоды от их перестройки воспринимаются как крайне неопределенные и зависящие от инфраструктурных условий:

«Экология очень даже влияет. Понимаю, что сейчас популярно движение за экологию, за чистую среду, но, честно говоря, мне кажется, что от нас мало что зависит. Как ты можешь изменить количество выхлопных газов? Никак. Разве что в тундру переехать жить...» (Жен., 62 года, Москва, выраженная тревога за здоровье, ситуативные практики самозаботы).

Поэтому эффективность и практическая польза конкретных практик самозаботы и минимизации рисков кажутся респондентам «черным ящиком». В рассуждениях о причинах приобретения онкологических заболеваний подчеркивается их неконтролируемость на индивидуальном уровне: *непредсказуемость, зависимость от воли случая, развития медицины*. Конкретно онкологические заболевания индивиды называют «лотереей» или «русской рулеткой»:

«Чисто в теории вам достаточно одной попорченной клетки, одного попадания какой-то заряженной частицы в организм, чтобы произошел рак, а дальше работает статистика. Поэтому накопительный эффект, он имеет место... Что касается Каширки, я сама там жила прямо рядом, и я видела это место, я каталась на велосипеде, я знаю, что там висели ленточки: «Осторожно! Радиационные отходы». Понятно, что это нехорошо, что это там лежит, и это должно быть убрано, но не более того» (Жен., 37, Москва, нет онконастороженности, ситуативные реактивные практики самозаботы, работала в атомной энергетике в сфере работы с населением).

Онкологические заболевания обусловлены, по убеждению москвичей, *невидимыми* в повседневности (что особенно характерно для городской среды) *надындивидуальными* причинами. Поэтому их предупреждение и профилактика сводятся к индивидуальным практикам, замкнутым на телесности. Однако сильно выражены сомнения в их результативности. В итоге неясность в возможности компенсировать накопленный *на протяжении всей жизни* вред для здоровья подталкивает выносить экологические риски для здоровья за рамки повседневных тревог:

«Ну, в глобальном плане, конечно, от всех этих факторов есть зависимость. На мой взгляд, на те факторы, на которые человек может повлиять, — нужно влиять. Например, на генетику мы никак не повлияем, если человек в городе живет — на экологию он тоже никак не повлияет. На экономические факторы, если человек может себе позволить более высококачественное лечение и наблюдение за здоровьем» (Жен., 36 лет, врач-хирург, стремится к проактивным практикам самозаботы через образ жизни).

Итак, индивиды не видят в своей повседневности системного ответа на экологические риски, они уверены в *отставании* российских институтов

и экологической повестки. Обсуждения экологической модернизации и онкологии сходятся на том, что желаемая модель современного образа жизни затруднительна и сомнительна в современных российских реалиях. В этом убеждены и эксперты, вовлеченные в работу с экологическими проектами национального уровня:

«Итог какой? Давайте что-то делать? Давайте, но только не мы. То есть население не спрашивает у государства: “Мы Вам платим деньги. Почему это не сделано? Почему у нас есть свалки? Сами по себе они не бывают. Кто-то же вывозит этот мусор, почему нет контроля? Мы же вроде вам платим. Почему не возили в правильное место?” По сути, любые эти действия должно делать государство» (Муж., 34 года, Москва, эксперт в сфере экологии и природопользования).

Между рисками и выгодами урбанизированной среды. Соотнося для себя преимущества и недостатки жизни в городе и принимая во внимание нерешенные системные основания для самозаботы и экологических практик, москвичи легитимируют проживание в урбанизированной среде. Они анализируют его через представления о том, какие удобства и жизненные шансы дает жизнь в городе. Это прежде всего экономические преимущества: занятость (доступ к рабочим местам в третичном секторе экономики), карьера, образование (себя и, что даже более существенно, своих детей), самореализация, досуг, инфраструктура и технологии, система транспорта и сферы услуг. В городе, по убеждению информантов, также сконцентрированы важные сообщества и значимые другие. Мегаполис — сосредоточение «*благ цивилизации*»: инфраструктуры, здорового образа жизни (в питании, физической активности) и медицинской помощи. В нем формируются *возможности*.

«Мы тоже жили же в Москве долгое время, и каждый раз я тоже так подшучивала, что я все равно живу в Москве, хуже мне уже не будет. [...] Те же самые стресс, заводы, бесконечные выхлопные газы, ну, много факторов, которые влияют, и следить за своим здоровьем обязательно нужно. Наверное, поэтому в Москве много бонусов других есть, москвичам должен же быть баланс какой-то в жизни. Им действительно тяжело, как ни крути. Как бы ты там ни жил, хорошо или плохо, Москва — город не для всех» (Жен., 33 года, Калининград, увлечена медициной, активно вовлечена в практики самозаботы).

Для кого же тогда Москва? Как показывают нарративы, к жизни в мегаполисе тяготеют те, кто склонен видеть свое здоровье как ресурс, который необходимо сохранить и без которого невозможно дальнейшее выстраивание жизни. Для тех москвичей, кто думает, что только в большом городе возможен рост благополучия, Москва становится площадкой для реализации практически неограниченных возможностей и запросов. Мегаполис, по убеждению

его жителей, способен предоставить необходимые и достаточные условия для достижения желаемого уровня жизни и его актуализации. Это отчетливо проявляется в нарративах индивидов на контрасте с теми, кто может позволить себе работать в городе, а жить вне урбанизированной среды (например, в коттеджных поселках), а также с теми, кто ведет сельский образ жизни — живет и трудится за городом.

«Самый лучший мотиватор — это страх. Страх потерять здоровье. В том числе, когда у меня сердце начало сбивать по факту наличия лишнего веса — вот это меня, собственно, и сподвигло уже выстраивать нормальный режим питания. Здесь элементарный страх. [...] За качество жизни, за качество здоровья. Не хочется элементарно потерять здоровье и сократить свою жизнь, будучи самостоятельной этому причиной, по собственной вине» (Муж., 46 лет, Москва, внимателен к здоровью, реактивные практики самозаботы).

Индивиды в нарративах выходят на конфликт между здоровьем и комфортом, который подразумевает не только стабильность и целостность рутин, но и качество жизни, на которое москвичи артикулируют запрос. Разрешая для себя этот ценностный конфликт, они легитимируют проживание в урбанизированной среде через компромисс между преимуществами жизни в городе и здоровьем, достаточным для комфортного проживания. Так, москвичи выражают инструментальную (в противоположность терминальной) ценность здоровья: оно оказывается не целью, но средством для реализации своих устремлений, планов и потребностей, капиталом, который необходимо беречь и преумножать. Как кажется информантам, городская среда компенсирует свойственные ей пагубные эффекты на здоровье расширенными возможностями для жителей:

«Экология экологией, но люди приспосабливаются нормально жить в очень разных условиях. Взять Москву, например, — весьма большой процент долгожителей, люди по 85, 90 лет живут и дольше, хотя, казалось бы, какой мегаполис огромный и какая загрязненная выхлопами среда. И в то же время в относительно чистых районах и маленьких городах может быть все плохо с продолжительностью жизни. И это в том числе потому, что в Москве уровень медицины выше, чем в других городах!» (Жен., 62 года, Москва, выраженная тревога за здоровье, ситуативные практики самозаботы).

Обыденные представления москвичей о гарантированно эффективных стратегиях реализации самозаботы и управления экологическими рисками здоровью в современном мегаполисе выражаются в идее «побега из города» — смены места проживания и отказа от городского образа жизни. В то же время выбор жизни в менее урбанизированной среде вне города (здесь мы намеренно избегаем понятие села, поскольку нам важен градиент представлений

индивидов о «не-Москве») кажется информантам неэффективной стратегией с точки зрения самозаботы.

Препятствия для смены места, а с ним и образа жизни, прежде всего, структурные. По убеждению москвичей, за городом *возможности Москвы*, как правило, недоступны, тогда как риски для здоровья там изменяются по своей сути. Информанты убеждены, что жизнь вне города неэффективна для долгосрочного снижения рисков для здоровья и даже более пагубна для здоровья, поскольку проживание вне *цивилизованной* среды оказывается шагом назад с точки зрения эпидемиологических условий жизни, благосостояния, санитарии и удобств, сопряжена с большим *стрессом*:

«Можно с другой стороны на все это посмотреть, потому что в городе у нас, я считаю, там чистая вода, да? Как бы какие-то вещи такие есть, которых там может не быть в какой-то глуши, куда ты уедешь. Да, там будет чистый воздух, но как бы жизнь там — она же будет сопряжена со своими проблемами. Поэтому нужно какой-то баланс находить между городом и там вот дауншифтингом многие занимаются. Мне кажется, надо какую-то серединку золотую находить. То есть это же тоже очень важно, когда у тебя там есть удобства, продукты свежие и так далее» (Жен., 42 года, Москва, здоровье осмысляет как самоценность, проактивная позиция в самозаботе).

В интервью москвичи с сомнением относятся к «деревенскому» (в нарративах именно деревней именуется среда, противоположная городу) варианту разрешения онкологических рисков в городе и называют его *радикальным*. Для реформатирования образа жизни и отказа от всех преимуществ города без потери качества жизни индивиды, согласно интервью, не обладают достаточным объемом капиталов: экономического, а также культурного, социального. Переезд из города воспринимается москвичами как снижение уровня жизни, потеря всех преимуществ мегаполиса, большие затраты ресурсов¹.

«Для меня ведь самое главное — социальные всякие блага, а загазованность — ну да, это, конечно, как бы хотелось бы получше, но... Заводы-то многие убрались. Но все равно экология-то не особая. Когда из Москвы выезжаешь, разница — день и ночь. Но в то же время не могу я на даче постоянно жить, мне нужно постоянное медицинское наблюдение, а где-то в провинции медицина и в Москве — разница, понимаете? Очень большая. Нужно выбирать что-то» (Жен., 67 лет, Москва, инвалид, поддерживает активный образ жизни).

¹ На это также указывают и эксперты — см., например, материалы: Шашерина М. На ПМЖ за город. Личный опыт // Циан. 12.10.2015. URL: <https://www.cian.ru/stati-na-pmzh-za-gorod-lichnyj-opyt-218041/> (дата обращения: 15.03.2022); Емельянова С. За и против: стоит ли оставаться жить в провинции с хорошим доходом? // Тинькофф Журнал. 16.06.2021. URL: <https://journal.tinkoff.ru/regional-luxury-pros-cons/> (дата обращения: 15.03.2022).

Сложности смены места и образа жизни не только финансовые: по убеждению индивидов, у них недостаточно для этого не только структурных, но и индивидуальных оснований. В нарративах высвечивается недостаток *времени, сил, знаний* для перекраивания своей повседневности. Все они складываются в категорию *«слишком сложно»* и воспринимаются как *издержки* формирования и поддержания практик самозаботы, которые слишком высоки в сравнении с комфортными привычками настоящего:

«Я думаю, что вот-вот, все там — сейчас я стану свободнее, отдохну как следует и вот буду делать все по правилам: и питаться, и жить, и сортировать [бытовые отходы], но это все, к сожалению, как обычно у всех, все завтра, а не сегодня» (Жен., 26 лет, Москва, активная забота о себе).

Стоит отметить, что стратегия *«побега из города»* доступна более обеспеченным индивидам, располагающим достаточными ресурсами для сохранения комфорта повседневности и занимающим структурные позиции, позволяющие гибко выстраивать выбранный стиль жизни. Имея в виду, вероятно, примеры публичных персон, одна респондентка рассуждает:

«Если бы я была богатым состоятельным человеком, у которого нет никакой необходимости зарабатывать деньги, я бы уже давно уехала в какую-нибудь красивую деревню в горах, где у меня пасутся овечки и растут розы под окном. И это просто из-за того, что там чище, лучше, вкуснее и красивее, и тише. Но большой город — это возможность получения каких-то средств для жизни» (Жен., 29 лет, Санкт-Петербург, врач-гематолог).

«Побег из города» воспринимается как стратегия, которую индивиды считают *нереалистичной*, *«не могут себе позволить»*¹ как по имеющимся и ожидаемым экономическим ресурсам, так и по приоритезации здоровья среди жизненных ценностей. Здоровье, таким образом, во многом представляется *платой* городского жителя за прогресс и удобства:

«Я житель городской. И я живу всю жизнь с какими-то хроническими болячками. [...] Это наша дань технологиям. Ну, мы же сами все это сделали. Нам комфортно ездить на машинах. К сожалению, пока бензиновых. [...] Как-то я к своему здоровью не так щепетильно отношусь. Наверное, я поэтому так и говорю. Как будто крест на себе поставила.

¹ Структурные ограничения смены места жительства проявились на полевом этапе не только в интервью, но и при рекрутинге: в ходе выборочного кодирования, стремясь найти информантов, которые успешно сменили место жительства и уехали из Москвы в Подмоскowie с сохранением качества жизни, мы обнаружили, что информанты с таким опытом труднодостижимы в силу их высокого социального положения. Это стоит принимать во внимание как методологическое ограничение, имеющее важное значение для теоретического осмысления результатов.

Ну да. Вот это какая-то данность, вот. Захочет человек жить здорово — ему придется уезжать из города, или из России, потому что есть крайне крутые чистые города за рубежом. И это тогда надо иметь ресурсы для этого. И энтузиазм огромный сохранить себе здоровье. А у нас здоровье зачастую не на таком высоком месте, чтобы ради него уезжать» (Жен., 24 года, Москва, ситуативная самозабота и фатализм в отношении здоровья).

Таким образом, москвичи обладают обыденным знанием о связи здоровья, онкологических заболеваний и окружающей среды. Однако риски наступления онкологических заболеваний в связи с качеством окружающей среды не воспринимаются как доступные для индивидуального контроля. Он зависит от позиции индивида в социальной структуре — и из-за отсутствия достаточной поддержки в виде продуктивных, непротиворечивых институтов у москвичей не выражена готовность полагаться на себя. Личные решения в формировании практик охраны окружающей среды как стратегии самозаботы ограничено и локально рациональны из-за убеждения индивидов в том, что они *«мало что могут изменить»*.

«Ну, а от того, что ты живешь в городе Москва или в деревне — но и ничего не делаешь так особо, то, по мне лично, вся эта экология плюс-минус там год-два туда-сюда, в одну или в другую сторону» (Муж., 40 лет, Москва, фаталистичное отношение к здоровью, ситуативные реактивные практики самозаботы).

В таких условиях онкологические риски воспринимаются как системные и нуждающиеся в решении прежде всего *сверху*. Впрочем, индивиды осмыслиют пространство для проактивной самозаботы и демонстрируют готовность к ней. Для этого они отдают предпочтение, как было показано выше, более достижимым для них сферам индивидуальной ответственности в управлении рисками. Оправдывая жизнь в городе, индивиды вместе с тем стремятся встроить в свою повседневность микропрактики заботы об окружающей среде, чтобы управлять рисками для здоровья. В этом мы видим особый индустриальный тип самозаботы, которому посвящен следующий раздел.

Индустриальный тип самозаботы и запрос на изменения. Стратегия *«побега из города»*, доступная узкому социальному слою, обосновывается как эскапизм, но не управление рисками для здоровья. И индивиды, оставаясь в городе, в своем повседневном опыте пытаются в пределах своей зоны ответственности вовлекаться в практики самозаботы. В частности, нарративы показывают, что в повседневности москвичи постепенно внедряют практики, направленные на заботу о себе через локальное управление состоянием окружающей среды. Среди таких форм самозаботы и управления онкологическими рисками — исключение или минимизация использования бытовой химии (прежде всего, содержащей парабены и вредные химикаты), минимизация

пластика, очистка воды (в том числе для избегания микропластика), избегание излучения, потребление органических продуктов или выбор диеты:

«[Люди] стараются как-то разнообразить, не питаться полуфабрикатами, у меня подружки постоянно в какие-то спортзалы, фитнесы, массажи [ходят]. Но опять же, это зависит и от финансов. У нас же если фитнес, то это стоит дорого, не каждый может себе позволить. Если самостоятельно, то каких-то площадок на улице, организованных мест в Москве, конечно, больше, чем где-то в других городах, но этого мало, редкие исключения. Если [граждане] хотят, то найдут, где заниматься, куда бежать, что делать, но в общем организация подобных мероприятий на низком уровне» (Жен., 44 года, Москва, нет близкого опыта онкологических заболеваний, нет онконастороженности, ситуативные практики самозаботы).

Такого рода забота об окружающей среде имеет скорее прагматический характер: индивиды вовлечены в практики, наиболее повышающие качество жизни, важные для их собственного здоровья и благополучия их близких. Вовлекаясь в практики заботы об окружающей среде, москвичи предпринимают попытки купировать риски со стороны среды в масштабах и пределах своей повседневности — прежде всего бытовой сферы и потребления. Так, стратегии управления рисками сконцентрированы в сфере телесности, образа жизни и даже мышления. Улучшением качества окружающей среды экологически ориентированные практики оказываются мотивированы опосредованно и подспудно.

«Вопросами [защиты окружающей среды] в основном занимаются те, кого это касается. Если у тебя есть свалка под окном, ты против. Если нет, то мне все равно. Я буду покупать огромное количество пластиковых предметов из неизвестного материала и все это выбрасывать. Я могу себе это позволить. Там фраза была такая, после 90-х пришла... "Не надо меньше тратить, надо больше зарабатывать"» (Муж., 34 года, Москва, эксперт в сфере экологии и природопользования).

Вместе с тем прагматические обоснования практик, хотя они и сконцентрированы преимущественно в пределах узкой личной зоны, становятся способом легитимировать в восприятии предпринимаемые шаги навстречу реформам в здравоохранении и экологии. Тем самым индивиды ощущают личный вклад в социальный порядок, ориентированный на проактивную самозаботу, причастность к нему.

«В первую очередь все почему-то противопоставляют экологический вопрос охраны окружающей среды прогрессу. Еще раз: наукоемкие, эффективные технологии, они рождаются именно при жестком спросе.

[...] Улучшение экологической обстановки, оно улучшит отношение людей к жизни, к качеству их жизни» (Муж., 34 года, Москва, эксперт в сфере экологии и природопользования).

Образцом в поле заботы о себе и окружающей среде выступают для информантов европейские страны. В российском контексте эти примеры подталкивают индивидов ставить под вопрос существующую инфраструктуру и становятся для ориентированных на проактивную самозаботу москвичей эмпирическим свидетельством и образцом сосуществования макроусловий и микропрактик:

«[Наше] государство достаточно сильное, и народ у нас, в принципе, достаточно сытый, и вот здесь неплохо бы уже, конечно, подойти к составляющей — такой как воспитательно-образовательная часть по направлению экологии. Было бы очень клево, конечно, если бы на этом направлении начали работать. И административную составляющую у нас тоже надо закручивать очень жестко. [...] К стыду своему, скажу честно, я отдельно мусор не собираю. У меня, может, такое бессовестное оправдание, что у меня рядом пунктов по разделке [раздельному сбору отходов] нету. Но по факту, я знаю, что тот мусор, который в принципе я выбрасываю в мусорные баки «смешанные отходы», он попадает на сортировочные мощности. Если бы у меня рядом стояли мусорные баки — в принципе, наверное, как бы я бы железобетонно раскидывал мусор по разным пакетам» (Муж., 46 лет, Москва, внимателен к здоровью, реактивные практики самозаботы).

Что касается возможностей россиян, индивиды указывают на выраженное недоверие в экологическом и самосохранительном доменах, что укрепляет их ощущение равнодушия государства. Однако, как артикулируется в рассуждениях о недостатке инфраструктуры, при существовании прозрачной в функционировании и использовании инфраструктуры население было бы готово вовлекаться в экологические инициативы. Таким образом, эмпирический материал показывает, что постепенно москвичи не только осмысливают экологические риски здоровью, но и формируют запрос на их системное решение в совокупности с готовностью откликаться на желаемые институциональные изменения.

«Есть эгоистичное желание уехать из страны, поехать в какую-нибудь, не знаю, Германию. Это прям вот уровень того [в здравоохранении и экологии], к чему мы должны, наверное, все стремиться. Но опять же, это делается не просто чтобы показать другим странам, какие мы крутые. Это делается, чтобы люди качественно жили. И это, наверное, самая большая проблема, что у нас люди вообще не понимают, что можно жить качественно, можно жить и кайфовать» (Жен., 24 лет, Москва, активные практики самозаботы и заботы об окружающей среде).

Обсуждение результатов

Как показали эмпирические данные, индивиды сталкиваются как с внутренними, так и с системными сложностями, которые в комплексе препятствуют конвертации самосохранительных установок в практики [Асатурян, Старцев, 2022]. При этом внутренней готовности к самозаботе не отвечают структурные условия [Шилова, 2012; Савельева, 2013; Sätre, Granberg, 2017]. Выбирая проживание в городе, москвичи принимают риски, связанные с ним. Полная смена жительства в пользу «не-Москвы» не допускается как стратегия самозаботы в силу значительных структурных ограничений (прежде всего экономических ресурсов). Нарративы об альтернативе индустриальной, пагубной для здоровья среде высвечивают, на наш взгляд, современный тип проблемы «город — деревня», «центр — периферия». Вместо этого индивиды используют локально рациональные индивидуализированные стратегии избегания риска или его минимизации лично для себя. Их практики заботы о себе, в том числе непосредственно в отношении онкологических заболеваний, сфокусированы на индивидуальных рисках, и относятся к коррективам стиля жизни и к активному участию в сбережении локальной окружающей среды [Шевченко, 2017; Паченков, Воронкова, 2021; Ермолаева, Башева, Корунова, 2021]). Здоровье, на наш взгляд, оказывается для москвичей «платой» за прогресс [Weiss, 1997], технологизацию и жизненные шансы, и горожане тяготеют к реактивным формам самозаботы (лечению уже возникших заболеваний) [Ziguras, 2004]. Это возможно концептуализировать как индустриальный тип самозаботы — сфокусированный на легитимации рисков здоровью в городе, купировании индивидуально контролируемых рисков с вытеснением из повседневности необходимости ответов на риски системные.

Зигурас [Ziguras, 2004] показывает, как альтернативные стратегии самозаботы или фокус на образе жизни становятся механизмом сопротивления медиализации и институциональной зависимости. Наши результаты развивают эту идею и иллюстрируют, что вытеснение индивидами онкорисков из поля внимания и выборочные практики самозаботы стоит рассматривать не как дефицит агентности или фатализм, а как локально рациональную стратегию в условиях ограниченных структурных возможностей для комплексной самозаботы. В этом наши результаты согласуются с исследованиями, предлагающими оптику локальной рациональности в ситуации противоречивых институтов и инфраструктурных несостыковок [Heyns, 2005; Emanuel et al., 2015; Bell, Hetterly, 2014; Паченков, Воронкова, 2021; Ермолаева, Башева, Корунова, 2021].

Неопределенность причин, способов предупреждения и профилактики онкологических заболеваний выражается в нарративах москвичей метафорами «*лотереи*» и «*русской рулетки*», что иллюстрирует склонность объяснять появление рака внешними факторами, причем средовое объяснение онкологических заболеваний дискурсивно доминирует [Corvalán, Kjellström, Smith, 1999]. В восприятии индивидов онкологические заболевания имеют непонятную, пугающую и настораживающую природу [Weiss, 1997; Berman,

Wandersman, 1990], в связи с этим москвичи нерешительны в реальных практиках самозаботы.

Значимость субъективных установок и обыденных знаний (lay knowledge) для формирования самосохранительных практик и воспроизводства социального порядка оказывается столь же высока... и воспроизводства социального порядка оказывается столь же высока, как и научно обоснованные описания реальности, доминирующие в современном обществе. Данные показывают, что они структурируют поток повседневности индивидов и оформляют их реальное поведение, в том числе самосохранительные практики [Berman, Wandersman, 1990; Hughner, Kleine, 2008; Lawton, 2003]. Представления индивидов о социальной реальности перформативны: они определяют практики настоящего и тем самым через воображаемые сценарии структурируют будущее [Beckert, Bronk, 2019; Beckert, Suckert, 2020]. Исходя из своих установок о пределах личной ответственности, акторы формируют паттерны самозаботы.

Согласно нарративам, в представлениях москвичей оформляется все более четкая взаимосвязь здоровья в целом, онкологических заболеваний и качества окружающей среды. Москвичи отмечают экологические факторы здоровья и онкологических заболеваний, причем постепенно по мере нарастания субъективной важности здоровья экологические риски осмысляются в терминах риска как решения, в отношении которого индивид способен занять рациональную проактивную позицию [Гаврилов, 2017]. И в реальном поведении предпринимаются попытки регулировать угрозы здоровью на микроуровне, однако консистентному переходу от реактивной к проактивной модели самозаботы, вероятно, препятствуют недостаточные и противоречивые институциональные условия (ресурсы и правила).

Нарративы обычных граждан и экспертов в области экологической политики, здравоохранения, медицины показывают, что ответственность индивидов за самозаботу в области онкологических заболеваний в связи с рисками окружающей среды воспринимается как распределенная между разными институциональными акторами. Это подчеркивает неравную степень ответственности за экологические риски здоровью и их минимизацию, что согласуется, на наш взгляд, с выводами о том, что обыденные суждения индивидов о причинности и вине различны по уровням акторов [Deviatko, Gavrilov, 2020].

Проблема неравенства в доступе индивидов к качественной окружающей среде и несправедливого распределения рисков здоровью встроена в дискуссии о качестве жизни населения. С общим ростом уровня жизни онкологические заболевания перестают быть «привилегией» более высоких социальных классов, «доживающих» до рака, преодолев инфекционные заболевания, болезни сердечно-сосудистой и дыхательной систем [Brulle, Pellow, 2006; Abel, Frohlich, 2012]. Причем среди москвичей дифференциация жизненных шансов в самосохранительном поведении остро выражена [Kharkova, Kvasha, Revich, 2018; Мареева, 2020].

Таким образом, на социетальном уровне у населения формируется готовность подключаться к экологическим программам, хотя эта готовность

и мотивируется на данном этапе скорее личными мотивами заботы о здоровье, нежели стремлением системно редуцировать экологические проблемы. В восприятии индивидов установка на эскапизм от экологических рисков здоровью сосуществует с запросом на более долгосрочный, структурно укорененный сценарий самозаботы.

Заключение

Развитие медицины и расширение доступа населения к ней приводят к росту продолжительности жизни, но также и к увеличению числа онкологических заболеваний, до которых «доживают» индивиды. Реформирование системы здравоохранения нацелено на создание ответственного, рефлексивного индивида-гражданина, занимающего проактивную позицию в самозаботе как части своей идентичности [Williams, 2003; Бердышева, Белявский, 2021]. Однако для консистентной вовлеченности индивидов в практики самозаботы, во-первых, необходима устойчивая институциональная поддержка и системные основания для проявления агентности, а во-вторых, сами риски для здоровья должны осмысляться и восприниматься как предмет личной ответственности. Примером тесной взаимосвязи внешних системных факторов условий жизни, качества окружающей среды и проактивности индивидов по отношению к своему здоровью являются онкологические заболевания. Целью данного исследования стало выявить представления москвичей об экологических рисках здоровью, месте условий окружающей среды в развитии онкологических заболеваний и личных возможностях и барьерах управления рисками.

Обратившись к повседневности жителей мегаполиса, мы выявили, что данные лучше всего отвечают индустриальному типу самозаботы. Москвичи воспринимают здоровье как ресурс для реализации жизненных целей, как плату за преимущества жизни в высоко урбанизированной среде. Вместе с тем среди москвичей распространяется и артикулируется осознание связки здоровья и состояния окружающей среды, они стремятся встраивать в свою самозаботу экологически ориентированные практики. Но хотя индивиды осознают пагубные для здоровья условия окружающей среды мегаполиса и осуществляют попытки индивидуально управлять рисками, без системной поддержки перспективы самозаботы и сдвига парадигмы ее понимания ограничены. В связи с этим ключевой запрос населения, на наш взгляд, состоит в стабилизации дискурса повестки санитарных условий окружающей среды (environmental health) и создании инфраструктуры для реальных практик.

Данное исследование вносит вклад в дискуссию о представлениях индивидов о факторах развития онкологических заболеваний, влиянии окружающей среды, в том числе в контексте мегаполиса, на здоровье жителей, перспективы модернизации публичного здоровья [Marolla, 2016; Henshall et al., 2019; Romanello et al., 2021]. Российские мегаполисы являются площадками для

тестирования и распространения институциональных изменений, оказываясь медиатором к глобальной повестке здоровья и окружающей среды. Однако институциональные изменения нуждаются в легитимации на микроуровне. На примере проблематики самозаботы мы можем наблюдать постепенный сдвиг к повышению качества жизни, выражающийся в установках индивидов на проактивное (а не реактивное) самосохранительное поведение и заботу об окружающей среде. На эмпирических данных мы видим группы, имеющие проактивные установки и готовые откликнуться на предлагаемые проэкологические преобразования.

Подводя итог, определим некоторые существенные ограничения исследования, которые необходимо принимать во внимание при обсуждении результатов данной работы.

Подчеркнем, что в исследовательском фокусе находятся субъективные представления индивидов о самозаботе, которые высвечиваются через их нарративы о ценности здоровья. Однако важно, что обыденное знание о факторах здоровья и декларируемая активность отражают и структурируют их опыт.

Сужение объекта исследования до жителей Москвы позволило тщательнее проработать специфику восприятия самозаботы в урбанизированной российской среде, принимая во внимание высокую степень регионального неравенства в России [Зубаревич, 2019]. Важно учитывать, что с локальной спецификой города сопряжены определенные инфраструктурные, экономические условия, формирующие, вероятно, более прогрессивные установки на самозаботу. Кроме того, жители столицы, вероятно, более склонны к риторике индивидуальной ответственности.

За рамками данного исследования остается соотношение цены и ценности здоровья. Вопрос о том, считается ли цена за урбанизацию справедливой и как это обосновывается, представляется перспективным направлением дальнейших исследований. Восприятие здоровья как самоценности оказывается дискурсом постиндустриального общества и отсылает к вопросу о восприятии россиянами качества жизни. Также перспективным кажется вопрос о том, каковы субъективные представления индивидов об урбанизированной среде, схватывающей и удобства мегаполиса, и консистентную проактивную самозаботу.

Литература

Асатурян Д. М., Старцев С. В. Не знать, но бояться: источники и способы преодоления канцерофобии // Журнал исследований социальной политики. 2022. (в печати)

Бердышева Е. С., Белявский Б. А. Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 1. С. 9–39. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.1>

Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы. Перекрестки социального неравенства / Под ред. Е. А. Бороздиной, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2019. С. 6–23.

Гаврилов К. А. Риск и моральная ответственность: реконструкция нормативного измерения рискованного поведения // *Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям* / Отв. ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамов, И. В. Катерный. М.: Весь Мир, 2017. С. 135–156.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / Под ред. С. Бобылева, Л. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/15600.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

Ермолаева П., Башева О., Корунова В. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 301–314. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>

Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>

Ковалева А. А. Самоохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11. № 2. С. 179–191.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // *Социологические исследования*. 2020. № 4. С. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009116-0>

Кудинова Е. Эксперт: городское развитие перестало быть строительно-пространственной темой // *Экология и право*. 2015. № 59. С. 14–16.

Мареева С. В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.664>

Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 253–268. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>

Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов. М.: Международные отношения, 2021.

Савельева Ж. В. Кому принадлежит здоровье? Социологические дискуссии и массмедийные интерпретации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 26. № 2. С. 131–141.

Состояние онкологической помощи населению России в 2020 году / Под ред. А. Каприна, В. Старинского, А. Шахзадной. М.: МНИОИ им. П. А. Герцена, 2021.

Суворова О. В., Розмаинский И. В. Неверие в будущее и негативные инвестиции в капитал здоровья в России середины 2010-х гг.: исследование на основе опроса // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. № 1. С. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-128-150>

Тулаева С., Тысячнюк М., Хенри Л. А. Стратегии экологических НПО в контексте принятия закона об иностранных агентах: игры с формальностью // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2017. Т. 9. № 3. С. 18–43. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-3-18-43>

Шевченко Д. «Зеленые» горизонты // *Экология и право*. 2017. Т. 1. № 65. С. 17–21.

Шилова Л. С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Abel T., Frohlich K. L. Capitals and Capabilities: Linking Structure and Agency to Reduce Health Inequalities // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 74. № 2. P. 236–244. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.10.028>

Angelo H., Wachsmuth D. Why Does Everyone Think Cities Can Save the Planet? // *Urban Studies*. 2020. Vol. 57. № 11. P. 2201–2221. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0042098020919081>

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London; Newbury Park: Sage Publications, 1992.
Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994.

Beckert J., Bronk R. Uncertain Futures. Imaginaries, Narratives, and Calculative Technologies. Köln: Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820802.001.0001>

Beckert J., Suckert L. The Future as a Social Fact. The Analysis of Perceptions of the Future in Sociology // Poetics. 2020. Vol. 84. Art. 101499. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101499>

Bell A. V., Hetterly E. "There's a Higher Power, but He Gave Us a Free Will": Socioeconomic Status and the Intersection of Agency and Fatalism in Infertility // Social Science & Medicine. 2014. Vol. 114. P. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.05.036>

Berman S. H., Wandersman A. Fear of Cancer and Knowledge of Cancer: A Review and Proposed Relevance to Hazardous Waste Sites // Social Science & Medicine. 1990. Vol. 31. № 1. P. 81–90. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(90\)90013-i](https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90013-i)

Brulle R. J., Pellow D. N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities // Annual Review of Public Health. 2006. Vol. 27. № 1. P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.27.021405.102124>

Carter S. M., Hooker C. L., Davey H. M. Writing Social Determinants Into and Out of Cancer Control: An Assessment of Policy Practice // Social Science & Medicine. 2009. Vol. 68. № 8. P. 1448–1455. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.01.029>

Clarke J. N., Everest M. M. Cancer in the Mass Print Media: Fear, Uncertainty, and the Medical Model // Social Science & Medicine. 2006. Vol. 62. № 10. P. 2591–2600. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.11.021>

Conrad P., Barker K. K. The Social Construction of Illness: Key Insights and Policy Implications // Journal of Health and Social Behavior. 2010. Vol. 51. № 1 (suppl.). P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022146510383495>

Corvalán C. F., Kjellström T., Smith K. R. Health, Environment and Sustainable Development: Identifying Links and Indicators to Promote Action // Epidemiology. 1999. Vol. 10. № 5. P. 656–660. DOI: <https://doi.org/10.1097/00001648-199909000-00036>

Crawshaw P. Governing at a Distance: Social Marketing and the (Bio)Politics of Responsibility // Social Science & Medicine. 2012. Vol. 75. № 1. P. 200–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.02.040>

Cultural Forms of Protest in Russia / Ed. by B. Beumers et al. London: Routledge, 2018. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315665610>

Deviatko I., Gavrilov K. Causality and Blame Judgments of Negative Side Effects of Actions May Differ for Different Institutional Domains // SAGE Open. 2020. DOI <https://doi.org/10.1177/2158244020970942>

Emanuel A. S. et al. Avoiding Cancer Risk Information // Social Science & Medicine. 2015. Vol. 147. P. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.10.058>

Frohlich K. L., Abel T. Environmental Justice and Health Practices: Understanding How Health Inequities Arise at the Local Level // Sociology of Health & Illness. 2014. Vol. 6. № 2. P. 199–212. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12126>

Giddens A. Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Giddens A. Risk and Responsibility // The Modern Law Review. 1999. Vol. 62. № 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.00188>

Henshall S. M. et al. City Cancer Challenge: Changing the Future of Cancer in Urban Populations // American Society of Clinical Oncology Educational Book. 2019. Vol. 39. P. 121–125. DOI: https://doi.org/10.1200/edbk_238413

Heyns B. Emerging Inequalities in Central and Eastern Europe // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. № 1. P. 163–197. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110637>

Hughner R. S., Kleine S. S. Variations in Lay Health Theories: Implications for Consumer Health Care Decision Making // *Qualitative Health Research*. 2008. Vol. 18. № 12. P. 1687–1703. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732308327354>

Kerr A. et al. The Sociology of Cancer: A Decade of Research // *Sociology of Health and Illness*. 2018. Vol. 40. № 3. P. 552–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12662>

Kharkova T., Kvasha E., Revich B. Comparative Assessment of Mortality Rate of the Population in Russian and Foreign Megacities // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. № 6. P. 690–697. DOI: <https://doi.org/10.1134/s1075700718060059>

Lawton J. Lay Experiences of Health and Illness: Past Research and Future Agendas // *Sociology of Health & Illness*. 2003. Vol. 25. № 3. P. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.00338>

Macdonald S., Watt G., Macleod U. In Search of the Cancer Candidate: Can Lay Epidemiology Help? // *Sociology of Health & Illness*. 2013. Vol. 35. № 4. P. 575–591. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2012.01513.x>

Marolla C. *Climate Health Risks in Megacities: Sustainable Management and Strategic Planning*. Boca Raton: CRC Press, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315367323>

Newell J. P., Henry L. A. The State of Environmental Protection in the Russian Federation: A Review of the Post-Soviet Era // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 57. № 6. P. 779–801. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1289851>

Pellow D. N. Environmental Inequality Formation: Toward a Theory of Environmental Injustice // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 43. № 4. P. 581–601. DOI: <https://doi.org/10.1177/00027640021955441>

Romanello M. et al. The 2021 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change: Code Red for a Healthy Future // *The Lancet*. 2021. Vol. 398. № 10311. P. 1619–1662. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01787-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01787-6)

Rushton L. How Much Does the Environment Contribute to Cancer? // *Occupational and Environmental Medicine*. 2003. Vol. 60. P. 150–156. DOI: <https://doi.org/10.1136/oem.60.2.150>

Sätre A.-M., Granberg L. Policy Implementation and Initiatives in Russia: A Local Perspective // *Laboratorium. Russian Review of Social Research*. 2017. Vol. 9. № 3. P. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-3-70-81>

Schulz A., Northridge M. E. Social Determinants of Health: Implications for Environmental Health Promotion // *Health Education & Behavior*. 2004. Vol. 31. № 4. P. 455–471. DOI: <https://doi.org/10.1177/1090198104265598>

Schwan B. Responsibility Amid the Social Determinants of Health // *Bioethics*. 2021. Vol. 35. P. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.1111/bioe.12782>

Steingraber S. *The Social Construction of Cancer* // *Environmental Sociology: From Analysis to Action* / Ed. by L. King, D.M.C. Auriffeille. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. P. 287–303.

Strauss A. *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511557842>

Swedberg R. *Theorizing in Sociology and Social Science: Turning to the Context of Discovery* // *Theory and Society*. 2012. Vol. 41. № 1. P. 1–40. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-011-9161-5>

Tokunaga M. Environmental Governance in Russia: The “Closed” Pathway to Ecological Modernization // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2010. Vol. 42. № 7. P. 1686–1704. DOI: <https://doi.org/10.1068/a42285>

Tynkkynen N. Prospects for Ecological Modernization in Russia: Analysis of the Policy Environment // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2014. Vol. 22. № 4. P. 575–603.

Weiss M. Signifying the Pandemics: Metaphors of AIDS, Cancer, and Heart Disease // *Medical Anthropology Quarterly*. 1997. Vol. 11. № 4. P. 456–476. DOI: <https://doi.org/10.1525/maq.1997.11.4.456>

Williams G. H. The Determinants of Health: Structure, Context and Agency // *Sociology of Health & Illness*. 2003. Vol. 25. № 3. P. 131–154. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.00344>

York R., Rosa E. A., Dietz T. Footprints on the Earth: The Environmental Consequences of Modernity // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68. № 2. P. 279–300. DOI: <https://doi.org/10.2307/1519769>

Ziguras C. Self-Care: Embodiment, Personal Autonomy and the Shaping of Health Consciousness. London: Routledge, 2004. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203633977>

Zinn J. O. Living in the Anthropocene: Towards a Risk-Taking Society // *Environmental Sociology*. 2016. Vol. 2. № 4. P. 385–394. DOI: <https://doi.org/10.1080/23251042.2016.1233605>

Сведения об авторе:

Лебедева Дарья Руслановна — исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, преподаватель кафедры экономической социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** dlebedeva@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1124672; **ORCID ID:** 0000-0001-9529-5355; **ResearcherID:** AAZ-3188-2021.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2022

Принята к публикации: 30.05.2022

.....
“That’s the Price You Pay”: Muscovites’ Understandings of Ecological Health Risks (in the Context of the Oncological Threat)

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.2

Daria R. Lebedeva *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: dlebedeva@hse.ru

Oncological diseases are in a special focus of social policy programmes. They are multifactorial, attributable to individuals’ lifestyle, genetic predispositions, and the external environmental factors. In the Russian healthcare system, the attempts to build a model of autonomous responsibility of individuals for themselves and for their health were being made, while sufficient institutional conditions that would allow citizens to implement the patterns of self-preservation behavior of developed countries are not fully provided. The environment, being one of the systemic factors of health, depends on infrastructural, economic, political prerequisites. At the same time, it requires a proactive subject that uses structural opportunities to manifest one’s agency. Thus, using the example of oncological diseases and their link with the environmental conditions, we aim to identify individuals’ attitudes to health and agency in selfcare. Based on the theoretical premises of interconnection between structure and agency, this study addresses the justifications that individuals apply to their health-preservation practices and oncological risks in connection with the quality of the environment or lack thereof. We take Muscovites as an example since they are the residents of a metropolis who, on the one hand, are prone to greater environmental health risks, especially in the long term, but, on the other hand, have greater access to healthcare and diagnostics.

Based on the materials of 39 in-depth interviews, we conclude that environmental conditions are perceived by Muscovites as a significant factor in health, however, currently, environmental risks are insufficiently perceived as individual responsibility and an encouragement for personal proactivity. We suggest that a refusal to take a proactive position about cancer risks due to environmental factors turns is a locally rational strategy of Muscovites. Thus, Muscovites are characterized by an industrial type of self-care, in which health has a utilitarian value and is considered a 'price' for the benefits of an urban lifestyle, for industrialization and self-realization. Yet, Muscovites, in our opinion, would be ready to respond to environmental institutional changes.

Keywords: environmental risks; self-preservation practices; healthcare policies; self-care; local rationality; agency; pro-activity

References

- Abel T., Frohlich K. L. (2012) Capitals and Capabilities: Linking Structure and Agency to Reduce Health Inequalities. *Social Science & Medicine*. Vol. 74. No. 2. P. 236–244. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.10.028>
- Angelo H., Wachsmuth D. (2020) Why Does Everyone Think Cities Can Save the Planet? *Urban Studies*. Vol. 57. No. 11. P. 2201–2221. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0042098020919081>
- Asaturyan D. M., Startsev S. V. (2022) Ne znat', no boyat'sya: istochniki i sposoby preodoleniya kantserofobii [Do not know, but be afraid: sources and ways to overcome cancerophobia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. In press. (In Russ.)
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London; Newbury Park: Sage Publications.
- Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford: Stanford University Press.
- Beckert J., Bronk R. (2019) *Uncertain Futures. Imaginaries, Narratives, and Calculative Technologies*. Köln: Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198820802.001.0001>
- Beckert J., Suckert L. (2020) The Future as a Social Fact. The Analysis of Perceptions of the Future in Sociology. *Poetics*. Vol. 84. Art. 101499. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101499>
- Bell A. V., Hetterly E. (2014) "There's a Higher Power, but He Gave Us a Free Will": Socioeconomic Status and the Intersection of Agency and Fatalism in Infertility. *Social Science & Medicine*. Vol. 114. P. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.05.036>
- Berdysheva. E. S., Belyavskiy B. A. (2021) Variativnost' tsennosti zdorov'ya v sotsial'nyh polyah: vyzovy i stimuly samosohranitel'nyh praktik [Variability in Value of Health in Social Fields: Challenges and Incentives for Self-Care Practices]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 1. P. 9–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.1>
- Berman S. H., Wandersman A. (1990) Fear of Cancer and Knowledge of Cancer: A Review and Proposed Relevance to Hazardous Waste Sites. *Social Science & Medicine*. Vol. 31. No. 1. P. 81–90. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(90\)90013-i](https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90013-i)
- Beumers B. et al. (2018) *Cultural Forms of Protest in Russia*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315665610>
- Bobylev S., Grigor'ev L. (eds.) (2017) *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federatsii za 2017 god* [Russian Federation Human Development Report 2017]. Moscow: Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/15600.pdf> (accessed 15 March 2022). (In Russ.)
- Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2019) Zabota v postsovet'skom prostranstve mezhdru paternalizmom i neoliberalizmom: feminist'skie issledovaniya [Care in the Post-Soviet Space Between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Studies]. In: Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (eds.) *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty. Perekryostki sotsial'nogo neravenstva* [Critical Sociology of Care. Crossroads of Social Inequality]. St. Petersburg: EUSPb. P. 6–23. (In Russ.)

Bulle R.J., Pellow D.N. (2006) Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities. *Annual Review of Public Health*. Vol. 27. No. 1. P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.27.021405.102124>

Carter S.M., Hooker C.L., Davey H.M. (2009) Writing Social Determinants Into and Out of Cancer Control: An Assessment of Policy Practice. *Social Science & Medicine*. Vol. 68. No. 8. P. 1448–1455. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.01.029>

Clarke J.N., Everest M.M. (2006) Cancer in the Mass Print Media: Fear, Uncertainty, and the Medical Model. *Social Science & Medicine*. Vol. 62. No. 10. P. 2591–2600. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.11.021>

Conrad P., Barker K.K. (2010) The Social Construction of Illness: Key Insights and Policy Implications. *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. Vol. 51. No. 1 (suppl.). P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022146510383495>

Corvalán C.F., Kjellström T., Smith K.R. (1999) Health, Environment and Sustainable Development: Identifying Links and Indicators to Promote Action. *Epidemiology*. Vol. 10. No. 5. P. 656–660. DOI: <https://doi.org/10.1097/00001648-199909000-00036>

Crawshaw P. (2012) Governing at a Distance: Social Marketing and the (Bio)Politics of Responsibility. *Social Science & Medicine*. Vol. 75. No. 1. P. 200–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.02.040>

Deviatko I., Gavrilov K. (2020) Causality and Blame Judgments of Negative Side Effects of Actions May Differ for Different Institutional Domains. *SAGE Open*. DOI <https://doi.org/10.1177/2158244020970942>

Emanuel A.S. et al. (2015) Avoiding Cancer Risk Information. *Social Science & Medicine*. Vol. 147. P. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.10.058>

Ermolaeva P., Basheva P., Korunova V. (2021) Ekologicheskaya politika i grazhdanskoe uchastie v rossijskikh megapolisah: dostizheniya i vyzovy s pozitsii gorodskih stejkkholderov [Environmental Policy and Civic Participation in Russian Megacities: Achievements and Challenges from the Perspective of Urban Stakeholders]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19. No. 2. P. 301–314. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>

Frohlich K.L., Abel T. (2014) Environmental Justice and Health Practices: Understanding How Health Inequities Arise at the Local Level. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 6. No. 2. P. 199–212. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12126>

Gavrilov K.A. (2017) Risk i moral'naya otvetstvennost': rekonstruktsiya normativnogo izmereniya riskovannogo povedeniya [Risk and moral responsibility: reconstruction of the normative dimension of risky behavior]. In: Devyatko I., Abramov R., Katerny I. (eds.) *Normy i moral' v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh kontseptsij k novym ideyam* [Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas]. Moscow: Ves' mir. P. 135–156. (In Russ.)

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.

Giddens A. (1999) Risk and Responsibility. *The Modern Law Review*. Vol. 62. No. 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.00188>

Henshall S.M. et al. (2019) City Cancer Challenge: Changing the Future of Cancer in Urban Populations. *American Society of Clinical Oncology Educational Book*. Vol. 39. P. 121–125. DOI: https://doi.org/10.1200/edbk_238413

Heyns B. (2005) Emerging Inequalities in Central and Eastern Europe. *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. No. 1. P. 163–197. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110637>

Hughner R.S., Kleine S.S. (2008) Variations in Lay Health Theories: Implications for Consumer Health Care Decision Making. *Qualitative Health Research*. Vol. 18. No. 12. P. 1687–1703. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732308327354>

Kaprin A., Starinskoy V., Shahzadova A. (2021) *Sostoyanie onkologicheskoy pomoshchi naseleniyu Rossii v 2020 godu* [The state of oncological care for the population of Russia in 2020]. Moscow: MNIIOI im. P.A. Gertsena. (In Russ.)

Kerr A. et al. (2018) The Sociology of Cancer: A Decade of Research. *Sociology of Health and Illness*. Vol. 40. No. 3. P. 552–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12662>

Kharkova T., Kvasha E., Revich B. (2018) Comparative Assessment of Mortality Rate of the Population in Russian and Foreign Megacities. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. No. 6. P. 690–697. DOI: <https://doi.org/10.1134/s1075700718060059>

Kovalyova A.A. (2008) Samosohranitel'noe povedenie v sisteme faktorov, okazyvayushchih vliyaniye na sostoyaniye zdorov'ya [Self-preserving behavior in the system of factors that influence the state of health]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 11. No. 2. P. 179–191. (In Russ.)

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020) Dinamika samoosenenok zdorov'ya rossiyan: aktual'nye trendy postsovet'skogo perioda [Russian Citizens' Health Self-Assessment Dynamics: Relevant Trends of the Post-Soviet Era]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies] No. 4. P. 70–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009116-0>

Kudinova E. (2015) Ekspert: gorodskoe razvitiye perestalo byt' stroitel'no-prostranstvennoy temoj [Expert: urban development has ceased to be a construction-spatial theme]. *Ekologiya i pravo* [Ecology and Law]. No. 59. P. 14–16. (In Russ.)

Lawton J. (2003) Lay Experiences of Health and Illness: Past Research and Future Agendas. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 25. No. 3. P. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.00338>

Macdonald S., Watt G., Macleod U. (2013) In Search of the Cancer Candidate: Can Lay Epidemiology Help? *Sociology of Health & Illness*. Vol. 35. No. 4. P. 575–591. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2012.01513.x>

Mareeva S.V. (2020) Monetarnoe neravenstvo v Rossii v sotsiologicheskom izmerenii [Monetary inequality in Russia in the sociological dimension]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 11. No. 3. P. 78–98. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.664>

Marolla C. (2016) *Climate Health Risks in Megacities: Sustainable Management and Strategic Planning*. Boca Raton: CRC Press. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781315367323>

Newell J.P., Henry L.A. (2017) The State of Environmental Protection in the Russian Federation: A Review of the Post-Soviet Era. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57. No. 6. P. 779–801. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2017.1289851>

Pachenkov O., Voronkova L. (2021) "Novyj gorodskoj aktivizm" i "publichnaya politika" v Rossii (na primere Sankt-Peterburga) ["New Urban Activism" and "Public Policy" in Russia (case of Saint Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19. No. 2. P. 253–268. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>

Pellow D.N. (2000) Environmental Inequality Formation: Toward a Theory of Environmental Injustice. *American Behavioral Scientist*. Vol. 43. No. 4. P. 581–601. DOI: <https://doi.org/10.1177/00027640021955441>

Povorot k prirode (2021) *Novaya ekologicheskaya politika Rossii v usloviyah "zelenoj" transformatsii mirovoj ekonomiki i politiki: doklad po itogam serii situatsionnyh analizov* [A Turn to Nature: Russia's New Environmental Policy in the Context of the Green Transformation of the World Economy and Politics: A Report on the Results of a Series of Case Studies]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)

Romanello M. et al. (2021) The 2021 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change: Code Red for a Healthy Future. *The Lancet*. Vol. 398. No. 10311. P. 1619–1662. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01787-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01787-6)

Rushton L. (2003) How Much Does the Environment Contribute to Cancer? *Occupational and Environmental Medicine*. Vol. 60. P. 150–156. DOI: <https://doi.org/10.1136/oem.60.2.150>

Sätre A.-M., Granberg L. (2017) Policy Implementation and Initiatives in Russia: A Local Perspective. *Laboratorium. Russian Review of Social Research*. Vol. 9. No. 3. P. 70–81. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-3-70-81>

Savelyeva Zh.V. (2013) Komu prinadlezhit zdorov'e? Sotsiologicheskie diskussii i massmedijnye interpretatsii [Who owns health? Sociological discussions and mass media interpretations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 2. P. 131–141. (In Russ.)

Schulz A., Northridge M.E. (2004) Social Determinants of Health: Implications for Environmental Health Promotion. *Health Education & Behavior*. Vol. 31. No. 4. P. 455–471. DOI: <https://doi.org/10.1177/1090198104265598>

Schwan B. (2021) Responsibility Amid the Social Determinants of Health. *Bioethics*. Vol. 35. P. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.1111/bioe.12782>

Shevchenko D. (2017) "Zelenye" gorizonty ["Green" horizons]. *Ekologiya i pravo* [Ecology and Law]. Vol. 1. No. 65. P. 17–21. (In Russ.)

Shilova L.S. (2012) *Rossijskie patsienty v usloviyah modernizatsii zdravoohraneniya. Strategii povedeniya* [Russian patients in the context of healthcare modernization. Behavior strategies]. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.)

Steingraber S. (2005) The Social Construction of Cancer. In: King L., Auriffille D.M.C. (eds.) *Environmental Sociology: From Analysis to Action*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. P. 287–303.

Strauss A. (2010) *Qualitative Analysis for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511557842>

Suvorova O.V., Rozmainskij I.V. (2019) Neverie v budushchee i negativnye investicii v kapital zdorov'ya v Rossii serediny 2010-h gg.: issledovanie na osnove oprosa [Disbelief in the future and "negative investment" in health capital in contemporary Russia]. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 1. P. 41–63. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-128-150>

Swedberg R. (2012) Theorizing in Sociology and Social Science: Turning to the Context of Discovery. *Theory and Society*. Vol. 41. No. 1. P. 1–40. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-011-9161-5>

Tokunaga M. (2010) Environmental Governance in Russia: The "Closed" Pathway to Ecological Modernization. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42. No. 7. P. 1686–1704. DOI: <https://doi.org/10.1068/a42285>

Tulaeva S., Tysiachniouk M., Henry L.A. (2017) Strategii ekologicheskikh NPO v kontekste priynyatiya zakona ob inostrannykh agentah: igry s formal'nost'yu [Strategies of Environmental NGOs in the Context of the Law on Foreign Agents: Games with Formality]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 9. No. 3. P. 18–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2017-9-3-18-43>

Tynkkynen N. (2014) Prospects for Ecological Modernization in Russia: Analysis of the Policy Environment. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 22. No. 4. P. 575–603.

Weiss M. (1997) Signifying the Pandemics: Metaphors of AIDS, Cancer, and Heart Disease. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 11. No. 4. P. 456–476. DOI: <https://doi.org/10.1525/maq.1997.11.4.456>

Williams G.H. (2003) The Determinants of Health: Structure, Context and Agency. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 25. No. 3. P. 131–154. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9566.00344>

Yanitskij O.N. (2011) *Ekomodernizatsiya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva* [Ecomodernization of Russia: theory, practice, perspective]. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)

York R., Rosa E.A., Dietz T. (2003) Footprints on the Earth: The Environmental Consequences of Modernity. *American Sociological Review*. Vol. 68. No. 2. P. 279–300. DOI: <https://doi.org/10.2307/1519769>

Ziguras C. (2004) *Self-Care: Embodiment, Personal Autonomy and the Shaping of Health Consciousness*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203633977>

Zinn J.O. (2016) Living in the Anthropocene: Towards a Risk-Taking Society. *Environmental Sociology*. Vol. 2. No. 4. P. 385–394. DOI: <https://doi.org/10.1080/23251042.2016.1233605>

Zubarevich N.V. (2019) Neravenstvo regionov i krupnyh gorodov Rossii: chto izmenilos' v 2010-e gody? [Inequality of regions and large cities of Russia: what has changed in the 2010s?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 4. P. 57–70. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>

Author bio:

Daria R. Lebedeva — Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Lecturer, Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** dlebedeva@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1124672](#); **ORCID ID:** [0000-0001-9529-5355](#); **ResearcherID:** [AAZ-3188-2021](#).

Received: 16.03.2022

Accepted: 30.05.2022

«Больше творческой энергии»: смыслы и функции креативного пространства в моногороде (кейс Набережных Челнов)

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3

Ссылка для цитирования:

Рассолова Е. Н., Галкин К. А. «Больше творческой энергии»: смыслы и функции креативного пространства в моногороде (кейс Набережных Челнов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.3>

For citation:

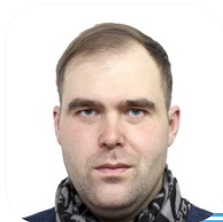
Rassolova E. N., Galkin K. A. (2022) "More Creative Energy": Senses and Functions of Creative Space in the Industrial Town (the Case of Naberezhnye Chelny). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.3>

Рассолова Елена Николаевна

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: enrassolova@gmail.com

Галкин Константин Александрович

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Возможности постсоветских индустриальных городов представляют обширный потенциал для перепрофилирования территорий и изначальных смысловых кодов. В статье рассматривается попытка такого перепрофилирования через создание креативного пространства на территории одного из промышленных предприятий в г. Набережные Челны. В ходе анализа мы выявляем различные стратегии, которые закладываются городскими активистами при описании креативного пространства, его функций и направлений развития.

Первую стратегию мы назвали «креативный город в городе»: креативное пространство рассматривается как определенный исторический символ,

как символ идентичности города, но при этом связанный с организацией различных культурных мероприятий.

Вторая стратегия — «расширение границ» — предполагает, что в креативном пространстве рождаются новые идеи и сети, способствующие развитию горожан.

Ключевые слова: креативные пространства; городской активизм; перепрограммирование территории; индустриальный город; городская идентичность

Введение

На протяжении столетий города возникали естественным образом, вырастали стихийно, подчиняясь своей внутренней логике и законам. Советский опыт градостроительства обеспечил появление целого ряда городов, спроектированных для выполнения определенных функций, в первую очередь индустриальных [Kukulska-Kozielec et al., 2019; Frolic, 1970]. В постсоветский период возникла необходимость перепрограммирования пространств бывших индустриальных городов и конструирования новых городских смыслов с сохранением архитектурной формы.

Происходящие в городских пространствах трансформации усиливают исследовательский интерес к проблематике публичного пространства, в том числе креативных пространств, их роли в гражданском активизме и реализации права на город. Наличие активного городского сообщества, а также креативного бизнеса на территории формирует сеть «власть — город — горожане» [Harvey, Hawkins, Thomas, 2012; Lin, 2018]. Аккумуляция креативных сфер происходит в арт-резиденциях, креативных кластерах и пространствах.

В исследовании, которое легло в основу данной статьи, мы предположили, что переформатирование части городского промышленного ландшафта с сохранением формы, но с изменением содержания в единый «энергетический центр» — креативное пространство — будет способствовать расширению границ использования городского пространства и укреплению культурных кодов и идентичности города. Мы провели исследование с опорой на мнения городских активистов в городе Набережные Челны, рассматривая пример территории бывшего завода ячеистых бетонов (ЗЯБ). Мы задаемся следующими вопросами: какие смыслы городские активисты вкладывают в создание городского креативного пространства и как они видят перспективы развития такого пространства? В российском контексте особый интерес представляет изучение мнений городских активистов как участников в общественно-политической жизни города. В данной статье предпринимается попытка разработки аналитической схемы (выделения категорий) для анализа особенностей мнений и смыслов понимания развития городского креативного пространства у различных городских активистов.

Городская культурная среда: теоретический контекст

Понятие «городская культурная среда» подробно исследовано в работах Л. Б. Когана, Э. А. Орловой и др. [Коган, 1990; Орлова, 1993]. Прежде всего, культурная среда есть совокупность культурных объектов, а также вещей, идей, образцов деятельности, норм поведения и оценок, которые применяются людьми как в профессиональной области, так и обыденных ситуациях [Захарова, 2020]. В городском пространстве в последние годы формируются особые элементы культурной среды — городские креативные кластеры.

При этом креативность может рассматриваться с точки зрения брендинга или маркетинга тех или иных мест [Лэндри, 2006; Визгалов, 2008]. Однако в данном ракурсе рассмотрения сложно определить само пространство как проект, который задает особые контексты в городском развитии, создает особые смыслы таких мест. В настоящей статье под креативными пространствами мы понимаем городские проекты, которые используют элементы творчества, коворкинга и дизайна и которые направлены на трансформацию, расширение городской среды, а в целом — на реструктуризацию городской идентичности [Желнина, 2015]. При этом нас интересует не формальный урбанизм, обусловленный масштабными исследованиями и позициями застройщиков. В данной работе мы сосредоточены на изучении мнений и неформальных идей активистов и экспертов («самодельных урбанистов»), которые влияют на развитие городских проектов, в частности на развитие городского креативного пространства. Такой подход к реформированию и переструктурированию городских пространств — снизу вверх — можно рассматривать как актуальную форму самореализации гражданского общества и публичности в целом, как реализацию своих прав на город, а представления городских активистов и экспертов оказываются важными и значимыми в этом вопросе [Attoh, 2011; Желнина, 2015; Heim LaFramboise, 2017].

Право на город есть нечто большее, чем право индивидуального доступа к городским ресурсам. Это право и коллективная возможность изменять, трансформировать, переформатировать в целом само городское пространство, участвовать в формировании новых городских пространств и новых смыслов города [Harvey, 2003: 939]. Такое право на город позволяет включить в неформальные городские действия не только общественные, организованные и структурированные городские движения, но и низовой урбанизм, на основании которого проектируются, трансформируются, определяются границы и особенности городских пространств. Именно развитие креативных городских пространств — вкупе с городским активизмом — становится ресурсом для укрепления самих городов, для обеспечения стабильного развития города.

Городские креативные пространства, как и творческие инициативы, возникают на изломах формального урбанизма [Iveson, 2013: 943]. Они способствуют развитию альтернативных стилей жизни и новой городской повседневности. Объединяющим фактором для всех креативных городских пространств выступает эксперимент, трансформация изменения привычного, устоявшегося в городе порядка, а затем его постепенное развитие в новом направлении, новом русле,

которое может достаточно сильно отличаться от традиционных представлений и городских креативных пространств [Нои, 2010: 2]. Как отмечает австралийский исследователь Курс Айвсон, креативность становится инструментом для новых публик и способствует созданию новых пространств, или «города в городе». Именно с помощью самих креативных пространств и собственных способностей горожане могут объединяться и изобретать новые пространства для реализации тех или иных возможностей в качестве альтернативы привычному городскому развитию. Другой исследователь, Гордон Дуглас, использует термин «DIY-урбанизм»: городское активистское сообщество и создание креативных индустрий в городе и пространств, по его мнению, может быть определено как конфронтационная политика с городским мейнстримом, как политика, которая практически полностью изменяет, трансформирует город и задает новые тенденции в развитии городского пространства [Douglas, 2014]. При этом, как отмечает Дуглас, репертуары протестных действий постоянно меняются, трансформируются, каждый раз появляются новые формы «самоделного» городского дизайна в рамках идей городских активистов. Креативные пространства при этом более партисипаторны и инклюзивны, и городские активисты в рамках развития креативных пространств могут в полной мере влиять на расстановку приоритетов в контексте реализации права на город [Нои, 2010: 15]. Именно через развитие креативных пространств в городе может достаточно активно развиваться и инклюзивная политика.

В рамках данного исследования рассматривается город Набережные Челны и возможности трансформации его социально-экономического и социально-культурного потенциалов и конкретный кейс недействующего завода ячеистых бетонов как территория, запланированная для формирования нового креативного пространства.

Методология исследования

В основу статьи легло авторское исследование, в рамках которого была собрана серия нарративных полуструктурированных интервью о перспективах городских креативных пространств как баз локальной креативной экономики. Эмпирическая информация собиралась осенью-весной 2021–2022 гг., было проведено 20 интервью с городскими активистами — представителями локального креативного сообщества в городе Набережные Челны. Все информанты имеют разный уровень включенности в городскую повестку. В ходе анализа данных применялся тематический анализ.

Завод ячеистых бетонов: описание кейса

Кейс настоящего исследования — завод ячеистых бетонов (ЗЯБ), находящийся на территории города Набережные Челны. Созданный в 1958–1962 гг. завод ячеистых бетонов привлек первые волны переселенцев на территорию

города. Завод обанкротился в конце 2010-х годов, в настоящее время бывшие производственные площади пустуют.

На территории данного заводского района расположены объекты промышленной и социальной инфраструктуры — предприятия, магазины, жилые кварталы, морг, больница, колледжи, университет и один из городских театров. В данный момент территория завода ЗЯБ стала объектом дискуссии городских активистов о реформировании и изменении данной территории.

Мнения активистов о территории ЗЯБ как о городском креативном пространстве

В ходе полевой работы были рассмотрены мнения о различных проектах развития территории завода ЗЯБ как о примерах реализации права на город. Обнаружены два представления о развитии территории ЗЯБ: 1) «креативный город в городе», по аналогии с проектами, уже реализованными в других городах; 2) «расширение границ», то есть развитие «духа пространства».

Примечательно, что в рамках первого представления активисты видят территорию завода в роли своеобразного выставочного комплекса. В рамках второго представления, помимо демонстрационных возможностей территории завода, отмечается необходимость пространства для кооперации, возможности работы в коворкинге для создания новых идей, которые во многом задаются самим местом. В этом случае публичность места выстраивается не с точки зрения его исторического сохранения и создания внутри особой удобной и комфортной площадки, а с точки зрения новых смыслов и возможностей для развития особой территории, где рождается креатив.

Стратегия «креативный город в городе»

Для стратегии «креативный город в городе» характерны ностальгия по ушедшей публичности завода ЗЯБ; воспоминания о том, что данное место представляет собой важную веху в городской истории. Закрытие и неиспользование данного пространства соотносится с тем, что город забывает часть своего развития, теряя идентичности, присущие данной территории:

«Есть ощущение, что пытаются стереть прошлое, как будто то, что было до КАМАЗа, стыдно, вот и не помнят, и не знают, что и до КАМАЗа у нас было очень интересно и любопытно. Чем завод помешал? Это ведь как раз, конструкт и место памяти для горожан, и надо его превращать в новый культурный код» (муж., 21 год, студент).

«Травма города. У нас их было две. Может, больше. Но все помнят КАМАЗ и группировки. А сейчас ЗЯБ. Нас и так знают как камазовцев, но не хватает ли? Может быть, стоит создать новый культурный код города, а не сознательно его разрушать?» (муж., 39 лет, историк).

С другой стороны, стратегия «креативного города в городе» связана с возможностью рассмотрения иных подобных пространств, существующих в других городах:

«Была в разных городах, тот же Питер. Там же есть “Севкабель-порт” и “Этажи” (креативные пространства), они же существуют на территории заводов — и ничего. И жизнь там кипит. А у нас что? Есть пустующее здание завода с удобным расположением, даже не в промзоне. Размести ты там креативное пространство, ведь сам город просто создан для того, что современное искусство развивалось. Ведь модернизм же. А посмотри на тот же Стамбул или Берлин, там же очень много этих коробочек, но это музеи современного искусства, галереи. А у нас что? Можно же часть корпуса сохранить. А на освободившемся [месте] поставить эти же коробки и свечки, но будет место для горожан, а не сухая механика — поспал, поел, убежал, и криминала меньше будет» (жен., 41 год, дизайнер).

В приведенной цитате хорошо заметна идея создания «города в городе», которая опирается на заимствование тенденций и идей, существующих в других городах. При этом развитие и расширение альтернативного пространства предлагают осуществить сами городские активисты, задействовав потенциал бывшего завода. Само креативное пространство в данной ситуации рассматривается как довольно дискретное: цель этого пространства — развитие интереса у горожан, попытка вырвать их из привычной повседневности, структурно и глобально изменив роль и возможности завода, трансформировав его, превратив в пространство для досуга. Любопытно, что информанты — приверженцы данной позиции видят модернистскую роль города как важный компонент в развитии современного искусства. При этом создание «креативного города в городе», исходя из развития креативных возможностей завода ЗЯБ, видится как формирование особой территории, которая похожа на «большое» городское пространство, но наполнена досуговыми смыслами. Для представителей стратегии креативного города в городе важно использование прежних элементов пространства самого завода (их модификация исключается). В данном контексте городские активисты понимают креативность как закрытые пространства, которые ее четко оформляют и вписывают в свои границы.

Стратегия «расширение границ»

В отличие от информантов — представителей стратегии «город в городе», представители стратегии «расширение границ» рассматривают креативное пространство и территории завода в первую очередь как развитие нового пространства, которое не имеет четко сформированных сценариев.

Для представителей данной стратегии наиболее важными смыслами оказываются коллективность и социальность, развитие сетевой креативности.

Модель ограничения определенной территории и понимание ее особой роли в данном случае не важна:

«Молодежь? Она устала от обычных молодежных центров. Они сами хотят что-то делать, но чаще нет помещений. А на выходные? Ну куда она может пойти в городе? Никуда? А на ЗЯБи так вообще перекаати поле. Они же катаются то в Казань, а то и в Москву на всякие тусовки молодежные. Задыхается тут молодежь, нет тут выхлопа ее энергии. А вот если будет такое молодежное место, как на ЗЯБи, то тут же и межуниверский хаб может быть, и кафешки всякие появятся, и места крутые» (жен., 23 года, архитектор).

В данном случае важен не только процесс включенности в креативную сеть через развитие особого кластера, но также и проектирование новой сети, стирание границ с другими городскими пространствами, создание на этой базе «хаба» или нового места, которое имеет общероссийские и даже международные амбиции для развития. И если для стратегии креативного «города в городе» характерна статичность территории и, как следствие, ее развитие в контексте ее использования, то для стратегии «расширение границ» наиболее важным и значимым выступает само развитие человека, рост (в том числе профессиональный) людей в рамках определенного места, которое представляет не фон, а генератор новых идей и инициатив.

Заключение и дискуссия

Обозначенные в исследовании стратегии видения креативного развития городского пространства — стратегия «креативный город в городе» и стратегия «расширение границ» — позволяют говорить о существовании различных, даже полярных, взглядов у городских активистов Набережных Челнов.

Для представителей стратегии «креативный город в городе» важно развитие самого городского пространства в рамках относительно закрытого мира, где существует возможность насладиться искусством, вырваться из контекста повседневности, изменить привычные механистические и заданные городские рамки. Развитие городского креативного пространства мыслится данной группой информантов как развитие конкретного места, которое объединяет привычный и творческий контекст. Для представителей стратегии «креативный город в городе» значимы достаточно четко структурированные, очерченные городские границы, в рамках которых и происходит развитие креативных индустрий в городе, создание креативного городского пространства. Именно ценность создания своего обустроенного и закрытого (отчасти — от внешних влияний) пространства ставится представителями данной группы во главу угла. Кроме того, важным здесь выступает сохранение существующих границ конкретного места и развитие территории самого завода в привычных границах, но с иным наполнением и с иными возможностями.

Для другой стратегии — «расширения границ» — креативное пространство в городе рассматривается как пространство по созданию сетей, как новое пространство для общения, нетворкинга и проектирования. Идеологами данной стратегии развитие креативного пространства мыслится не как нечто узкопрофильное и затрагивающее только сам город и его память, но как сеть. Также они предполагают совмещение креативного пространства с социальными и коммерческими проектами. Таким образом, пространство здесь утрачивает свои прежние значения, становясь не просто местом досуга, но превращаясь в интерактивное место для профессионального развития.

Среди основных проблем, которые препятствуют созданию единого креативного кластера на территории ЗЯБ, городские активисты называют сложность при достижении компромиссного вектора развития. Несмотря на наличие нескольких активных городских урбанистических сообществ, в процессе проектирования каждый актер пытается «перетянуть одеяло на себя» или решить проблему самостоятельно. Однако, при всех разногласиях, выделение описанных нами стратегий показывает общее видение креативного развития города, которое учитывает роль пространства бывшего завода в городской среде.

Таким образом, нами выявлены различные взгляды в праве на город среди городских активистов и экспертов. Однако общим здесь выступает проявление неформальных инициатив в трансформациях, изменениях городского пространства снизу через создание своей территории или своего «хаба» глобальной сети, к которому относятся сами креативные пространства города.

Литература

- Визгалов Д. В.* Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
- Желнина А. А.* Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 45–59.
- Захарова Е. Е.* Культурная среда города как часть общественного пространства // Человек и культура. 2020. № 1. С. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.1.32171>
- Коган Л. Б.* Быть горожанами. М.: Мысль, 1990.
- Лэндри Ч.* Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006.
- Орлова Э. А.* Проблемы модернизации в России: культурные аспекты // Теоретические основания культурной политики. М.: РИК, 1993. С. 5–24.
- Attoh K. A.* What Kind of Right Is the Right to the City? // Progress in Human Geography. 2011. Vol. 35. № 5. P. 669–685. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0309132510394706>
- Douglas G. C. C.* Do-It-Yourself Urban Design: The Social Practice of Informal “Improvement” Through Unauthorized Alteration // City & Community. 2014. Vol. 13. № 1. P. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12029>
- Frolic B. M.* The Soviet Study of Soviet Cities // The Journal of Politics. 1970. Vol. 32. № 3. P. 675–695. DOI: <https://doi.org/10.2307/2128836>
- Harvey D. C., Hawkins H., Thomas N. J.* Thinking Creative Clusters beyond the City: People, Places and Networks // Geoforum. 2012. Vol. 43. № 3. P. 529–539. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.11.010>
- Harvey D.* The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. Vol. 27. № 4. P. 939–941. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2003.00492.x>

Heim LaFrombois M. Blind Spots and Pop-Up Spots: A Feminist Exploration into the Discourses of Do-It-Yourself (DIY) Urbanism // Urban Studies. 2017. Vol. 54. № 2. P. 421–436. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0042098015604078>

Hou J. Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities. London: Routledge, 2010. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203093009>

Iveson K. Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2013. Vol. 37. № 3. P. 941–956. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12053>

Kukulska-Kozieł A. et al. Towards Three Decades of Spatial Development Transformation in Two Contrasting Post-Soviet Cities — Kraków and Budapest // Land Use Policy. 2019. Vol. 85. P. 328–339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.03.033>

Lin C. Y. Emerging Challenges of an Urban Creative Economy: Reflections on the Governance of Creative Clusters in Taipei City // European Planning Studies. 2018. Vol. 26. № 2. P. 421–437. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1392489>

Сведения об авторах:

Рассолова Елена Николаевна — младший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** enrassolova@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 861266; **ORCID ID:** 0000-0003-3637-5544; **ResearcherID:** AAJ-5888-2021.

Галкин Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kgalkin1989@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 850737; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-6083; **ResearcherID:** A-8784-2016.

Статья поступила в редакцию: 23.03.2022

Принята к публикации: 30.05.2022

“More Creative Energy”: Senses and Functions of Creative Space in the Industrial Town (the Case of Naberezhnye Chelny)

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3

Elena N. Rassolova Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: enrassolova@gmail.com

Konstantin A. Galkin Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

The possibilities of post-Soviet industrial cities represent a vast potential for repurposing territories and reprogramming the original semantic codes. The article considers an attempt to repurpose through the creation of a creative space on the territory of one of the industrial enterprises in Naberezhnye Chelny, and the expression of the right to the city among urban activists.

This article discusses various strategies for understanding the meanings of the formation of a creative urban space among activists. These strategies are considered on the example of the formation of a creative space in the city of Naberezhnye Chelny.

The first strategy should be designated as a “creative city within a city”. This strategy is conditioned by the understanding that the creative space in the city is considered as a certain historical symbol, as a symbol of the identity of the city, but at the same time created by analogy with the spaces of other cities and, therefore, associated with the organization of various cultural events and breaks in the context of everyday life; at the same time, the space itself is considered as a static and immobile object, developed according to certain scenarios.

The second strategy considered in the study is the “border expansion strategy”. In this situation, the creative space itself is a birthplace of new ideas and networks, represented by a hub, and in this case, the place itself contributes to the development of people involved in working in it.

Thus, in the study, based on the consideration of a specific case, we analyzed how city activists build strategies for the transformation and development of the creative space of the territory of the former ZYAB plant and what meanings they invest in the development of this territory, how they position their right to the city.

Keywords: creative spaces; urban activism; territory reprogramming; industrial city; urban identity

References

- Attoh K. A. (2011) What Kind of Right is the Right to the City? *Progress in Human Geography*. Vol. 35. No. 5. P. 669–685. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0309132510394706>
- Douglas G. C. C. (2014) Do-It-Yourself Urban Design: The Social Practice of Informal “Improvement” Through Unauthorized Alteration. *City & Community*. Vol. 13. No. 1. P. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12029>
- Frolic B. M. (1970) The Soviet Study of Soviet Cities. *The Journal of Politics*. Vol. 32. No. 3. P. 675–695. DOI: <https://doi.org/10.2307/2128836>
- Harvey D. (2003) The Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 27. No. 4. P. 939–941. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2003.00492.x>
- Harvey D. C., Hawkins H., Thomas N. J. (2012) Thinking Creative Clusters beyond the City: People, Places and Networks. *Geoforum*. Vol. 43. No. 3. P. 529–539. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.11.010>
- Heim LaFrombois M. (2017) Blind Spots and Pop-Up Spots: A Feminist Exploration into the Discourses of Do-It-Yourself (DIY) Urbanism. *Urban Studies*. Vol. 54. No. 2. P. 421–436. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0042098015604078>
- Hou J. (2010) *Insurgent Public Space: Guerrilla Urbanism and the Remaking of Contemporary Cities*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203093009>
- Iveson K. (2013) Cities within the City: Do-It-Yourself Urbanism and the Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 37. No. 3. P. 941–956. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12053>
- Kogan L. B. (1990) *Byt' gorozhanami* [To Be Citizens]. Moscow: Mysl' (In Russ.)
- Kukulaska-Kozieł A. et al. (2019) Towards Three Decades of Spatial Development Transformation in Two Contrasting Post-Soviet Cities — Kraków and Budapest. *Land Use Policy*. Vol. 85. P. 328–339.
- Landry Ch. (2006) *Kreativnyj gorod* [The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators]. Moscow: Klassika-XXI. (In Russ.)

Lin C.Y. (2018) Emerging Challenges of an Urban Creative Economy: Reflections on the Governance of Creative Clusters in Taipei City. *European Planning Studies*. Vol. 26. No. 2. P. 421–437. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1392489>

Orlova E. A. (1993) Problemy modernizacii v Rossii: kul'turnye aspekty [Problems of Modernization in Russia: Cultural Aspects]. In: *Teoreticheskie osnovaniya kul'turnoj politiki* [Theoretical Foundations of Cultural Policy]. Moscow: RIK. (In Russ.)

Vizgalov D.V. (2008) *Marketing goroda* [City Marketing: Practical Guide]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda". (In Russ.)

Zakharova E.E. (2020) Kul'turnaya sreda goroda kak chast' obshchestvennogo prostranstva [City's Cultural Environment as a Part of Public Space]. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. No. 1. P. 73–80. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.1.32171>

Zhel'nina A. A. (2015) Kreativnost' v gorode: reinterpretaciya publichnogo prostranstva [Urban Creativity: Reinterpreting the Public Space]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 18. No. 2. P. 45–59.

Author bio:

Elena N. Rassolova — Junior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** enrassolova@gmail.com. **RSCI Author ID:** 861266; **ORCID ID:** 0000-0003-3637-5544; **ResearcherID:** AAJ-5888-2021.

Konstantin A. Galkin — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** kgalkin1989@mail.ru. **RSCI Author ID:** 850737; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-6083; **ResearcherID:** A-8784-2016.

Received: 23.03.2022

Accepted: 30.05.2022

Реформа маршрутной сети как катализатор социальных процессов

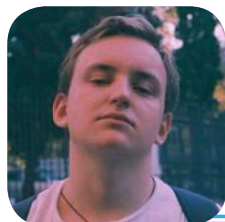
DOI: [10.19181/inter.2022.14.2.4](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.4)

Ссылка для цитирования:

Янишевский О.Б. Реформа маршрутной сети как катализатор социальных процессов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 66–79. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.4>

For citation:

Ianisheskii O.B. (2022) Reform of the Route Network as a Catalyst for Social Processes. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 66–79. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.4>

Янишевский Олег Борисович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: oyanisheskii@hse.ru

В статье рассматривается влияние реформы маршрутной сети «Магистраль 2.0» в Москве на горожан-пассажиров. Проведен качественный анализ комментариев горожан в социальных сетях, выявлены проблемные ситуации, с которыми столкнулись жители в ходе реформы: отмена привычных маршрутов, изменение системы пересадок, переименование маршрутов, перенос остановок. Найдены различия в видении развития наземного городского пассажирского транспорта между городскими планировщиками и пользователями общественного транспорта. Сделан вывод, что пассажиры оказались не знакомы с новой транспортной парадигмой, она кажется им нелогичной и неподходящей паттерну привычных перемещений, а также ведущей к утрате сложившейся городской идентичности. В ходе качественного анализа выявлено желание жителей сохранить историю и память места через нумерацию и трассировку маршрутов.

Ключевые слова: транспортная реформа; реформа маршрутной сети; общественный транспорт; городская мобильность; социальное неравенство

Изучение повседневных городских перемещений имеет долгую историю и привело к созданию научных и управленческих моделей транспортного поведения [Verplanken et al., 1994], в том числе после радикальных изменений

привычной мобильности. Например, Фуджи и Гэрлинг обнаружили, что, попадая в ситуацию временного переключения с использования личного автомобиля на общественный транспорт (ввиду ремонта дорожной сети или поломки автомобиля), горожане не так охотно возвращались к использованию личного автомобиля, поскольку у них сформировался паттерн (привычка) для нового формата городских перемещений [Fujii, Gärling, 2003]. Исследования социальных психологов подтверждают важную роль привычек в выборе вида транспорта и паттернов перемещения. При этом, изучая возможности переключения автовладельцев на общественный транспорт, ученые обнаружили, что, если предоставить индивиду возможность бесплатного проезда на общественном транспорте в качестве альтернативы личному автомобилю и заинтересовать его в улучшении городской экологии, то индивидом будет выбран общественный транспорт [Hunecke et al., 2001]. В другом исследовании четырем группам водителей были предложены условия как стимулирующего, так и ограничивающего характера (бесплатный билет на общественный транспорт, обязательство по неиспользованию личного автомобиля либо оба варианта сразу) [Matthies, Klöckner, Preißner, 2006]. Результатом стало выделение моральной мотивации как основного предиктора перехода от личного автомобиля на общественный транспорт. В Германии на примере двух агломераций с примерно одинаковой численностью населения — Бохум/Дортмунд и Франкфурт — было выявлено влияние вовлеченности в экологическую повестку на принятие решения об использовании общественного транспорта, при этом в постиндустриальном городе переход на общественный транспорт происходит активнее, нежели в индустриальном городе [Bamberg et al., 2007].

Исследования особенностей перемещений и повседневной мобильности проводятся на постоянной основе в связи с изменениями городских структур, градостроительных политик, реформированием транспортных систем. Отмечается, что изменение городских устоев и привычек может вызвать разную реакцию у населения и даже стать катализатором новых социальных процессов, так как городское сообщество может воспринимать изменения как вмешательство в свою повседневность. Например, в Стокгольме в конце 1960-х годов активизировалось общественное движение против радикального реформирования города. [Stahre, 2004]. Оно получило название «Движение соседей» и состояло из горожан разного возраста, социальных групп и политических взглядов. Участники движения боролись за увеличение степени участия в городском планировании, а также за улучшение кооперации между жителями разных районов. В течение нескольких десятилетий движение смогло изменить подход к городскому планированию в шведской столице.

Отметим, что изменение возможностей для повседневных перемещений также связывают с социальным неравенством, показывая, как неравенство и его последствия зависят от количества доступных видов транспорта и удобства транспортной инфраструктуры [Power, 2012]. Возможно и появление неравенства после реформирования транспортных систем, что показывает кейс Сантьяго, Чили, где при строительстве новых жилых районов с высокой

плотностью населения жители потеряли доступ ко многим объектам инфраструктуры [Martínez et al., 2018].

В 2021 году в Москве началась реформа автобусных маршрутов «Магистраль 2.0»¹, которая включает в себя изменения маршрутной сети, трассировки и классов маршрутов. Официальной целью данной реформы является увеличение пассажиропотока на наземном городском пассажирском транспорте, создание конкуренции личному автомобилю, снижение пассажиропотока на основных транспортно-пересадочных узлах метрополитена. В ходе реформы изменилась не только сама трассировка маршрутов, но и их нумерация, также произошел перенос остановочных пунктов². По заявлению Департамента транспорта, ранее номера маршрутов общественного транспорта присваивались хаотично³, а сейчас нужна новая система номеров. Для этого Москву разделили на четыре транспортных района, чтобы провести реформу в четыре этапа, постепенно внедряя изменения по всему городу. Отметим, что в центральном округе столицы ранее, в 2016 году, уже были введены магистральные маршруты⁴, соединяющие противоположные части города и проходящие через центр. И вот 20 ноября 2021 года вновь, причем неожиданно для пассажиров, изменилась система нумерации московских автобусов. При этом изменения затронули и старые привычные маршруты, и введенные пять лет назад магистральные маршруты, к которым пассажиры тоже успели привыкнуть. Неудивительно, что реформа получила широкое общественное обсуждение, так как изменения затронули практически все округа столицы.

В данной статье мы проанализируем, как городское сообщество Москвы оценило изменения транспортной сети в ноябре 2021 года в контексте паттернов повседневных перемещений, с какими проблемами сталкиваются горожане при изменении маршрутной сети автобусов, как изменение привычных перемещений влияет на разные социальные группы.

Методология исследования

Нами проведен качественный анализ комментариев и реакций горожан в социальных сетях (районные чаты во «ВКонтакте» и Facebook⁵) за период с 20 ноября 2021 года по 10 декабря 2021 года. Был выбран трехнедельный

¹ Магистраль — новая сеть маршрутов города // Единый транспортный портал. URL: <https://t.mos.ru/magistral> (дата обращения: 01.05.2022).

² Новые номера маршрутов // Единый транспортный портал. URL: https://transport.mos.ru/transport/marshruty/magistral/new_route_numbers (дата обращения: 01.05.2022).

³ Они поменяли все автобусы! Замглавы дептранса — о том, как мы поедem с 20 ноября: новые маршруты и номера автобусов // The Village. 19.11.2021. URL: <https://www.the-village.ru/city/transport/oni-pomenyali-vse-avtobusy> (дата обращения: 01.05.2022).

⁴ Бабкин С. Автобусная сеть «Магистраль» меняет маршруты // Российская газета. 13.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/13/reg-cfo/avtobusnaia-set-magistral-meniaet-marshruty.html> (дата обращения: 01.05.2022).

⁵ В настоящий момент Meta признана в России экстремистской организацией, а ее приложение Facebook запрещено к использованию на территории Российской Федерации.

период после реализации реформы, так как именно в это время наблюдалась наибольшая активность пользователей и активность СМИ в освещении событий. После выгрузки комментариев было выполнено их открытое кодирование с применением подхода К. Чармэз [Charmaz, 2006]: 1) начальное, включающее в себя построчное кодирование массива текста с поиском важных слов, и 2) сфокусированное, когда исследователь работает с кодами из предыдущего этапа и выбирает наиболее часто встречающиеся и наиболее важные коды для последующей обработки. Таким образом, на первом этапе были проанализированы сообщества, посты и комментарии в социальных сетях для последующего открытого кодирования и обработки полученных данных. В результате появилось 332 кода комментариев горожан и официальных лиц. Далее был проведен тематический анализ, определено семь тем, полученные на первом этапе коды в ходе второго сфокусированного кодирования распределились по этим темам.

Исследование имеет ряд ограничений. Выборка комментариев и сообществ ограничена двумя социальными сетями, что делает эмпирическое исследование показательным только с точки зрения определенных пользователей маршрутно-транспортной сети, а не всех жителей и гостей столицы.

Перейдем к результатам анализа.

Транспортное планирование: официальная позиция и мнения горожан

Наибольшее число комментариев по поводу изменений маршрутной сети было написано в группах районов ЮАО, при этом чаще всего комментарии были сосредоточены под новостями различных городских медиа. Также большое количество комментариев оставлялось под постами страниц Департамента транспорта Москвы. В сообществе наиболее удаленных от центра районов ЮАО — Орехово-Борисово, Зябликово, Братеево — через три недели после запуска реформы «Магистраль 2.0» был размещен пост, который является ярким примером столкновения позиций и аргументов жителей города и Департамента транспорта Москвы. Автор поста цитирует полученный им официальный ответ, предваряя его краткой характеристикой: «верх цинизма», а 247 комментаторов поддерживают автора.

«Верх цинизма

Добрый день! Просим простить за ожидание и за все неудобства, которые могла вызвать у вас новая маршрутная сеть. Мы понимаем, что у кого-то могли быть удобные лично им маршруты, которыми они годами пользовались. Цель новой маршрутной сети — сделать так, чтобы суммарное время в пути уменьшилось для всех пассажиров. В основе новой маршрутной сети лежит пересадочный принцип, который доказал свою эффективность, как показывают наши замеры. Но мы внимательно анализируем эффекты от изменений и поступающие

обращения, чтобы донастроить маршрутную сеть, где это будет необходимо. Просим адресовать все идеи по улучшению маршрутной сети нашим специалистам на сайт t.mos.ru через раздел “Обратная связь”» (комментарий в сообществе «Орехово-Борисово/Зябликово/Братеево, Москва (ОБОЗЯБРА)», 10.12.2021).

Из комментария следует, что Департамент транспорта апеллирует к удобству, представление о котором было смоделировано без первичного участия горожан. При этом указывается такой аргумент, как эффективность маршрутной сети: многие направления становятся нерентабельными, так как локализация объектов социальной инфраструктуры меняется со временем, например, объединяются поликлиники¹, школы и детские сады образуют новые большие кластеры, строятся новые станции метро, перераспределяется транспортный поток. По словам официальных лиц², в процессе подготовки проекта реформы проводилось исследование, снимались данные по использованию транспортных карт «Тройка», чтобы стало понятным, каким образом перераспределить маршруты, при этом большие данные учитывались с 2016 года³.

С другой стороны, жители возмущены, так как у них поменялась вся концепция привычного автобусного маршрута. Если в ходе первого этапа реформы от 2016 года не были затронуты спальные районы города, то в 2021 году были изменены и маршруты местного, районного значения. Вместо относительно прямых маршрутов жители получили «пересадочный принцип», который стал основой реформы, что и вызвало недовольство. Именно пересадки оценивались наиболее негативно (код “ждать пересадки” насчитывает 11 повторений, «пересадки для маломобильных» — 7 раз, «пересадки для школьников» — 2 раза), то есть пассажиров беспокоит необходимость постоянных пересадок в новой маршрутной сети. В некоторых случаях горожане жаловались на то, что теперь им необходимо делать 2–3 пересадки, хотя до реформы до пункта назначения можно было добраться без пересадок.

«819с экскурсионный маршрут. Укатайка. Время ожидания в лучшем случае 30 минут. До метро Домодедовская доехать от ул. Генерала Белова доехать целая проблема. Время окончания работы 0.07. Безобразия, нет приличных слов, а матерных уже не хватает на горе аналитиков. В нашем климате 30 минут... Приглашаю пройти квест аналитиков,

¹ В ходе реформы медицины в столице не закрыли ни одной поликлиники — Хрипун // Москва 24. 28.10.2014. URL: https://www.m24.ru/articles/polikliniki/28102014/58736?utm_source=CopyBuf (дата обращения 01.05.2022)

² Они поменяли все автобусы! Замглавы дептранса — о том, как мы поедем с 20 ноября: новые маршруты и номера автобусов // The Village. 19.11.2021. URL: <https://www.the-village.ru/city/transport/oni-pomenyali-vse-avtobusy> (дата обращения: 01.05.2022).

³ Дизайн города, основанный на данных // Urbica. 28.20.2016. URL: <https://medium.com/@urbica/%D0%B4%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-8225100f868d> (дата обращения: 01.05.2022).

пешком до метро Домодедовская 30–25 минут, вопрос сколько на соц. Автобусе. Где удобство для жителей. Каким образом маршруты магистралей стали удобнее??? Уничтожение доступной транспортной сети» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 20.11.2021).

В этом случае стоит отметить, что так называемая транк-фидерная система (от англ. Trunk-feeder system) заключается в обеспечении большого и постоянного пассажиропотока для магистральных маршрутов за счет районных и социальных линий, то есть это «подпитка» магистральных маршрутов более разветвленными районными. «Такая система вводит **обязательные пересадки** на транспортных узлах, где «питающие» линии встречаются с магистральными» [Gschwender, Jara-Díaz, Bravo, 2016]. Этот подход применяется во многих городах мира, и именно он стал разрабатываться в Москве в результате реформы «Магистраль 2.0», однако не нашел понимания среди пассажиров.

Частая повторяемость упоминаний погоды при пересадках (8 раз) показывает, что время проведения реформы (конец ноября) оказалось не самым удачным для экспериментов с пересадками там, где ранее была возможность доехать по прямой без пересадки. Также горожане акцентируют внимание на том, что «раньше было удобно».

«Оставьте Нагатинский затон в покое, 156-ой 30 лет ходил до Таганки и он был и оставался единственным из нашего района, интервалы в 5–10 минут, и так нет водителей автобусы через 3 остановки все битком утром и вечером, уже проходили Ваши интервалы ничего хорошего не вышло, вы попробуйте в Ваши узкие автобусы войти с коляской если он весь с пассажирами, район просто по вашим параметрам должен пешком ходить тогда до метро и обратно, кто такое придумал что за треш с транспортом!!!» (комментарий в сообществе «НАГАТИНО», 20.11.2021).

Описывая позицию Департамента транспорта, жители в основном отмечали, что его представители «не знакомы с действительностью», пересадочный принцип не отрегулирован должным образом и вызывает раздражение. В свою очередь, Департамент транспорта обещает проанализировать жалобы пассажиров об изменениях маршрутной сети и внести коррективы, а также утверждает, что большинство школьников посещают школу в шаговой доступности и не используют автобус для ежедневных перемещений к месту получения образования, а транспортный спрос каждого удовлетворить невозможно. По словам одного из идеологов данной реформы, на тех участках, где пассажиропоток низкий, необходимы пересадки: так как наполняемость автобусов низкая, такие перевозки становятся экономически невыгодными.

«...Если у нас где-то ездит (или хочет ездить, но пока не ездит по причине отсутствия маршрута) очень много человек — там должен быть маршрут с большой частотой движения. Там, где пассажиропоток

поменьше — и частота должна быть поменьше. Там, где людей мало — должен быть маршрут с малой частотой.

А вот там, где пассажиров очень мало — не надо запускать беспересадочный маршрут вообще, а транспортная связь должна обеспечиваться с пересадкой. С этим вряд ли кто-то будет спорить. А вот дальше начинается интересное.

Каждый гражданин, естественно, хочет, чтобы от его дома ходил прямой маршрут до нужной ему точки, а лучше — несколько, до всех нужных ему мест. И граждане пишут на эту тему обращения, приходят на встречи с депутатами и просят этого, другими способами доносят свои желания до властей...» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 22.11.2021).

Перемещения после реформы: новая повседневная мобильность

Проведенная реформа радикально поменяла мобильность горожан, поэтому в ходе тематического анализа появилась отдельная тема «Как теперь после реформы», в которой сгруппированы высказывания о том, как жители находят выход из сложившейся ситуации. Здесь нами выделены группировочные коды «пешком» (повторяется 15 раз) и «такси» (3 раза), т.е. жители находят замену ликвидированным и сокращенным маршрутам в других видах транспорта. Приложение «Яндекс. Карты», по словам некоторых пользователей социальных сетей, показывает самый быстрый вариант идти пешком, так как на автобусе теперь возможно проехать только с одной или двумя пересадками.

«Ну я выше уже написала, что от нас до детской поликлиники теперь Яндекс карты самым быстрым маршрутом показывает пешком 28 минут...» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 22.11.2021).

«Кстати да, пешком показывает быстрее...» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 22.11.2021).

Однако три пользователя автобусов отмечают удобство новых маршрутов.

«Ничего особенно не изменилось. Номера автобусов, если только. И автобус, который с буквой «М», то есть магистральный, стал ходить чаще, действительно, как и обещано, через 10 минут» (комментарий в сообществе «ЮАО», 21.11.2021).

Вопрос удобства транспорта соотносится с социальной дифференциацией, так как кому-то может быть удобно перемещение в определенных условиях,

кому-то — в других. Но в целом горожане отмечают утраченную возможность проехать вдоль линии метро по дублирующим маршрутам. Это может быть связано с нежеланием делать пересадку ради одной-двух станций проезда на метро и дополнительно оплачивать такую поездку.

«Зарегистрируйте тройку на метро.мос ру и при поездке на наземном транспорте в течении 90 мин вы оплачиваете только первый транспорт, потом без оплаты сколько хочешь пересаживайся в рамках времени. Я так уже месяца два езжу. Удобно, ни к чему не обязывает. Правда, больше 3х транспортов не перескакивала. И есть нюансы. Например, при пересадке В метро с автобуса, плату взимают, а если ИЗ метро на автобус-нет. И если типа вышел из автобуса, а потом на этот же маршрут на этой же остановке сел, то тоже снимали плату даже в пределах 90 минут. Это то, что из личного опыта» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 22.11.2021).

Агрегированная тема комментариев, которую мы назвали «Минусы реформы», состоит из кодов «долго ехать» (11 раз) и «разрушение многолетних привычек» (10 раз).

«Десятилетиями москвичи ездили на автобусах в поликлиники и туда, куда нужно и дети в школы, а теперь нельзя добраться как раньше в нужную поликлинику, для этого несколько раз нужно перескочить Инвалиду из одного в другой, так и не довозят, дети бедные теперь в школы добираются по 1,5 часа» (комментарий в сообществе «Орехово-Борисово/Зябликово/Братеево, Москва (ОБОЗЯБРА)», 07.12.2021).

В ходе анализа выяснилось, что для многих жителей важен сложившийся жизненный уклад в рамках их районов проживания. Код «Исторический маршрут» встретился 4 раза и наиболее характерен для жителей центральных районов Москвы (Тверской, Пресненский, Мещанский) и районов «срединной» зоны, например Хорошево, Хорошево-Мневники. Жители этих районов обратили внимание на утрату истории, памяти места. К примеру, многие горожане вспоминали троллейбус № 1, отмечая, что во время прошлой реформы нехотя восприняли его замену на автобус № 101, а теперь снова перемены. Данный маршрут маркируется как исторический, он был на улицах «сколько себя помню», к нему привыкли жители.

«Убрали 101 маршрут, от Тверской и Белорусского вокзала до Ходынки по прямой не доехать и 15-й... теперь, чтобы с Пушкинской доехать до художественной школы на Пречистенке, надо делать пересадку. А это выйти и дойти до относительно соседней остановки (через 2 перехода), ждать автобус(((... удобство потрясное» (комментарий в сообществе «Соседи. Белорусская-Новослободская-Маяковская, 21.11.2021).

До реализации реформы жителям срединной зоны Москвы можно было перемещаться в центральные районы, не используя метрополитен. С точки зрения транспортного обслуживания это позволяло снизить пассажиропоток метрополитена, в частности загрузку одной из самых крупных по количеству пассажиров Таганско-Краснопресненской линии. На этом конкретном участке жители потеряли «прямую связность» и больше всего опечалены именно этим, то есть можно говорить о взаимосвязи потери прямого маршрута и исторической памяти места, своего вернакулярного района.

«Я живу на Беговой. У нас раньше ходил 101-й, на котором можно было доехать от дома — отменили. Был ещё 5-й троллейбус когда-то, который шёл мимо нашего дома до Консерватории — отменили. 20 троллейбус, который вёз в центр — отменили» (комментарий в сообществе «Соседи. Белорусская-Новослободская-Маяковская», 24.11.2021).

Остановки как объект инфраструктуры крайне важны для качественной работы наземного транспорта. Пересадочная система построена на постоянном использовании разных остановок. В ходе анализа два раза встретился код про «перенос остановки» и один раз про их «переименование» как способ разрушения городской идентичности, а также два упоминания про создание дополнительных новых барьеров и нарушение доступа к остановкам.

«Но когда автобусы, идущие в одном направлении в рамках района и даже микрорайона, разносят на 2 остановки на близком расстоянии, но через регулируемый пешеходный переход, то возникает вопрос, какой тут прогресс и нитики ли мы. Стоя на одной остановке, при приближении автобуса к соседней успеть на него никак нельзя...» (комментарий в сообществе «Соседи. Белорусская-Новослободская-Маяковская», 24.11.2021).

Жители отмечают, что самих маршрутов стало меньше и они стали короче по расстоянию из-за реформы.

«Я также одна из жителей Орехово-Борисово Северное. И теперь, чтобы мне отвезти школьника-второклассника в школу в пределах моего района, мне нужны 2 пересадки. Или одна пересадка + 1,5 км. Вчера он всю дорогу плакал из-за сильного ветра. А потому что отменён 704 маршрут, который связывал нашу часть района с Метро Орехово, которое, кстати тоже находится в нашем районе» (комментарий в сообществе «Орехово-Борисово/Зябликово/Братеево, Москва (ОБО-ЗЯБРА)», 07.12.2021).

Еще одной темой, описывающей повседневную мобильность, стала «Важная связность». Эта тема проходит через многие комментарии, описывая

нарушения существующих связей с различными объектами инфраструктуры. Отметим, что из 20 выделенных в этой теме кодов 9 — «связность с поликлиниками». Многие связи сохранились только с пересадками, а социальные маршруты редкие и, согласно комментариям, «ходят не с интервалом, а как будто с расписанием». Таким образом, устоявшаяся маршрутная сеть после реформы не может связать многих пользователей прямым и комфортным маршрутом с таким объектом социальной инфраструктуры, как поликлиника.

«Оставшиеся единственными маршруты, связывающие важные объекты в районе, где нет метро, радиальные магистрали перерезаны как сонные артерии. В 3 детские поликлиники (а не в одну районную), в которые теперь вынуждены ходить с маленьким ребенком после предыдущей реорганизации Минздрава, теперь добраться только пешком, либо с несколькими пересадками и двойным временем в пути. Прямые маршруты пропускают через спальные районы» (комментарий в сообществе «НАГАТИНО», 26.11.2021).

Помимо поликлиник, жители отмечают «связь с социальными объектами», возможно, в эту группу также входят поликлиники. Три раза упоминается центр города, это подтверждает гипотезу, что пассажиры использовали автобус в качестве основного вида транспорта задолго до реформы «Магистраль 2.0». Коды в этой теме встретились по одному разу и отражают темы «связности» с образовательными учреждениями, спортивными объектами и торговыми центрами. Самый важный вывод, который необходимо сделать по этой теме: автобус не средство для пересадки на другой автобус или другой вид транспорта, для жителей это **самостоятельное средство перемещения** до определенных объектов городской инфраструктуры.

«А то что теперь чтоб доехать от нас до мфц нужно проехать аж 23 остановки и ещё потом топтать это нормально? Тогда как сейчас 10 мин и на месте» (комментарий в сообществе «ЮАО», 23.11.2021).

Некоторое количество кодов было объединено темой «Плюсы реформы», так как встречались комментарии от пользователей, которым понравились результаты реформы. Так, код «быстрые пересадки» упоминается 2 раза из 12 кодов в этой теме, что показывает, что также есть пользователи, которые не против пересадок и даже считают их быстрыми и удобными. Также 2 раза упоминаются бесплатные пересадки. Отметим, что новая реформа маршрутной сети не учитывает смысл и необходимость пересадок с точки зрения пассажиров, но имеет свой смысл, связанный с функционалом транспортной карты «Тройка». Например, это возможность реализовать бесплатность пересадок, однако только при регистрации карты в приложении, причем об этой функции, согласно комментариям, не знает довольно много пассажиров. Кроме того, пассажиры в комментариях приходят к выводу, что такая бесплатная возможность существует только в случае пересадки с автобуса на автобус

другого маршрута, а также при пересадке после изначальной валидации карты в метро, МЦК или МЦД, но не наоборот.

«Тем более, что проезд у пенсионеров бесплатный, а пересадки бесплатные с сентября этого года по всему наземному транспорту» (комментарий в сообществе «ЮАО», 23.11.2021).

В ходе анализа комментариев выделены упоминания об отдельных социальных группах. Из 25 упоминаний 11 приходится на пенсионеров и пожилых людей.

«Потерянные бабушки и дедушки на остановке, у меня обрывается сердце просто. Они вынуждены теперь скакать по автобусам, вместо того, чтобы беречь себя от сезонных орви. А лишние 500 метров не каждый пожилой человек осилит» (комментарий в сообществе «ЮАО», 23.11.2021).

Пользователи общественного транспорта пишут комментарии о дезориентации пожилых людей из-за введения реформы (6 упоминаний).

«Встретила несколько пожилых соседей, которые вернулись домой так и не добравшись никуда. Не поняли ничего. Знаю людей, которые опоздали на важные встречи...» (комментарий в сообществе «Пресня. Соседи», 21.11.2021).

Школьники — вторая группа по количеству упоминаний (4 кода). Многие родители в комментариях пишут, что детям стало неудобно добираться до школы или до учреждений дополнительного образования, привычное транспортное поведение нарушено. Еще 2 раза упоминаются маломобильные граждане. Они, как и пенсионеры, не любят пересадки из-за необходимости потери сидячего места в транспорте, вынужденной высадки и посадки снова, что при различных ограничениях двигательной активности осуществлять трудно и неудобно. Длительное ожидание (до 30 минут) социальных маршрутов для пожилых людей также трудно, в то время как ранее была возможность добраться до необходимых объектов социальной инфраструктуры по прямому маршруту.

«Посмотрела на расписание социального автобуса. Ходит раз в полчаса. Каким образом сократился мой маршрут, если время ожидания увеличилось на 30 мин? Какая-то альтернатива математика у них» (комментарий в сообществе «Московский Транспорт», 20.11.2021).

Кроме того, ряд комментаторов упоминает хипстеров как основных сторонников реформы, обвиняя департамент транспорта в проведении

реформы только для них. При этом под хипстерами понимается молодежь, способная быстро сориентироваться, воспользоваться транспортным предложением, оперативно ознакомиться с особенностями пересадок и изменением тарифно-билетного меню.

Заключение

Резкое удаление из городской жизни привычных маршрутов повлекло за собой много неудобств для жителей разных районов Москвы. Пересадки усиливают социальное неравенство горожан, заставляя пожилых людей, маломобильных граждан и семьи с детьми делать одну и более пересадок взамен ранее беспересадочного маршрута. Отсутствие грамотного информирования о новых маршрутах увеличивает дополнительные затраты на проезд. Многие пассажиры не знают, что можно пройти регистрацию карты «Тройка» для бесплатных пересадок по ней. Определенная «мода» на цифровизацию транспорта обуславливает трудности в восприятии населением транспортных систем нового поколения [Durand et al., 2022].

Еще одним важным следствием транспортных реформ является возможная потеря городской идентичности. Люди «теряются» в новых маршрутах, не понимая, куда и как нужно проехать, хотя буквально «вчера» по выученным наизусть маршрутам курсировал транспорт, под который во многих семьях было заложено расписание и ежедневное перемещение. В данной ситуации приходится, например, заново объяснять ребенку, как доехать от школы домой.

Проанализированная ситуация показательна, потому что городские власти имеют большие планы по комплексному изменению маршрутной сети. При этом горожане недовольны не только скоростью реформирования, но и отсутствием возможности как-либо повлиять на реформирование. Вероятно, совместное (соучаствующее) реформирование и более медленное, постепенное изменение маршрутной сети было бы лучше встречено горожанами и позволило бы оптимизировать пассажиропоток.

Литература

- Bamberg S., Hunecke M., Blöbaum A. Social context, personal norms and the use of public transportation: Two field studies // *Journal of environmental psychology*. 2007. Vol. 27. No 3. P. 190–203.
- Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. London: Sage, 2006.
- Durand A. et al. Access Denied? Digital Inequality in Transport Services // *Transport Reviews*. 2022. Vol. 42. № 1. P. 32–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/01441647.2021.1923584>
- Fujii S., Gärling T. Development of Script-Based Travel Mode Choice after Forced Change // *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 2003. Vol. 6. № 2. P. 117–124. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1369-8478\(03\)00019-6](https://doi.org/10.1016/S1369-8478(03)00019-6)

Gschwender A., Jara-Díaz S., Bravo C. Feeder-trunk or Direct Lines? Economies of Density, Transfer Costs and Transit Structure in an Urban Context // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2016. Vol. 88. P. 209–222. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2016.03.001>

Hunecke M. et al. Responsibility and Environment: Ecological Norm Orientation and External Factors in the Domain of Travel Mode Choice Behavior // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33. № 6. P. 830–852. DOI: <http://doi.org/10.1177/00139160121973269>

Martínez C.F. et al. Creating Inequality in Accessibility: The Relationships between Public Transport and Social Housing Policy in Deprived Areas of Santiago de Chile // *Journal of Transport Geography*. 2018. Vol. 67. P. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2017.09.006>

Matthies E., Klöckner C.A., Preißner C.L. Applying a Modified Moral Decision Making Model to Change Habitual Car Use: How Can Commitment Be Effective? // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. № 1. P. 91–106. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00237.x>

Power A. Social Inequality, Disadvantaged Neighbourhoods and Transport Deprivation: An Assessment of the Historical Influence of Housing Policies // *Journal of Transport Geography*. 2012. Vol. 21. P. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.01.016>

Stahre U. City in Change: Globalization, Local Politics and Urban Movements in Contemporary Stockholm // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Vol. 28. № 1. P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2004.00503.x>

Verplanken B. et al. Attitude versus General Habit: Antecedents of Travel Mode Choice // *Journal of Applied Social Psychology*. 1994. Vol. 24. № 4. P. 285–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1994.tb00583.x>

Сведения об авторе:

Янишевский Олег Борисович — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** oyanishhevskiy@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [1138092](https://elibrary.ru/1138092); **ORCID ID:** [0000-0003-1421-1805](https://orcid.org/0000-0003-1421-1805).

Статья поступила в редакцию: 10.04.2022

Принята к публикации: 10.06.2022

.....

Reform of the Route Network as a Catalyst for Social Processes

DOI: [10.19181/inter.2022.14.2.4](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.4)

Oleg B. Ianishhevskii *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: oyanishhevskiy@hse.ru

The article examines the impact of the reform of the route network “Magistral” in Moscow on the citizens-passengers. A qualitative analysis of the comments of citizens in social networks was carried out, and problems that residents faced during the reform were found: the cancellation of the usual routes, changes in the transfer system, the renaming of routes, the transfer of stops. Differences in the vision of the development of surface urban public transport between urban planners and public transport users are found. It is concluded that passengers were not familiar with the new transport paradigm, it seems to them illogical and

not suitable for the pattern of habitual movements, as well as leading to the loss of the existing urban identity. The qualitative analysis revealed the desire of residents to preserve the history and memory of the place through numbering and route tracing.

Keywords: transport reform; route network reform; public transport; urban mobility; social inequality

References

- Bamberg S., Hunecke M., Blöbaum A. (2007) Social context, personal norms and the use of public transportation: Two field studies. *Journal of environmental psychology*. Vol. 27. No. 3. P. 190–203.
- Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. London: Sage.
- Durand A. et al. (2022) Access Denied? Digital Inequality in Transport Services. *Transport Reviews*. Vol. 42. No. 1. P. 32–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/01441647.2021.1923584>
- Fujii S., Gärling T. (2003) Development of Script-Based Travel Mode Choice after Forced Change. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. Vol. 6. No. 2. P. 117–124. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1369-8478\(03\)00019-6](https://doi.org/10.1016/S1369-8478(03)00019-6)
- Gschwender A., Jara-Díaz S., Bravo C. (2016) Feeder-trunk or Direct Lines? Economies of Density, Transfer Costs and Transit Structure in an Urban Context. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 88. P. 209–222. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tra.2016.03.001>
- Hunecke M. et al. (2001) Responsibility and Environment: Ecological Norm Orientation and External Factors in the Domain of Travel Mode Choice Behavior. *Environment and Behavior*. Vol. 33. No. 6. P. 830–852. DOI: <http://doi.org/10.1177/00139160121973269>
- Martínez C. F. et al. (2018) Creating Inequality in Accessibility: The Relationships between Public Transport and Social Housing Policy in Deprived Areas of Santiago de Chile. *Journal of Transport Geography*. Vol. 67. P. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2017.09.006>
- Matthies E., Klöckner C. A., Preißner C. L. (2006) Applying a Modified Moral Decision Making Model to Change Habitual Car Use: How Can Commitment Be Effective? *Applied Psychology*. Vol. 55. No. 1. P. 91–106. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00237.x>
- Power A. (2012) Social Inequality, Disadvantaged Neighbourhoods and Transport Deprivation: An Assessment of the Historical Influence of Housing Policies. *Journal of Transport Geography*. Vol. 21. P. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.01.016>
- Stahre U. (2004) City in Change: Globalization, Local Politics and Urban Movements in Contemporary Stockholm. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 28. No. 1. P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0309-1317.2004.00503.x>
- Verplanken B. et al. (1994) Attitude versus General Habit: Antecedents of Travel Mode Choice. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 285–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1994.tb00583.x>

Author bio:

Oleg B. Ianishevskii — Graduate Student, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** oyanishevskiy@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1138092; **ORCID ID:** 0000-0003-1421-1805.

Received: 10.04.2022
Accepted: 10.06.2022

Исследовательская рефлексия

Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан¹

DOI: [10.19181/inter.2022.14.2.5](https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5)

Ссылка для цитирования:

Гибадуллина М. Р. Опыт работы в религиозном поле: рефлексия на примере исследований в Республике Татарстан // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5>

For citation:

Gibadullina M. R. (2022) Experience in the Study of the Religious Field: Reflection on the Example of Republic of Tatarstan. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.5>

Гибадуллина Миляуша Рустамовна

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

E-mail: g.milya@mail.ru

Статья представляет собой исследовательскую рефлексия вхождения и работы в религиозном поле, описание физического контекста исследования и фрейма исследователя в конкретном случае через основные аспекты: идентичность исследователя (пол, возраст, национальность), собственная исследовательская позиция, определяемая через соотношение инсайдерства и аутсайдерства. Автор обращает внимание на то, что позиция исследователя не может быть четко определена через категории инсайдера и аутсайдера, каждый участник исследования имеет сложную систему идентичностей, культурных и социальных маркеров, которые обязательно будут иметь точки соприкосновения, пересечения и расхождения. В статье раскрыты особенности осуществления эмпирической части исследования, посвященного жизненным стратегиям молодых мусульман, в частности вопросы организации исследования, налаживания коммуникации с исследовательским полем, проведения интервью.

Ключевые слова: качественные методы; интервью; исследователь; объект исследования; поле; контекст исследования

¹ Статья подготовлена участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе кафедры анализа социальных институтов на основе данных, полученных в период стажировки.

Введение

Данная работа представляет собой исследовательскую рефлексию вхождения и работы в религиозном поле, описание физического контекста исследования и фрейма исследователя в конкретном случае. Схему формирования исследовательской позиции составили следующие основные аспекты: рефлексивная личностная идентичность исследователя (самооценка исследователем своих личных и социально-демографических характеристик: пола, возраста, профессии, конфессии и т.д. с точки зрения их роли в формировании собственной исследовательской позиции), этическая ориентация по отношению к целям, субъектам, результатам исследования, а также собственно исследовательская роль, определяемая через соотношение инсайдерских и аутсайдерских компонентов [Филькина, 2009]. Начинающему исследователю всегда интересен опыт входа в разные эмпирические поля, а в рамках качественных исследований сравнение своих ощущений с мнениями и впечатлениями коллег становится постоянным спутником. Данный пласт рефлексии в отечественной социологии не так популярен, и оттого большой интерес вызывают существующие публикации о разнообразных аспектах полевых рисков для антрополога в современном мире [Willms, 2022; Форум..., 2021; Рогозин, 2017].

Актуальными для качественного исследования являются вопросы репрезентативности результатов, особенностей интерпретации полученных данных, объема влияния самого исследователя на предмет исследования и другие [Рождественская, Семенова, 2017]. Тем не менее при определенных исследовательских задачах качественная социология позволяет получать более глубокие, личностно-прожитые результаты и раскрывает новые грани объекта исследования. Качественная социология позволяет выстроить иные отношения с теорией, гипотезами и результатами; исследователь имеет определенное представление об объекте и поле, но процесс исследования, поиска всегда будет влиять на исследовательские вопросы, так как новые знания генерируют новые проблемы.

Несмотря на то, что использование качественных методов в истории социологии было волнообразно, сейчас мы наблюдаем очередной рост числа исследований в рамках биографического метода, глубинных, нарративных интервью. Например, Т. Дони отмечает тенденцию обращения к обоснованной теории (Grounded Theory — построение теории из эмпирических данных), компьютерного сопровождения и визуальных исследований [Дони, 2018]. Сегодня постепенно исчезают расхождения между теми, кто считает, что проведение исследования заключается прежде всего в нейтрализации субъективных вмешательств и установлении контроля над результатом исследования (со стороны научного сообщества), и теми, кто считает, что центральная проблема социологии в «понимании», то есть в умении успешно открывать определенные формы социальной жизни. Например, современные эмпирические исследования жизненных стратегий и траекторий, жизненно-го мира, ценностей различных групп общества строятся с использованием

качественных методов [Русакова, 2019; Галкин, 2018; Осипова, Энвери, 2016; Кучмаева, 2019]. Качественная стратегия апеллирует к рефлексивности исследователя-субъекта, способного к пониманию смыслов в том или ином локальном контексте, что является важным методологическим принципом [Чудова, 2008: 107]. В рамках отечественной социологии религии также активно развивается направление исследовательской рефлексии, анализа опыта применения конкретного инструментария в рамках определенного кейса.

Кейс исследования жизненных стратегий молодых мусульман Татарстана

В рамках изучения религиозности учащихся и преподавателей мусульманских учебных заведений Татарстана нами было запланировано проведение исследования жизненных стратегий мусульманской молодежи. Основным методом было выбрано биографическое интервью, в котором вопросы о религиозности не акцентировались, а находились в одном ряду с другими. Анализ применения биографического интервью представлен Е. А. Островской на примере исследования религиозной части еврейской диаспоры Санкт-Петербурга. Особенно подробно автор раскрывает специфику вхождения в закрытое сообщество, организацию самого интервью и его структуру [Островская, 2016]. О структуре религиозной биографии верующего на примере православных пишет О. В. Тупахина [Тупахина, 2012]. К. С. Дивисенко и О. В. Дивисенко с помощью биографического изучения жизненного мира верующих (православных) демонстрируют соотношение уровня религиозной авторефлексии и особенностей религиозного поведения [Дивисенко, Дивисенко, 2016]. Таким образом, мы продолжили традицию качественной социологии по исследованию жизненных траекторий на примере молодых мусульман.

Для лучшего понимания поля исследования и налаживания контакта с учащимися медресе были заранее проанализированы образовательные программы и перечни изучаемых в каждом учебном заведении предметов, расписания занятий. Кроме того, было учтено время намазов (молитв) с целью планирования интервью в перерывах между обязательными молитвами, так как основная масса верующих негативно рассматривает различного рода произвольное вмешательство третьих лиц в устоявшийся порядок совершения обрядов.

Теоретическая основа исследования была разработана в рамках феноменологической (А. Шюц) и конструктивистской традиции (П. Бергер и Т. Лукман). В фокусе анализа феноменологической теоретико-методологической базы находится человек, его внутренний мир. Игнорировать культурные особенности и социальную организацию было бы ошибочно, поэтому данный контекст учитывался в ходе исследования. Значимость контекста определяется с точки зрения микросоциологии Г. Зиммеля, который одним из первых предпринял попытку найти баланс социальных форм и индивидуализма [Ионин, 1981].

Выбранный подход диктовал и индуктивную логику анализа — от фактов к концепциям. Сложно сказать, объект исследования обосновал методологическое поле или наоборот. Безусловно, предварительное понимание специфики объекта исследования накладывало определенные ограничения на выбор методики. Ключевую роль в выборе подхода к исследованию сыграли поставленные исследовательские вопросы, которые касались содержания и наполненности жизненных стратегий (семейные стратегии, образовательные и карьерные стратегии) молодых мусульман, получающих профессиональное религиозное образование в исламских учебных заведениях Республики Татарстан. С учетом этих блоков был подготовлен топик-гайд, состоявший из нескольких частей, в том числе включавший группу вопросов, направленных на выявление прошлого образовательного опыта, дальнейших образовательных планов и профессиональных стратегий. Формулировки вопросов были тщательно продуманы, так как некоторые из них могли быть расценены верующими как неуместные или провокативные на общем негативном информационном фоне в отношении ислама. Исследование проводилось в период активизации вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, и в Татарстане проблема религиозно окрашенного радикализма в тот период стояла достаточно остро.

В октябре 2015 г. состоялся выход в поле, ставший первым самостоятельным опытом социологического исследования вне ученичества и первым опытом работы в религиозной среде. Данное исследование было комплексным и проводилось в команде: коллега проводил анкетный опрос, а автор данной работы проводил интервью. В дальнейшем подключались коллеги, осуществляя транскрибирование. Опросы в медресе проходили два месяца: глубинные интервью с учащимися проводились в течение двух-трех дней во время выездов в образовательные учреждения. Длительность интервью составляла от 1 до 1,5 часов.

Отдельно стоит отметить лексическое поле исследования, поскольку в нем широко использовались религиозные термины. Так, под медресе понимается мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение, готовящее представителей мусульманского духовенства. Шакирд — учащийся медресе. Устаз — преподаватель, наставник, учитель в медресе. Имам — это духовное лицо, главное при исполнении религиозных обрядов. Имам-хатыб — мусульманский священнослужитель, проводящий пятничную молитву. Одним из самых ярких маркеров служат мусульманское приветствие «Ас-саляму алейкум ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух» (араб. «Мир вам, милость Аллаха и Его благословение»), ответ на него «Ва-аляйкуму с-саляму ва-рахмату-Ллахи ва-баракятух» (араб. «И вам мир, милость Аллаха и Его благословение») и формула «СаллаАллаху алейхи ва-саллам» (араб. «Да благословит его Аллах и приветствует») после упоминания пророка Мухаммеда. Использование этих фраз является Сунной (примером из преданий о пророке Мухаммеде) для мусульманина и используется в обязательном порядке. При первичном вхождении в поле мы не использовали указанные словосочетания часто, прибегая к приветствиям на татарском или русском языках, но было замечено,

что привычные фразы на арабском языке вызывали положительный отклик у информантов. Это сглаживало момент появления «чужеродного элемента» в системе, поэтому при дальнейшем общении мы стали использовать данные фразы в обязательном порядке.

Изначально в силу нехватки опыта проведения интервью исследователь строго следовал вопросам из топик-гайда, задавая их последовательно. Первые несколько выходов в поле были достаточно сложными, что сказывалось на стиле ведения интервью и глубине задаваемых вопросов. Напряжение ощущали и информанты, они были несколько «зажаты», немногословны. На этом этапе исследования нами особенно болезненно воспринималась «проверка» исследователя на право находиться в поле со стороны интервьюируемых. Например, один из молодых информантов решил устроить «экзамен» на знание арабских терминов. К своему стыду, исследователь данный экзамен провалил, так как на тот момент плохо разобрался в принятой в мусульманском кругу лексике.

Преодоление первых трудностей, способность справиться со своими реакциями, страхами и тревогами в рамках данного исследования стало ключевым этапом. Как только появилась уверенность, сместился фокус внимания со своих личных эмоций на объект исследования, произошел качественный скачок в методологии исследования. Структурированное интервью превратилось в биографическое интервью, беседы стали более глубокими, был преодолен страх обидеть информанта слишком личным вопросом. Исследовательская позиция стала более уверенной, расширился репертуар интервьюера на случай непредвиденных обстоятельств. Например, нежелание информанта отвечать на вопрос перестало восприниматься как неудача или фатальная ошибка. Все это повлияло на общий фон интервью, беседы велись спокойнее, свободнее и раскованнее, информанты охотнее делились личными историями, своими сомнениями и неудачами, стали честнее в своих ответах.

Группа информантов была немногочисленной, имелись фильтры для вхождения в поле, поскольку сама среда функционирует по определенным правилам. Как правило, в религиозных сообществах значимо мнение наставника, учителя, старшего руководителя общины. В рамках нашего исследования первоначально были пройдены процедуры согласования с руководством Духовного управления мусульман Республики Татарстан (далее — ДУМ РТ), в дальнейшем было получено разрешение от руководства каждого учебного заведения. Данный опыт очень важен, так как помог понять особенности коммуникации с религиозными структурами и специфику внутренних связей. Построение общения с администрацией также имело свои сложности и нюансы, данный этап служил фильтром к исследовательским вопросам и неоднократному уточнению формулировок. Следующим этапом фильтрации стало общение с руководством и работниками конкретного учебного заведения. Многие вопросы снимались после проведения интервью с директором и преподавателями медресе. Данные экспертные интервью, с одной стороны, позволили наладить контакт и доверительные отношения с коллективом учебного заведения, а с другой — насыщали эмпирические

данные. В дальнейшем они помогли в интерпретации результатов интервью с шакирдами и в целом оформили более полный контекст каждого конкретного учебного заведения. Таким образом, несмотря на то что цель исследования была обозначена достаточно узко и определяла одну конкретную группу информантов — шакирды, расширение поля сбора информации качественно усилило полученные данные.

Мы не имели трудностей в поисках самих респондентов, так как доступ к полю предоставило руководство медресе, а исследование было санкционировано ДУМ РТ, в том числе одобрено муфтием, заместителем муфтия по исламскому образованию и отделом образования. Хотя обычно данный этап в схожих исследованиях вызывает сложности [Островская, 2016]. В дальнейшем шакирды, видя, что устазы позитивно настроены к исследовательской группе, соглашались на интервью.

Так как наши информанты — шакирды очного отделения, то исследование проводилось на территории медресе. Религиозные учебные заведения имеют определенные правила, и мы должны подчиняться требованиям среды. Например, в медресе принято снимать уличную обувь. Это символизирует чистоту и особый статус среды, в которую мы попадаем. Сами шакирды ходят либо во второй обуви (как правило, домашние тапочки), либо в носках. В некоторых медресе в начале обучения у учащихся берутся мерки, чтобы сшить форму, соответствующую одежде шакирдов медресе Казанской губернии начала XX века (удлиненный камзол), а также классическую тубетейку и ичиги. Хотя некоторые шакирды и были в светской одежде (брюки, рубашка, свитер), кто-то выбирал одежду с национальными мотивами и элементами. Девушки же все покрытые, в длинных платьях и платках (хиджабах). В отличие от юношей, даже в крупных городских медресе не было девушек в светской одежде. В медресе царит семейная атмосфера, у каждой группы есть свой кабинет, за который они ответственны. Юноши и девушки, как правило, обучаются раздельно. Иногда, на старших курсах, когда шакирдов остается не так много, а помещений не хватает, занятия проходят совместно, но с соблюдением раздельной рассадки (как правило, юноши рассаживаются попарно в передних рядах, девушки садятся позади на некотором отдалении). На переменах общение между юношами и девушками не было замечено. Более того, если молодые люди выходят в коридор и общаются там, то девушки редко покидают учебный класс.

Важную структуру интервью составляют контекст респондента и контекст интервьюера [Сэлф, 2021: 9]. Особенно в случае вхождения в особый, иной фрейм, который имеет свои строгие правила и роли. Как бы интервьюер ни подстраивался, невозможно избежать взаимовлияния всех участников интервью на ход самого исследования, на его результаты и интерпретации. Опыт автора сводится к тому, что длительное погружение в исследовательское поле обогащает репертуар навыков исследователя. Дистанцирование и повторные погружения помогают формировать более чувствительный инструментарий. С другой стороны, в этом же кроется и опасность бесконечного исследования, однако любой объект исследования подвержен эволюции.

В любом исследовательском поле нужно учитывать когнитивный компонент. Кажется, что когнитивное интервью подходит не только для решения задач пилотной части исследования [Климов, 2021: 116]. Особенно в случае, когда исследование циклично повторяется. Интерпретация вопроса, формирование мнения, редактирование ответа — когнитивные этапы каждого интервью в исследовании.

Работая в религиозном поле, исследователь актуализирует свой методологический статус — инсайдер или аутсайдер. Идентификация исследователя с информантами анализируется достаточно активно. Так, Д. С. Брилева выделяет факторы, влияющие на соотнесенность исследователя с типичным представителем конкретной изучаемой общины: собственно религиозный фактор, национальный; территориальный; временной; социально-экономический; идеологический; по степени/характеру влияния той или иной исламской традиции; гендерный [Брилева, 2016]. В рамках нашего кейса мы утверждаем относительное инсайдерство, когда у исследователя есть не абсолютная идентификация с исследуемой группой, но по некоторым факторам исследователь является «своим». Например, в нашем случае большую роль сыграла национальность, этнокультурная и религиозная идентичность, татарское имя, понимание и использование татарского языка вызывали положительный отклик у руководства медресе и преподавателей. Однако при контакте с молодыми шакирдами этот аспект не играл особой роли. Вопрос религиозной принадлежности (в контексте религиозной практики) за все время проведения исследования поднимался всего два раза, интерес был со стороны шакирдов-юношей. Но никакой агрессии, отторжения или дистанцирования данный вопрос у информантов не вызывал. В целом наш опыт исследования согласуется с выводами других исследователей: роль аутсайдера, сама по себе достаточно многогранная и динамичная, менее значима для установления отношений с респондентами, нежели налаживание эмоциональной связи [Филькина, 2009].

При исследовании исламской среды постоянно поднимается дискуссионный вопрос о внешнем виде девушек-исследовательниц, актуальный для тех исследовательниц, которые в обыденной жизни не носят платки и закрытые платья. Мы занимаем следующую позицию: одежда должна соответствовать мусульманским канонам (длинные рукава, закрытые плечи, длинная юбка или широкие брюки), платок надевался на «светский» манер (например, открытый подбородок или в виде тюрбана). В целом внешний образ был нацелен на демонстрацию позиции «уважаю традиции и правила, соответствую им, но платок не мой ежедневный атрибут». Возможно, для большего погружения в среду, налаживания тесных связей с респондентами-мусульманками некоторые исследователи и пожелали бы позиционировать себя как «покрытые и соблюдающие» мусульманки, но в данной ситуации встает вопрос этичности таких действий перед своими респондентами и перед самим собой.

Сложный вопрос: вписаться в среду религиозного учебного заведения любой ценой или исследователь подчеркнуто должен быть вне данной системы? Правильно ли это — мимикрировать под своих информантов? По мнению

К. Гирца, антропологи «не стараются стать туземцами или подражать им», так как одна из целей исследователей — это «расширение границ человеческого дискурса». Достигается это с помощью «понимающего» подхода, когда та или иная культура описывается с использованием конструкций и формул, свойственных этой культуре [Гирц, 2004: 20–21]. Наиболее эффективной для результата и комфортной для исследователя кажется позиция между «ин» и «аут», описанная А. В. Филькиной [Филькина, 2009].

При налаживании общения с шакирдами позитивным фактором оказался возраст исследователей, общение строилось на равных, информанты не выказывали какой-либо дискомфорт, а часто переходили на «экспертный тон» повествования, что также положительно сказывалось на исследовании. Трудности возникали при построении коммуникаций с юношами. Даже при согласии на интервью в последующем были сложности с раскрытием и расположением к разговору информантов: сложность в формулировании своих мыслей; стремление давать «социально ожидаемые ответы»; противоречивые ответы. Возможно, свою роль в этом сыграл пол интервьюера — в исламе общение наедине мужчины и женщины порицается. Однако прямых и категоричных отказов от общения не было. Также у шакирдов присутствовало напряжение, продиктованное ожиданием вопросов о радикализме, так как в повестке 2015–2018 годов еще были актуальными вопросы профилактики негативных проявлений в мусульманской среде (различные формы политизации и радикализации ислама). Смягчающим же фактором было отсутствие ожидаемых «опасных» вопросов и, возможно, представление, что молодая женщина не может причинить вред.

Конечно, в ходе интервью не все удавалось, особенно на первых этапах. Например, информанты односложно отвечали на вопросы, требующие развернутого ответа. Такие интервью могли занять десять минут (конечно, в дальнейшем они не использовались в качестве материала для анализа). Но это необходимый, болезненный для самого исследователя опыт, который позволяет сформировать умение и навык работы в поле. Со временем исследователь смог свести количество подобных «сухих» интервью к минимуму. Для этого полезным оказался стиль «живого общения», когда до интервью инициировался отвлеченный разговор, например о погоде, об обстановке. Далее следовал подробный рассказ не только о проводимом исследовании, но и в целом об образовании и профессиональной деятельности интервьюера. Кажется, что в данном случае не столько информация, а время и нахождение на знакомой для информанта территории позволяли создать комфортную обстановку и подстроиться друг к другу.

Трансформация метода исследования с интервью на биографическое интервью происходила постепенно. Наиболее информативными оказывались беседы, в которых разговор вел сам информант, а исследователь лишь высказывал интерес к конкретным аспектам или помогал раскрыть какие-то моменты истории. Интервью насыщается, когда исследователь делится с информантом своими историями, проводит параллели с собственным опытом, рассказывает примеры из жизни своей семьи. При благоприятных условиях,

если налажен эмоциональный контакт, информант делится своими личными переживаниями, иногда сомнениями, которые он не озвучивает своим близким. Вероятно, в подобных случаях срабатывает «синдром попутчика». Исследователю необходимо исключить в разговоре экспертный тон, оценивание поступков и мнений информанта, так как эти моменты достаточно тонкие и связаны со сферой эмоций, их сложно проконтролировать, поэтому только искренний интерес и доброжелательность являются основой успешного интервью. Однако при этом не стоит устанавливать излишне близкий эмоциональный контакт, поддаваться на провокации и манипуляции информанта.

Заключение

Ключевая особенность исследований в рамках качественной традиции — это поисковый и неструктурированный характер проведения полевого этапа исследования и анализа результатов. Активная институционализация религиозного образования в регионе оказывает влияние и на участников процесса. Таким образом, биографическое интервью дает понимание не только индивидуального опыта, но и разворачивается вместе с контекстом того социального института (социальной формы), который его регулирует. В нашем случае единицу контекста сформировали социально-экономические показатели района, в котором находится учебное заведение, история становления учебного заведения, специфика учебного плана, информация о деятельности медресе, полученные от руководства и преподавательского состава. Основное исследование контекста проводилось перед биографическими интервью и в последующем дополнялось.

Выбранный метод исследования имеет свои сильные и слабые стороны, определенные недостатки и ограничения. В целом наш опыт показывает, что в рамках качественных методов после этапа поля раскрываются новые грани исследовательских вопросов и гипотез, и это необходимо учитывать, закладывая высокую гибкость в программу. Интервью позволили получить уникальный и глубокий материал. В ходе исследования раскрывались неявные тенденции и новые акценты жизненных стратегий молодых мусульман, выбравших профессиональное религиозное образование.

Опыт исследования с элементами антропологического подхода заключается в том, что мы «искали общий язык» для ведения разговора с информантами в широком смысле слова, при этом исследование проводилось на территории информантов, которая содержит в себе определенные символические смыслы. Исследователь прибегал к частичному включенному наблюдению, что нашло свое отражение и в последующих этапах исследования, где использовался метод плотного описания — интерпретации и анализу подвергались не только вербальные цитаты информантов, но и определенные символы культуры, велся поиск неявных и скрытых смыслов и значений. Постоянный возврат в поле благодаря длительности исследования, регулярной коммуникации с администрацией ДУМ РТ, учебных заведений позволяет применять элемент

включенного наблюдения. Полевые исследования меняют взгляд на мир. Изучая жизненные миры информантов, исследователи влияют на участников исследования точно так же, как процессуально изменяется их восприятие анализируемого поля.

Литература

- Брилева Д. С.* Антропологический аспект инсайдерства и аутсайдерства в исламоведении // *Исламоведение*. 2016. Т. 7. № 4. С. 46–57. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57>
- Галкин К. А.* Карьерные стратегии молодых сельских врачей Ленинградской области: нарративный анализ // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018. № 1. С. 158–167. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-158-167>
- Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Дивисенко К. С., Дивисенко О. В.* Биографическое исследование реинтерпретации личной истории у православных верующих // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. № 4. С. 24–37.
- Дони Т.* Социология религии и новые границы качественного исследования // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2018. № 3. С. 256–268.
- Ионин Л. Г.* Георг Зиммель — социолог (критический очерк) / Отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М.: Наука, 1981.
- Климов И. А.* ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 4. С. 114–127.
- Кучмаева О. В.* Семья и карьера: выбор жизненной стратегии московским студенчеством // *Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики*. М.: Экон-Информ, 2019. С. 82–87.
- Осипова Л. Б., Энвери Л. А.* Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 4. С. 108–129. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>
- Островская Е. А.* Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // *Социологические исследования*. 2016. № 2. С. 110–118.
- Рогозин Д. М.* В тени опросов, или будни полевого интервьюера. М.: Страна Оз, 2017.
- Рождественская Е. Ю., Семенова В. В.* Качественная методология как ресурс социально-прогнозирования: возможности и ограничения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.01>
- Русакова М. М.* Социологическая модель жизненных траекторий женщин, вовлеченных в проституцию // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2019. Т. 12. № 3. С. 249–262. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.303>
- Сэлф Б.* Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19 // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 4. С. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>
- Тупахина О. В.* Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 1. С. 185–197.
- Филькина А. В.* Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции: автореферат дис. ... к. соц. наук. М., 2009.
- Форум: Опасности поля: перспектива исследователя // *Антропологический форум*. 2021. № 48. С. 11–88. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>
- Чудова И.* Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // *Социальная реальность*. 2008. № 6. С. 102–110.

Willms C. Irritations, Findings, and Transformation Following an Interview with a Female Muslim Environmentalist: (Narrative) Positioning and Self-Reflexivity in Relation to Interview Analysis // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2022. Vol. 23. № 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-23.1.3746>

Сведения об авторе:

Гибадуллина Миляуша Рустамовна — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия. **E-mail:** g.milya@mail.ru. **ПИНЦ Author ID:** 855345; **ORCID ID:** 0000-0002-7448-5085; **ResearcherID:** ABG-8488-2021.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2022

Принята к публикации: 10.06.2022

**Experience in the Study of the Religious Field:
Reflection on the Example of Republic of Tatarstan**

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.5

Milyausha R. Gibadullina *Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia*
E-mail: g.milya@mail.ru

The article presents a research's reflection on entrance and working in the religious field, description of physical context of the research and the researcher's frame in a particular case, through the main aspects: researcher's identity (gender, age, nationality), personal research position, determined through the correlation of insidership and outsidership. The author draws attention to the fact that the researcher's position cannot be clearly defined through the categories of insider and outsider, each participant of the study has a complex system of identities, cultural and social markers that will certainly have points of contact, intersections and divergences. The article reveals the features of the empirical part of the study devoted to the life strategies of young Muslims, in particular, the issues of research organization, establishing communication with the research field, and conducting interviews.

Keywords: qualitative methods; interview; researcher; research object; field; research context

References

Brileva D.S. (2016) Antropologicheskij aspekt insajderstva i autsajderstva v islamovedenii [The Anthropological Aspect of Insidership and Outsidership in Islamic Studies]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 7. No 4. P. 46–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57>

Chudova I. (2008) Postmodernistskaya sotsiologiya i kachestvennaya metodologiya: ideologicheskie peresecheniya [Postmodern Sociology and Qualitative Methodology: Ideological Intersections]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 6. P. 102–110. (In Russ.)

Divisenko K.S., Divisenko O.V. (2016) Biograficheskoe issledovanie reinterpetsii lichnoj istorii u pravoslavnyh veruyushchih [The Biographical Research of Personal History (Re-)interpretation among Orthodox Believers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 4. P. 24–37. (In Russ.)

Doni T. (2018) Sotsiologiya religii i novye granitsy kachestvennogo issledovaniya [Sociology of Religion and New Frontiers of Qualitative Research]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. P. 256–268. (In Russ.)

Fil'kina A.V. (2009) *Etnograficheskij metod v issledovaniyah novyh religioznyh dvizhenij: problema formirovaniya issledovatel'skoj pozitsii* [The Ethnographic Method in the Research of New Religious Movements: The Problem of Forming a Research Position]. Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Social Sciences. Moscow. (In Russ.)

Forum: Opasnosti polya: perspektiva issledovatelya [Forum: The Dangers of the Field: The Researcher's Perspective] (2021) *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. No. 48. P. 11–88. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-11-88>

Galkin K. A. (2018) Kar'ernye strategii molodyh sel'skih vrachej Leningradskoj oblasti: narrativnyj analiz [Career Strategies of Young Rural Doctors of the Leningrad Region: A Narrative Analysis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya, Psihologiya, Sociologia* [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1. P. 158–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-158-167>

Geertz K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Ionin L. G. (1981) *Georg Zimmel' — sotsiolog (kriticheskij ocherk)* [Georg Simmel — a Sociologist (Critical Essay)] / Ed. by Yu.N. Davydov. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Klimov I. A. (2021) INTER-entsiklopediya: kognitivnoe interv'yū [INTER-encyclopedia: Cognitive Interview]. *Interaktsiya. Interv'yū. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 4. P. 114–127. (In Russ.)

Kuchmaeva O.V. (2019) Sem'ya i kar'era: vybor zhiznennoj strategii moskovskim studenchestvom [Family and Career: Choice of Vital Strategy by the Moscow Students]. *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and Youth Policy: New Meanings and Practices]. Moscow: Econ-Infom. P. 82–87. (In Russ.)

Osipova L. B., Enveri L. A. (2016) Zhiznennye strategii molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Life Strategies of Young People: Sociological Research Experience]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. No. 4. P. 108–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>

Ostrovskaya E. A. (2016) Religioznoe "evrejstvo": opyt biograficheskogo narrativa v zakrytoj grupe [Religious "Jewishness": Biographical Narrative in a Closed Group]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 110–118. (In Russ.)

Rogozin D. M. (2017) *V teni oprosov, ili budni polevogo interv'yuera* [In the Shadow of Surveys, or Exploring the Everyday Life of a Field Interviewer]. Moscow: Strana Oz. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V.V. (2017) Kachestvennaya metodologiya kak resurs sotsial'nogo prognozirovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya [Qualitative Methodology as a Tool for Social Forecasting: Opportunities and Limitations Authors]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 1–11. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.01>

Rusakova M. M. (2019) Sotsiologicheskaya model' zhiznennykh traektorij zhenshchin, vovlechenykh v prostitutsiyu [Sociological Model of Life Trajectories of Women Involved in Prostitution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 12. No. 3. P. 249–262. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.303>

Self B. (2021) Kak provesti interv'yuu vo vremya i posle pandemii COVID-19 [Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], Vol. 13. No. 4. P. 9–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>

Tupahina O.V. (2012) Religioznaya biografiya kak forma narrativizatsii zhiznennogo mira veruyushchih (na primere pravoslavnyh hristian) [Religious Biography as a Form of Narrativization of the Life World of Believers (on the Example of Orthodox Christians)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 1. P. 185–197. (In Russ.)

Willms C. (2022). Irritations, Findings, and Transformation Following an Interview With a Female Muslim Environmentalist: (Narrative) Positioning and Self-Reflexivity in Relation to Interview Analysis. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 23. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-23.1.3746>

Author bio:

Milyausha R. Gibadullina — Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia. **E-mail:** g.milya@mail.ru. **RSCI Author ID:** 855345; **ORCID ID:** 0000-0002-7448-5085; **ResearcherID:** [ABG-8488-2021](https://orcid.org/0000-0002-7448-5085).

Received: 17.05.2022

Accepted: 10.06.2022

Навигация по городской еде: о вкусах, местах и профессиях¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.6

Ссылка для цитирования:

Жесько Э. М. Навигация по городской еде: о вкусах, местах и профессиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 2. С. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.6>

For citation:

Zhesko E. M. (2022) City Food Navigation: About Tastes, Places and Professions. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 2. P. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.2.6>

Жесько Элла Михайловна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: emzhesko@edu.hse.ru

В статье анализируется интервью с гастрожурналистом. Показано, как отдельный кейс может послужить основой для выстраивания исследовательской концептуализации и генерирования дальнейших вопросов и предположений. В качестве аналитической рамки используется теория вкуса П. Бурдьё. С одной стороны, вкус представлен как способ возведения символических границ между социальными группами, с другой — как навык, приобретаемый телесной и ментальной тренировкой. Вкус соотнесен с выбором пищи, а агенты гастрономического дискурса определены как посредники между вариациями выбора и аудиторией в условиях демонстрации социального статуса, групповой или этнической принадлежности через потребление. В ходе беседы интервьюируемый предпринял попытку провести границу между журналистами и блогерами как агентами гастрономического дискурса, что оказалось нетривиальной задачей. В качестве основных критериев различения журналистов и блогеров были названы знания, профессиональные качества и навыки, необходимые для агента дискурса. Интервью позволило прийти к выводу, что разграничение блогеров и журналистов осложнено тем, что их социальные роли могут пересекаться: агент дискурса, обладающий профессиональным статусом журналиста, может действовать

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

по отношению к аудитории и как блогер, и как журналист. Также были сформулированы портреты читателей и интенции, с которыми оказывается влияние на аудиторию разных интернет-площадок. Было обнаружено, что профессионализм (искушенность) самой аудитории является критерием ее разграничения агентом дискурса и, соответственно, ориентиром для выбора стиля взаимодействия с ней.

Ключевые слова: интервью; вкус; профессиональные различия; гастрономический дискурс

Цена и качество — две наиболее значимые для потребителей характеристики еды¹ или ресторана². Восприятие цены как приемлемой или неприемлемой во многом определяется достатком, менее очевидны источники, из обращения к которым складываются групповые представления о качестве пищи. Помимо свежести в рамках повседневных практик потребителю непросто оценивать качество предлагаемой еды, потому что не ясны критерии этой оценки: должна ли качественная еда быть «правильно» приготовленной? Какое приготовление считается правильным? Должны ли ингредиенты, составляющие блюдо, быть «хорошими»? Что можно считать хорошим?

Заключение о качестве продукта может приниматься на основании опыта или делегироваться внешним источникам в расчете на экспертизу, которой не обладает сам выбирающий. В последнем случае представления о качестве еды или заведений общественного питания черпаются из соответствующего дискурса. Обсуждение еды в медиа формирует множество агентов, начиная с крупных международных организаций и изданий, заканчивая отдельными авторами, выступающими от своего имени.

При рассмотрении вопроса внешнего влияния на выбор пищи отдельный интерес представляют персонализированные агенты дискурса о еде, различия между ними и тем, как и какое влияние они оказывают на аудиторию. Работа по наделению пищи и заведений смыслами, которую выполняют персонализированные агенты дискурса, мотивируется внутренне, делает их источником знаний о намерениях, причинах и способах воздействия на выбор пищи их аудиторией. Частные, а не корпоративные агенты дискурса с большей вероятностью идентифицированы с процессом его создания и воспроизводства, обладают последовательным и ценностно окрашенным представлением об аудитории и о сообщении, которое требуется донести, а также о соотношении нового сообщения с предыдущими, что делает их экспертами в области содержания и функционирования гастрономического дискурса.

¹ Making Our Food Fit for the Future — Citizens' Expectations. Special Eurobarometer 505 — Wave EB93.2. Kantar. 2020. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2241> (дата обращения: 15.05.2022); Здоровье и питание россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-i-pitanie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 15.05.2022).

² Вкус еды, цены и атмосфера — главное, на что ориентируются россияне при выборе ресторана // РБК Исследования рынков. 2021. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13121/> (дата обращения: 15.05.2022).

В данной работе к рассмотрению предлагается экспертное интервью с Романом Лошмановым¹ — журналистом, автором блогов «Вечерний Лошманов» на платформе «Яндекс.Дзен» и в Telegram, бывшим главным редактором сайта «Еда.ру». Просветительская деятельность Романа посвящена городской еде и еде в разных городах: от продуктов, которые можно купить в магазине, до ресторанных блюд. Широта тем для создания текстов вместе с одновременным ведением двух блогов, ориентированных на разную аудиторию, позволяет считать Романа экспертом, имеющим представление о содержании и правилах функционирования гастрономического дискурса, а также о границах своего влияния на аудиторию как персонализированного агента дискурса.

Концептуальные предпосылки интервью

Прежде чем приступить к рассмотрению результатов интервью, кратко обозначим язык интерпретации полученных данных. Ниже приведены некоторые теоретические основания рассуждения о вкусе и выборе еды, сделана попытка концептуализации связи между этими понятиями и поиска места тех, кто рассказывает о еде.

Вкус как социальная характеристика

Применительно к практикам потребления пищи отчетливо проявляется многозначность концепции вкуса. Рассуждая в биологических терминах, вкус к еде можно понимать как выражение потребностей организма или функциональную адаптацию для отбора наиболее предпочтительной с позиции выживания пищи [Teil, Hennion, 2004: 20–21]. Притом что биологическая природа вкуса к еде и, вероятно, предпочтений в целом, не подлежит сомнению, очевидно существование социальной компоненты.

Серьезное влияние на словарь, с применением которого социологи подходят к изучению вкуса, оказал П. Бурдьё, рассмотрев вкус к еде как групповую характеристику и связав его с социальным статусом и соответствующей структурой капиталов [Бурдьё, 2004; Bourdieu, 1987: 4–5]. Анализ различий распределения расходов представителей разных социальных классов на потребление, предпринятый П. Бурдьё в работе «Различение: социальная критика суждения», а также взгляд на потребление как на способ демонстрации и укрепления социальной идентичности, популяризованный Т. Вебленом [Veblen, 1974: 33–47, 54–76], позволяют взглянуть на вкус в еде как на инструмент построения границ — этнических [Wilk, 2012: 17], гендерных [Willekens, Lievens, 2015; Ehlert, 2021] и, наконец, групповых [Cornelissen, 2016; Paddock, 2016; Barauskaite, 2018].

¹ Информация об интервьюируемом и фрагменты беседы приведены с его согласия.

Важной характеристикой вкуса видится его ориентированность на других. Выражение вкуса служит прояснению своего социального статуса или конструированию желаемого в глазах окружающих, подкреплению социальной идентичности и возведению границ между группами. Вкус является результатом усвоения ряда установок и представлений. В процессе позиционирования себя через выражение вкуса необходимо понимать, какие пищевые выборы соответствуют демонстрируемому социальному статусу — иметь внутренние или внешние ориентиры должного потребления, образцы вкуса.

Вкус как навык

Вкус ограничен опытом, поскольку он является производной от габитуса [Lizardo, 2014: 341–342]. По этой же причине вкус подлежит тренировке. То, как будут интерпретированы сенсорные ответы организма при пробовании еды, во многом определяется предшествующим опытом и научением тела взаимодействовать с пищей соответствующим образом [Wright, 2018: 12]. Вкус раскрывается по-разному в зависимости от того, каким способом осуществляется пробование, и от того, на чем пробуемый фокусирует внимание — это составляет технику пробования [Schwarz, 2013: 416–417].

Переход от вкуса как сложившейся ввиду структурного соотношения капиталов характеристики ко вкусу как процессу позволяет затронуть вопрос качеств, отличающих экспертов вкуса от любителей и потребителей экспертизы. Обычно вкус еды воспринимается механически в процессе соприкосновения со вкушаемым, при этом чувствительность ко вкусу вырабатывается практически посредством повторения, сравнения, пробования нового и обращения к другим за знаниями и опытом [Hennion, 2007: 101, 110]. В такой постановке чувствительность ко вкусу зависит от интереса к пробованию нового, а также от стремления к изучению уже испробованного [Lizardo, 2014: 349].

Любителей от экспертов отличает то, что вкусы первых фрагментарны, техники пробования — непоследовательны [Hennion, 2007: 110], эксперты вкуса, в свою очередь, помимо опыта пробования, обладают знаниями в области своей компетенции, а также телесными и ментальными техниками пробования. Потребители экспертизы, в отличие от экспертов и любителей, вовсе не обязаны обладать продвинутым вкусом, их запросы удовлетворяет гастрономический дискурс через посредничество экспертов при выборе объекта потребления.

Очевидно, в области пищи профессионалы вкуса имеют специфический габитус, но что составляет эту специфичность и как это проявляется при повседневном построении границ между экспертами и потребителями экспертизы? Можно предположить, что особое восприятие вкуса — следствие обладания систематическими знаниями в области вкушаемого, особый фокус внимания и применение техник пробования и, что немаловажно, специфическое отношение к процессу пробования. Профессионал вкуса, пробуя еду в ситуации, требующей экспертизы, ставит перед собой специфические

задачи и фокусирует внимание на характеристиках вкуса, которые этим задачам отвечают. Знания наполняют восприятие эксперта вкуса особой оптикой и наделяют его словарем для передачи воспринятого. Посредством публичной передачи воспринятого опыта утверждается экспертная позиция и эксперт символически отделяется от любителей и потребителей экспертизы.

Выбор пищи и места ее потребления

Решение о том, какой выбор совершить в повседневной практике, согласно Бурдьё, принимается на основании габитуса [Bourdieu, 1990: 53]. Выбор еды, как и любой другой выбор, представляет собой реакцию габитуса на постоянно изменяющиеся обстоятельства, поэтому важно понимать, из каких источников черпаются основания для его совершения. Основанием для принятия решения видится накопленный в результате постоянной адаптации к динамичным условиям среды опыт: знания, позволяющие формулировать ожидания от ситуации, навыки разрешения ожидаемых ситуаций, жизненный опыт, релевантный контексту [Lizardo, 2014: 349]. Вкус возникает как обобщение и объяснение существующей практики выборов и ожиданий от ситуации — люди имеют вкус к тому, что уже потребляют [Бурдьё, 2004: 23].

На выбор еды и места ее потребления, очевидно, во многом влияет достаток выбирающего, очерчивая множество доступных вариантов. Телесные ограничения — еще один объективный фактор, влияющий на выбор еды посредством исключения из области рассмотрения продуктов, которые невозможно или нежелательно есть, и наоборот — мотивируя выбор желательных продуктов. Как сузить, так и расширить диапазон выбора могут представления о качестве и статусности еды, формируемые опытом, усвоенным из личной практики или опосредованным другими источниками — почерпнутыми из гастрономического дискурса.

Дискурс о еде в медиа является важным внешним источником, влияющим на выбор пищи. Дискурс наделяет пищу или заведения моральными значениями, влияя тем самым на то, кто будет ее выбирать [Sassatelli, 2004]. В частности, гастрожурналисты задают пищевую моду среди тех, кто считает себя представителями элит: формируют представления о том, какая еда в моде, ранжируют заведения и в целом своей деятельностью определяют основания, на которые социальные группы будут опираться, выстраивая границы [Johnston, Baumann, 2007].

Влияние агентов гастрономического дискурса на выбор пищи

Между вкусом и выбором пищи как его наблюдаемым проявлением существует ряд посредников. Профессионалы вкуса — гастрожурналисты, кулинарные критики, фуд-блогеры — те, кто задает дискурс о еде, очевидно,

влиять и на выбор еды аудиторией, становясь посредниками между вкусом аудитории и диапазоном доступной пищи. Можно предположить, что для того, чтобы выступать в роли проводника, эти люди должны обладать рядом специфических качеств: в первую очередь развитым вкусом, предполагающим широкий горизонт доступной для восприятия еды, опытом и владением техниками пробова, а также знаниями о еде и владением словарем для корректной передачи аудитории своего опыта пробова.

Приведенные размышления оставляют открытыми вопросы о действительных основаниях экспертности посредников — какими свойствами они должны обладать, существуют ли критерии, которым необходимо соответствовать агенту дискурса о еде? Какие, помимо знаний, существуют различия между экспертами и любителями? Какова связь экспертности и влияния посредника — еще один вопрос, ставший предпосылкой приведенного ниже анализа.

Полуструктурированное экспертное онлайн-интервью на платформе Zoom, некоторые результаты которого представлены ниже, было проведено как попытка внести ясность в поставленные вопросы. Длительность интервью составила 1 час 44 минуты. В ходе беседы, рассуждая о специфике своей профессии, интервьюируемый пытался сформулировать критерии различения профессионалов и непрофессионалов гастрономического дискурса, а также обозначил портреты аудитории агентов этого дискурса. Удалось выйти на вопрос амбиции агента дискурса по отношению к аудитории — намеренности и направления влияния на потребительские практики аудитории, а также привлекаемых в этом процессе средств.

Апробация словаря

Данный раздел посвящен результатам проделанной работы — приведены выдержки высказываний Романа в сопровождении обобщающих комментариев. К последовательному рассмотрению предлагаются характеристики персонализированных агентов гастрономического дискурса, его потребителей. Затем обратимся к вопросу допустимости, осмысленности и направления влияния на аудиторию.

Профессионализм как ключевой критерий различения агентов гастрономического дискурса

Первое противопоставление — журналисты и блогеры — видится наиболее значимым для построения профессиональной идентичности, поскольку в течение беседы возникало неоднократно. Озвученная в явном виде дихотомия показательна как намерение конструирования и предъявления своей профессиональной идентичности. Названные ниже качества и критерии различения подспудно выполняют функцию легитимации экспертизы гастрономистов как профессиональных агентов гастрономического дискурса.

Интервьюер: А гастрожурналисты — это кто?

Эксперт: Люди, которые пишут про еду. Почему именно журналист? Потому что мне кажется важной разница между журналистом и блогером, потому что... Сейчас, конечно, стирается разница <...>, но блогер — это не профессия, скажем так... хотя это тоже сейчас профессией становится, но тем не менее, мне кажется, блогер меньше отвечает за свои слова, чем журналист.

Противопоставление журналистов и блогеров, возникшее при ответе на запрос на уточнение своего профессионального статуса, дает основания предположить актуальность запроса на проведение границ между агентами гастрономического дискурса в медиа.

В процессе рассуждения проявляется ключевое основание для сравнения — профессионализм, это качество сразу наделяется значением «ответственность перед аудиторией». Противопоставляя блогеров, профессия которых неформальна, и журналистов как обладателей легитимированной формальными структурами «настоящей» профессии и соответствующим ей набором навыков, Роман укрепляет основания, на которых вкус журналиста получает больший вес по сравнению со вкусом блогера. За вкусом журналиста стоит выучка — усвоение ряда техник владения телом и концентрации внимания, за вкусом блогера стоит оценочное суждение.

Упоминание блогеров наряду с журналистами говорит об идентификации от противного, через противопоставление себя другим агентам, что может отражать размытость границ областей гастрономического дискурса в медиа, на господство в которых могут претендовать агенты. Объясняя свои затруднения при разграничении, Роман неоднократно указывает на неуловимость различия между блогерами и журналистами:

«[Между журналистами и блогерами] очень тонкая грань. Сейчас вообще невозможно отделить одно от другого».

И вспомним взятое из предыдущей цитаты: *«Сейчас, конечно, стирается разница».*

Очевидное сходство между журналистами и блогерами является причиной, по которой актуализируется необходимость разграничения: различия ощущаются на ценностном уровне, но с трудом поддаются формализации. Линия дальнейшего рассуждения выстраивается в ключе противопоставления журналистов и блогеров, профессионализм по мере движения мысли обогащается новыми оттенками содержания:

«...и они [гастрожурналисты] профессиональной еще, потому что не всякий блогер может написать нормальную статью для традиционного СМИ, а журналист — может. Он может как вести блог, так и [писать статьи]».

Близкое по смыслу высказывание было сделано несколько позднее, рассмотрим их в связи друг с другом:

«Журналист знает, как работать с тем или иным материалом, умеет работать в разных жанрах и умеет обрабатывать информацию <...>. Как правило, еще журналист, он, в отличие от блогера, он старается быть объективным».

В такой постановке блогер — это «не вполне» журналист, «не вполне» профессионал. На основании этого критерия журналист представляется профессионалом гастрономического дискурса, блогер — любителем, поскольку статус блогера не гарантирует последовательного владения навыками и знаниями, определяющими эксперта, в случае журналиста таким гарантом выступает репутация изданий, которые его публиковали.

Блогеры и журналисты противопоставляются так, будто бы занимают принципиально разные позиции в социальном пространстве поля гастрономического дискурса:

«...тут скорее даже не экспертность [отличает журналиста], потому что многие блогеры тоже довольно экспертные, скажем так, люди, а просто профессионализм, то есть <...> это следование каким-то профессиональным стандартам. Умение писать, в конце концов, а блогер может не уметь писать, он может говорить на камеру».

И те, и другие обладают экспертностью, однако у журналистов, если следовать логике сказанного, преобладает культурный капитал, выраженный в навыках, в усвоенных стандартах профессионализма, знаниях, тогда как у блогеров превалирует социальный капитал. Экспертность журналистов признана институционально, экспертность блогеров пребывает в постоянном процессе признания через формирование ценностных суждений аудитории.

Важно, что журналисту можно доверять благодаря его соответствию критериям профессионализма:

«[Как журналист] ты просто должен работать с информацией уметь в том смысле, даже должен понимать, критически относиться к ней — вот это очень важно. Часто, ну, правда, и журналисты тоже этим грешат, что абсолютно не критически относятся к источникам и транслирует иногда полную какую-то ерунду».

Отказываясь от экспертности в области еды, но не в области повествования о еде, Роман отчетливо обозначает свою роль как посредника между экспертом и аудиторией:

«Я терпеть не могу слово “эксперт”, не считаю себя им, потому что я понимаю, как много я еще не знаю».

«Эксперт» в процессе рассуждения переопределяется как «профессионал», сохраняя при этом свои ключевые качества:

«[Как журналист я] понимаю, какие нужно задавать вопросы, чтобы самому узнать больше и потом рассказать об этом другим».

Блогеры не обладают профессионализмом в смысле привычки к аккуратности в работе с информацией, поэтому их суждениям, основанным на вкусе, сложнее доверять:

«Часто не отличишь в потоке информации от блогера рекламу от нерекламы <...>. Ты не можешь доверять им и поэтому в том числе тоже».

Журналисту можно доверять, потому что он выступает объективированной фигурой — проводником экспертности, источником которой является чужой или собственный профессионализм, у журналиста в такой постановке нет интереса, который заставлял бы его искажать сообщения или, по крайней мере, есть сдерживающие факторы. В то же время блогеров от искажений или злоупотребления доверием аудитории ничего не удерживает, поскольку они не обладают профессионализмом.

Значение знаний и навыков для конструирования символических границ между агентами гастрономического дискурса

В процессе интервью была артикулирована значимость владения особыми телесными и ментальными техниками пробова для того, чтобы функционировать как агент гастрономического дискурса. Отвечая на вопрос о том, что должен уметь гостржурналист, Роман говорит следующее:

«Можно увидеть, что это вот хорошо приготовленная еда или плохо, и это объективные знания, которым как раз довольно легко научиться, если ты будешь обращать внимание на детали <...>, если у тебя будет багаж знаний: ты знаешь о том, как готовится то или иное блюдо».

Знания играют ключевую роль при формулировании суждения о еде: *«Конечно же, должен быть напробовавший человек, который рассказывает истории про еду».*

Другим важным аспектом функционирования агента дискурса является вкусовая эрудиция, широкий гастрономический кругозор, без которого полезность знаний резко ограничена, и техники пробова, благодаря

которым возможно сопоставление знаний о качественной еде и характеристик пробуемого блюда.

«[Критик] должен уметь анализировать, потом, соответственно, то, что ты проанализировал, то, что ты сформулировал у себя в голове, ты должен упаковать это. Переупаковать информацию: получил ее и потом проецируешь ее в какую-то историю короткую, длинную, в видео, подкасты и так далее».

Итак, приведенные цитаты очерчивают следующие области компетентности агента гастрономического дискурса: теоретические знания о том, каким должно быть правильное блюдо; владение техниками пробования для того, чтобы обращать внимание на характеристики блюда, которые позволят сделать выводы о качестве его исполнения; вкусовая компетентность, проявляющаяся в умении анализировать пищу и формулировать умозаключения о ней; умение работать с информацией, а также обладание навыком и подходящим словарем для передачи умозаключений о качестве пищи. Перечисленное так или иначе связано с профессионализмом. В Таблице 1 приведены основные направления противопоставления журналистов и блогеров, озвученные в интервью:

Таблица 1

Категории для противопоставления журналистов и блогеров

(Гастро)журналисты	(Гастро)блогеры
Профессионализм	Дилетантство
Знания	Впечатление
Объективность	Субъективность
Доверять	Подражать
Элитарность ¹	Массовость

Формальный критерий разграничения блогеров и журналистов все же был сформулирован:

«Разница между блогером и журналистом в том, что журналист работает, как правило, на кого-то [в то время как блогер — на себя]».

«Наверное, разница только в платформах [на которых автор публикует контент] может быть».

Приведенный критерий, однако, не является ни необходимым, ни достаточным: становится ли блогером автор, который обладает всеми

¹ Слово «элитарность» выбрано в качестве антонима «массовости» с целью подчеркнуть, во-первых, узость аудитории, на которую ориентируются гастрожурналисты, во-вторых, наличие у аудитории вкусовой компетентности.

профессиональными качествами журналиста, но при этом работает на себя, а не на какое-то издание? Что происходит при таком переходе с его положением в пространстве гастрономического дискурса? Заметив, что рассуждение выходит на нетвердую почву, Роман поясняет:

«Меня, конечно, можно и блогером назвать, потому что я и блоги веду, но я скорее журналист».

Попытка выделения формального критерия, очевидно, успехом не увенчалась — значение профессионализма как обладания совокупностью навыков снова вышло на первый план. Приобретенные однажды «журналистские» умения и установки делают из автора профессионала вне зависимости от платформы, на которой он публикует свои работы, и от самостоятельности деятельности.

Итак, в гастрономическом дискурсе можно выделить два типа агентов, обладающих субъектностью в том смысле, что они выступают от своего имени: журналисты и блогеры. Выстраивая типологию, можно провести разграничение между позициями, которые персонализированные агенты дискурса занимают в медиапространстве. Блогеры работают на широкую аудиторию, журналисты — на узкий круг компетентных людей. Первые являются образцом для подражания, вторые — инстанцией, к которой обращаются за экспертизой для приведения выбора в соответствие со своим вкусом. В деятельности блогера первична его личность, в то время как личность журналиста выведена в тень стараниями давать объективные комментарии на основании «профессионализма».

«...Личные предпочтения автора <...> мало кому интересны часто, потому что, как бы там ни равнялись люди на какого-нибудь блогера, если они не любят маракуйю, хоть он обхвалил ее, все равно они [аудитория] не будут ее есть».

В следующем высказывании стремление укрепить преимущество журналиста в дискурсивном поле через обезличивание, отчуждение индивидуальности проявляется особенно ярко:

«Никому не интересно, что тебе вкусно, что тебе невкусно — ты [журналист] должен рассказать людям так, чтобы они поняли, что вот это сделано так-то».

Вкус журналиста объективируется через позиционирование себя как профессионала. Посредством представления себя как эксперта вкуса журналист делает допустимой ориентацию на его оценку при совершении выбора пищи, тем самым занимает позицию посредника между вкусом аудитории и пищевым выбором — он может рассказать «правильно». В то же время вкус блогера наделается субъективностью, а решения, принятые с опорой на него, понимаются

как подражание. Иными словами, те, кто ориентируется на блогеров в вопросе питания, лишаются субъектности — их выбор перестает быть таковым, поскольку собственный вкус подменяется вкусом референтного агента дискурса, а те, кто обращается к журналистам, наделяются вкусовой компетентностью. Аудитория блогеров подражает, пытаясь приблизиться к персоне, аудитория журналистов совершает выбор на основании предложенных им описаний и аргументов, при этом личность автора менее значима, чем его вкусовая компетентность.

Образ аудитории как ориентир для исполнения роли

Блогеры и журналисты в их идеально-типическом понимании ориентированы на разные аудитории, что отчетливо выражено в Таблице 1: предполагается, что аудитория ожидает от них определенных качеств, и они исходят из этих представлений при позиционировании себя. Далее покажем, что определенные выше характеристики отражают не только профессиональные характеристики агентов дискурса, но и ролевые требования.

Аудитория определяется площадкой:

«Ты [автор] должен понимать формат площадки, ты должен понимать аудиторию площадки, вот, например, “Афиша-Еда” был журналом, мягко говоря, не для всех, он был для очень узкой группы людей, условно которую можно назвать фуди <...>, все равно это довольно резко ограниченная аудитория, образованная довольно-таки».

Площадка задает представление об образе аудитории, в соответствии с которым агент дискурса организует свою активность:

«Когда я заводил “Дзен”, я понимал, что это народная площадка, причем это такая помойка, где твои тексты непонятно кому показываются и нужно как можно более быть... понятнее. Не проще — понятнее».

Представления об интересах аудитории площадки сами по себе направляют контент. «Яндекс.Дзен» — площадка для широкой неискушенной аудитории, где агент дискурса принимает роль блогера, Telegram-канал ведется для узкой аудитории, где можно обсуждать сюжеты, требующие большей компетентности:

«В “Телеграме”, там немножко другая аудитория <...>. [Telegram] позволяет мне собирать, опять же, людей, которым это интересно <...>, и мне интересны люди, которым интересно, что едят звенки в мае. Они [эти люди] тем самым тоже себя как будто развивают».

Рассмотренные цитаты, где Роман дал общее описание аудитории своих блогов на разных площадках, позволяют наделить содержательными

характеристиками образы, на которые он ориентируется при создании текстов. При разграничении читателей также возник сюжет «профессионализма» как ключевого основания для различения: читатели Telegram-канала отличаются от подписчиков блога на «Яндекс.Дзене» тем, что обладают знаниями о еде и специфическим фокусом внимания к гастрономии, и поэтому с ними можно говорить на одном языке. В то же время читатели блога на «Яндекс.Дзене» воспринимаются как представители «народных масс», к которым необходимо обращаться с использованием специального упрощенного, «понятного» языка.

Таблица 2

Характеристики блогов в Telegram и на «Яндекс.Дзен» и запросы аудитории, на которые они ориентированы

Аудитория блога в Telegram	Аудитория блога на «Яндекс.Дзен»
Элитарность	Массовость
Целенаправленность	Случайность
Приватность	Публичность

Если прочитать Таблицу 2 в контексте Таблицы 1, то нетрудно заметить их созвучность: характеристики аудитории блога в Telegram отвечают запросам, удовлетворить которые может гастрожурналист: эта аудитория ищет знаний, которыми обладает гастрожурналист, более того, благодаря профессионализму он может достоверно изложить их, доверие к нему институционально подтверждается; и гастрожурналист, и его аудитория обладают определенной вкусовой компетентностью, что позволяет рассчитывать на равноправное взаимодействие и определенную приватность в том же смысле, в котором приватным является диалог между друзьями; кроме того, аудитория блога в Telegram малочисленна, но журналист заведомо нацелен на взаимодействие с узким кругом читателей.

Аналогичное рассуждение применимо к аудитории блога в «Яндекс.Дзене» — ее характеристики подразумевают запрос скорее на блогера, чем на журналиста: аудитория обнаруживает блог случайно, а не целенаправленно в поисках знаний или единомышленников, и поэтому нуждается в популярном изложении мысли для принятия решения о том, оставаться или покинуть страницу, задача блогера состоит в том, чтобы быстро произвести легко усваиваемое впечатление; публичность также обосновывается упрощением языка взаимодействия с аудиторией — это порождает вертикаль, когда знание доходит до аудитории в серьезно переработанном виде, наблюдается стремление разъяснить, а не поделиться, что ставит агента дискурса в роли блогера в доминирующее положение; продолжая аналогию — не приватный дружеский разговор на равных, а публичное выступление с трибуны перед обширной и не слишком вовлеченной аудиторией.

«[Читатели блога на “Яндекс.Дзене”] хотят что-то узнавать новое: где можно поесть. Чисто практически, я думаю, многие [подписываются] <...>, я думаю, что тоже многим нравится, как я пишу <...>, кто-то доверяет <...>. Очень многие доверяют, судя по тому, что мне пишут, доверяют моему вкусу и моим рекомендациям».

Таким образом, формальных критериев разграничения блогеров и журналистов в ракурсе их профессиональных качеств не существует, поскольку с точки зрения практики функционирования как агента дискурса это не профессии, а роли, принимаемые агентом в зависимости от воспринятого образа аудитории. В рассмотренном случае образ аудитории зависит от площадки, на которой функционирует блог, однако вовсе не обязательно так должно быть всегда. Нетрудно представить ситуацию, когда образ аудитории блогов на одной площадке формируется на основании представлений автора о том, каких читателей привлечет концепция и существующий контент этого блога. Стоит также отметить, что взаимодействие с аудиторией является одним из оснований для формулирования ее образа.

После вывода о том, что противопоставление блогеров и журналистов носит не только профессиональный, но и ролевой характер, и что, сосуществуя в одном агенте, роли могут актуализироваться в зависимости от образа аудитории, обозначим влияние аудитории на контент, который создают агенты дискурса:

«[Приняли решение стать] интересным миллионам, и, соответственно, мы меняли язык, мы стали проще, мы стали выбирать немножко другие темы».

Работа над созданием и воспроизводством дискурса требует постоянного анализа аудитории. Агенты подстраивают контент под свои представления о потребностях и интересах аудитории: упрощают язык, отбирают темы. Роман использует формулировку «народный язык», описывая изменения, которым было подвергнуто содержание канала. Такой выбор выражения указывает на компетентность аудитории как на основную характеристику, которая учитывается при подстройке контента.

Подводя краткий итог рассуждениям об аудитории блога, в Таблице 3 перечислим характеристики читателей, на которые Роман ориентируется, исполняя роль журналиста и роль блогера.

В приведенном списке противопоставлений с очевидностью проявляется субъектность аудитории гастрожурналиста и отсутствие самостоятельности аудитории блогера. Аудитория гастрожурналиста находит его блог, чтобы учиться и участвовать во взаимном обогащении вкусовой компетентности, в то время как аудитория блогера приходит за референтом — если не фигурой для подражания, то экспертом, совету которого можно доверять. Возможность доверия, отсутствующая в отношении блогера как профессии, сохраняется в случае, когда агент с профессиональным статусом журналиста принимает

Таблица 3

Характеристики аудитории гастрожурналиста и блогера как социальных ролей

Аудитория «гастрожурналиста» как социальной роли	Аудитория «блогера» как социальной роли
Продвинутая	Наивная
Ориентирована на знания	Ориентирована прагматически
Ищет диалога	Ищет совета
С ней можно обмениваться знаниями	Ее следует просвещать

на себя дискурсивную роль блогера, поскольку габитус журналиста, включающий обладание профессионализмом, от него не отчуждается, изменяется лишь его позиционирование в соответствующем блоге.

Необходимость, допустимость и задачи воздействия на аудиторию

Взаимодействие с аудиторией может быть на равных или с позиции профессионала — это зависит от площадки. И блогерская, и журналистская роли допускают воздействие на аудиторию, но в различной мере:

«Очень много блогеров, которым очень хочется быть проводниками мнений, лидерами мнений».

Противопоставление блогеров и журналистов сохраняется как ядро, вокруг которого выстраивается образ профессионального агента дискурса. В качестве фона для рассуждения о влиянии на аудиторию выступает, по-видимому, представление о том, что между блогерами и журналистами имеет место соперничество за статус в дискурсивном пространстве:

«Дело в том, что про еду рассказывают не только люди, которые [профессионально] пишут про еду <...>. [Еще про еду пишут] популярные инстаблогеры, им могут занести денег, и они расскажут о каком-то ресторане — тоже влияют. <...> Люди туда пойдут, потому что вот похвалила, там, условная Красная Шапочка, <...> конечно, на них [подписчиков] это влияет».

Влияние на аудиторию как с ролевой позиции блогера, так и с ролевой позиции журналиста неизбежно. При этом осознается ограниченность влияния:

«Если они [аудитория] не любят маракуйю, хоть он [блогер] обхвалил ее, все равно они не будут ее есть».

Соответственно, воздействие на аудиторию, коль скоро его не избежать, должно быть осмысленным и целесообразным. В связи с этим наибольший интерес представляют задачи, средства и интенсивность, с которой агент гастрономического дискурса влияет на потребительский выбор аудитории.

«Люди, которые пишут про еду, исключительно про еду, они как раз влияют, наверное, на <...> более узкую прослойку людей, которым интересна еда, а уже они <...> распространяют эти знания вокруг себя, <...> сарафанное радио запускают».

Объектом влияния блогеров и журналистов как ролевых моделей в итоге оказывается широкая аудитория, что согласуется с озвученной ранее интенцией «просвещать» ее. Влияние на узкую аудиторию заинтересованных и обладающих определенной вкусовой компетентностью читателей Telegram-канала мыслится в терминах вербовки этих людей для распространения дискурсивного воздействия на конечный объект — массового читателя.

Задача влияния на массовую «народную» аудиторию была обозначена выше — ее просвещение. Агенты дискурса располагают ограниченным набором средств осуществления этой задачи:

«[В “Дзене” использую] более простой язык, чем я могу <...>, и в то же время я протискиваю туда те темы, которая вроде бы неинтересны массовому читателю, я пытаюсь его заинтересовать, и это срабатывает».

Регулирование языка повествования и выбор темы являются основными инструментами, доступными агенту дискурса при осуществлении воздействия на аудиторию.

«[Говорили] простым языком только те сложные вещи, которые нам самим интересны были. Вот так вот партизанили».

Интересно отметить, что описанная деятельность воспринимается как просвещение исподволь — «партизанство»: широкая аудитория не ищет знаний, нужно применять уловки, чтобы развивать ее вкусовую компетентность.

«Скорее, наверное, привлекала возможность рассказывать истории про еду. Не столько сама еда, сколько, вот, не то чтобы жажда просвещения, а жажда рассказать о том, как бывает интересно и круто».

Просветительская задача мотивируется, с одной стороны, эгоистическим стремлением писать о том, что интересно, с другой стороны — альтруистическим намерением делиться впечатлениями и знаниями. Глобальная задача, «сверхзадача» просвещения, если пользоваться формулировкой Романа, состоит в том, чтобы «сделать мир лучше». Обратимся к высказываниям, раскрывающим, как рассказывание историй о еде позволит улучшить мир:

«[Пишу для того, чтобы] передать собственное восхищение чем-то хорошо сделанным так, чтобы люди, которые даже не любят что-то, и они захотели попробовать, и оценили работу <...> повара или кондитера, они поняли, что это крутой человеческий труд, даже если тебе самому невкусно».

Истории о еде рассказываются для того, чтобы делиться приятным и распространять уважение к чужому труду и, больше, уважение людьми друг друга.

«Рассказываю об этом [о хороших ресторанах] часто людям, которые относятся к этому с недоверием <...>, а мне как раз интересно рассказать, что хоть разочек, да стоит сходить».

Также ставятся «сверхзадачи» расширения вкусовой компетентности аудитории и развенчания предубеждений против индустрии общественного питания.

«[Стараюсь] пропагандировать здоровое отношение к ресторанам, потому что любые рестораторы рады обратной связи [чтобы исправить ошибки]».

Просветительская работа направлена не только на благо аудитории, выражается и намерение помогать ресторанам, а также налаживать диалог между ресторанами и посетителями, демонстрируя на собственном примере, по каким параметрам стоит оценивать заведения и какой должна быть конструктивная обратная связь.

Пространство влияния гастрожурналиста, выступающего перед читателями в роли блогера, ограничивается рекомендациями о еде. Возвращаясь к высказываниям о блогерах как (не)профессиональном статусе, можно отметить, что их влияние на аудиторию касается образа жизни в целом, что определенно составляет более широкий круг практик и значений, чем охватывает гастрономический дискурс. Соответственно, влияние на аудиторию не определяется экспертностью или профессиональностью.

Итак, в результате рассуждения был сделан вывод, что влияние агентов гастрономического дискурса направлено на лишенную субъектности «широкую аудиторию» независимо от того, кому фактически адресовано сообщение. Допустимое влияние гастрожурналиста заключено в рамки гастрономического дискурса, тогда как влияние блогера шире и охватывает образ жизни в целом. К журналисту, пишущему о еде, прислушиваются при планировании выбора, потому что он обладает навыками проводника вкуса и благодаря этому воспринимается как достойный доверия источник суждений о еде и только о еде. К блогеру, пишущему о еде, прислушиваются, поскольку основной интерес представляет его persona, и для принятия решения о следовании совету от блогера не так важно, будет ли он касаться пищи, одежды или книги. В первом случае аудитория обращается за оценкой, во втором — за мнением. В первом случае рекомендация проходит проверку собственным вкусом

и интегрируется в существующий образ жизни, во втором за объект подражания принимается образ жизни, который демонстрирует блогер, его вкусу делегируется работа по надделению еды или заведения значениями.

Заключение

Гастрожурналисты и гастроблогеры могут рассматриваться аудиторией как обладатели вкуса, на который следует ориентироваться в своем потреблении или, по крайней мере, как гиды, позволяющие определиться, какой выбор из рассматриваемого многообразия блюд и мест потребления следует совершить. Если гастрожурналисты выступают в качестве профессиональных посредников между индивидуальным вкусом и способом его выражения, стремясь к самообъективации, то блогеры мыслятся как референт объект подражания. Аудитория при ориентации на блогера исключает индивидуальный вкус из цепочки принятия решения о пищевом выборе, подменяя его вкусом блогера. Стремление к объективности в оценке пищи противопоставляется субъективности, обезличенный профессионализм противопоставляется персонализированному любительству.

Профессионализм в широком смысле является главным критерием не только для разделения блогеров и журналистов, но и для структурирования представлений об аудитории. Так, аудитория делится на продвинутых читателей, заинтересованных в еде и обладающих натренированным вкусом, и на массового читателя, интерес которого непостоянен и ориентирован скорее на решение прагматических задач, чем на получение знаний. В зависимости от типа аудитории выбираются стратегии взаимодействия с ней, язык и темы, а также практики позиционирования себя как блогера или журналиста.

Магистральной темой беседы стала попытка определения интервьюируемым критериев, идентификации журналистов как профессионального статуса. В ходе рассуждения был сделан вывод о том, что, помимо блогеров и журналистов как агентов дискурса, обладающих разными навыками, существуют «блогеры» и «журналисты» как ролевые модели поведения внутри гастрономического дискурса. В последнем смысле блогерская и журналистская стратегии воздействия на аудиторию принципиально различаются: блогеры ориентированы на публичную деятельность по просвещению широкой аудитории, тогда как журналисты — на приватный диалог на равных с узкой компетентной группой единомышленников.

Литература

Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Под науч. ред. В. В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568.

Barauskaite D. Eating Healthy to Impress: How Conspicuous Consumption, Perceived Self-Control Motivation, and Descriptive Normative Influence Determine Functional Food Choices // *Appetite*. 2018. Vol. 131. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.appet.2018.08.015>

- Bourdieu P.* The Logic of Practice. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Bourdieu P.* What Makes a Social Class? On The Theoretical and Practical Existence of Groups // *Berkeley Journal of Sociology*. 1987. Vol. 32. P. 1–17.
- Cornelissen S.* Turning Distaste into Taste: Context-Specific Habitus and the Practical Congruity of Culture // *Theory and Society*. 2016. Vol. 45. № 6. P. 501–529. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-016-9280-0>
- Ehlert J.* Food Consumption, Habitus and the Embodiment of Social Change: Making Class and Doing Gender in Urban Vietnam // *Sociological Review*. 2021. Vol. 69. № 3. P. 681–701. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F00380261211009793>
- Hennion A.* Those Things That Hold Us Together: Taste and Sociology // *Cultural Sociology*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 97–114. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1749975507073923>
- Johnston J., Baumann S.* Democracy versus Distinction: A Study of Omnivorousness in Gourmet Food Writing // *American Journal of Sociology*. 2007. Vol. 113. № 1. P. 165–204. DOI: <https://doi.org/10.1086/518923>
- Lizardo O.* Taste and the Logic of Practice in Distinction // *Sociologický Časopis / Czech Sociological Review*. 2014. Vol. 50. № 3. P. 335–364. DOI: <https://doi.org/10.13060/00380288.2014.50.3.105>
- Paddock J.* Positioning Food Cultures: 'Alternative' Food as Distinctive Consumer Practice // *Sociology*. 2016. Vol. 50. № 6. P. 1039–1055. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038515585474>
- Sassatelli R.* The Political Morality of Food: Discourses, Contestation and Alternative Consumption // *Qualities of Food* / Ed. by M. Harvey, A. McMeekin, A. Warde. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.7765/9781526137609.00015>
- Schwarz O.* Bending Forward, One Step Backward: On the Sociology of Tasting Techniques // *Cultural Sociology*. 2013. Vol. 7. № 4. P. 415–430. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1749975513480957>
- Teil G., Hennion A.* Discovering Quality or Performing Taste? A Sociology of the Amateur // *Qualities of Food* / Ed. by M. Harvey, A. McMeekin, A. Warde. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.7765/9781526137609.00008>
- Veblen T.* The Theory of the Leisure Class. New York: Viking Press, 1967.
- Wilk R.* Loving People, Hating What They Eat: Marginal Foods and Social Boundaries Global Processes, Local Places // *Reimagining Marginalized Foods* / Ed. by E. Finnis. Tucson: University of Arizona Press, 2012. P. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1814g4b.4>
- Willekens M., Lievens J.* Boundary Tastes at Work: The Gendered Effect of Authority Positions in the Workplace on Taste in Clothing and Food // *Sociological Perspectives*. 2015. Vol. 58. № 1. P. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0731121414556545>
- Wright D.* Taste, Sensation, and Skill in the Sociology of Consumption // *Oxford Handbook of the Sociology of Consumption* / Ed. by F.F. Wherry, I. Woodward. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190695583.013.26>

Сведения об авторе:

Жесько Элла Михайловна — студентка магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: emzheshko@edu.hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2022
Принята к публикации: 30.05.2022

City Food Navigation: About Tastes, Places and Professions¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.6

Ella M. Zhesko

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: emzhesko@edu.hse.ru

This text is a summary of an online interview with gastrojournalist. The conceptual basis of the text is P. Bourdieu's concept of taste. On the one hand, taste was considered as a way of building symbolic boundaries between social groups, on the other hand, as a skill acquired by physical and mental training. Taste was correlated with food choice as interrelated components of behavior. Agents of gastronomic discourse were identified as mediators for the audience in the process of demonstrating their social status, group, or ethnicity through food consumption. The interview showed the high importance of drawing a line between journalists and bloggers as agents of gastronomic discourse, as well as the non-triviality of this task due to the blurring of boundaries between these professional statuses. Knowledge, professional qualities, and skills necessary for functioning as an agent of discourse were taken as the main criteria for distinguishing between journalists and bloggers. What was said in the interview made it possible to conclude that the distinction between bloggers and journalists as professional statuses is accompanied by their coexistence as social roles — the revealed duality may be the main reason for the difficulty of formalizing the demarcation criteria. The criteria by which the agent of gastronomic discourse forms an idea of the audience were also discussed. The image of readers and the intentions of discourse agents are formulated, with the help of which the audience of various Internet platforms is influenced. The means of influencing the audience, which are available to agents of discourse, are mentioned. As a result, it was found that professionalism in a certain sense also serves to organize ideas about the audience and to determine the style of building interaction with it.

Keywords: interview; taste; professional boundaries; gastronomic discourse

References

Barauskaite D. (2018) Eating Healthy to Impress: How Conspicuous Consumption, Perceived Self-Control Motivation, and Descriptive Normative Influence Determine Functional Food Choices. *Appetite*. Vol. 131. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.appet.2018.08.015>

Bourdieu P. (1987) What Makes a Social Class? On The Theoretical and Practical Existence of Groups. *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 32. P. 1–17.

Bourdieu P. (1990) *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity Press.

Bourdieu P. (2004) Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. In: Radaev V.V. (ed.) *Zapadnaya ekonomicheskaya sociologiya: hrestomatiya sovremennoj klassiki* [Western Economic Sociology: Encyclopedia of Modern Classics]. Moscow: ROSSPEN. P. 537–568. (In Russ.)

Cornelissen S. (2016) Turning Distaste into Taste: Context-Specific Habitus and the Practical Congruity of Culture. *Theory and Society*. Vol. 45. No. 6. P. 501–529. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-016-9280-0>

Ehlert J. (2021) Food Consumption, Habitus and the Embodiment of Social Change: Making Class and Doing Gender in Urban Vietnam. *Sociological Review*. Vol. 69. No. 3. P. 681–701. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F003802612111009793>

¹ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Hennion A. (2007) Those Things That Hold Us Together: Taste and Sociology. *Cultural Sociology*. Vol. 1. No. 1. P. 97–114. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1749975507073923>

Johnston J., Baumann S. (2007) Democracy versus Distinction: A Study of Omnivorousness in Gourmet Food Writing. *American Journal of Sociology*. Vol. 113. No. 1. P. 165–204. DOI: <https://doi.org/10.1086/518923>

Lizardo O. (2014) Taste and the Logic of Practice in Distinction. *Sociologický Časopis / Czech Sociological Review*. Vol. 50. No. 3. P. 335–364. DOI: <https://doi.org/10.13060/00380288.2014.50.3.105>

Paddock J. (2016) Positioning Food Cultures: ‘Alternative’ Food as Distinctive Consumer Practice. *Sociology*. Vol. 50. No. 6. P. 1039–1055. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038515585474>

Sassatelli R. (2004) The Political Morality of Food: Discourses, Contestation and Alternative Consumption. In: Harvey M., McMeekin A., Warde A. (eds.) *Qualities of Food*. Manchester: Manchester University Press. P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.7765/9781526137609.00015>

Schwarz O. (2013) Bending Forward, One Step Backward: On the Sociology of Tasting Techniques. *Cultural Sociology*. Vol. 7. No. 4. P. 415–430. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1749975513480957>

Teil G., Hennion A. (2004) Discovering Quality or Performing Taste? A Sociology of the Amateur. In: Harvey M., McMeekin A., Warde A. (eds.) *Qualities of Food*. Manchester: Manchester University Press. P. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.7765/9781526137609.00008>

Veblen T. (1967) *The Theory of the Leisure Class*. New York: Viking Press.

Wilk R. (2012) Loving People, Hating What They Eat: Marginal Foods and Social Boundaries Global Processes, Local Places. In: Finnis E. (ed.) *Reimagining Marginalized Foods*. Tucson: University of Arizona Press. P. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1814g4b.4>

Willekens M., Lievens J. (2015) Boundary Tastes at Work: The Gendered Effect of Authority Positions in the Workplace on Taste in Clothing and Food. *Sociological Perspectives*. Vol. 58. No. 1. P. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0731121414556545>

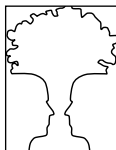
Wright D. (2018) Taste, Sensation, and Skill in the Sociology of Consumption. In: Wherry F.F., Woodward I. (eds.) *Oxford Handbook of the Sociology of Consumption*. Oxford: Oxford University Press. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190695583.013.26>

Author bio:

Ella M. Zhesko — Master’s Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** emzhesko@edu.hse.ru. **RSCI Author ID:** 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Received: 12.05.2022

Accepted: 30.05.2022

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2022. Том 14. № 2

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Анастасия Дмитриевна Говорова

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com